

СМЕНА

№ 11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Альбрехта Дюрера
читайте на стр. 66

Минувшее

Алла Зубкова **Легендарный фельдмаршал**4

Литературные страницы МСПС

Юрий Анников **Измир**18

Павел Панов **Казацкий поп** 48

Святослав Тараховский **Генка** 84

Лев Котюков **Стихи** 114

Год литературы

Юрий Осипов **Судьба комиссара.
Александр Фадеев: «Не вижу
возможности дальше жить»**30

Житейские истории

Андрей Вертихин **Квартирантка** 58

Шедевры

Ирина Опимах **Завещание Дюрера.
«Четыре апостола»** 66

Замечательные современники

Елена Воробьева **Мариэтта Цигаль-Полищук:
«Всё, что есть во мне хорошего —
это от моих родителей...»** 78

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **«Новый Суворов»** 100

Забывтые страницы

Евгения Гордиенко **Грустный веселый писатель**..... 118

Иронический детектив-буриме

*Дарья Булатникова,
Варвара Клюева,
Ирина Притога,
Наталья Рыжкова,
Сергей Вакуленко* **Шведский пасьянс** 130

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Мариэтта Цигаль-Полищук
(фото из личного архива)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
е-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8000

Зак. №1365

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.10.2015

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«*Всем известно, что Олимпийские игры нового времени возродились благодаря французу барону Пьеру де Кубертену. Однако мало кто знает, что первой Олимпиады 1896 года в Афинах могло и не быть, если бы не греческая королева Ольга, в девичестве — Ольга Константиновна Романова, дочь великого князя Константина и внучка русского императора Николая I.*

Денис **Логинов** «Королева из России»

«*Мужественный, элегантный, подтянутый, с неизменной трубкой в зубах, в ореоле успеха у читающей публики и у женщин — таким запомнился современникам Константин Симонов. А его легкое дворянское грацирование было, очевидно, наследственным. Как-никак, сын княжны Оболенской и боевого царского генерала...*

Юрий **Осипов** «Гонимый баловень судьбы»

«*В своей книге «Юл: человек, который мог бы быть королем» сын Юла Бриннера Роки обращается к россиянам со словами: «Юл Бриннер — ваша русская звезда. Он русский актер не только потому, что родился в России, но и потому, что учился у Михаила Чехова». Жизнь этого удивительного человека и актера была такой же захватывающей и интересной, как и у его театральных и киногероев...*

Владимир **Братченко** «Русский ковбой»

«*За зеленым сукном Английского клуба он выигрывал и проигрывал сотни тысяч рублей. Купленное им у княгини Голицыной имение Карабиха своей роскошью и комфортом превосходило родовые гнезда Тургенева и Толстого. Его ужинами восхищались богачи-гурманы, а охотничьи собаки, которых он выписывал из Англии, вызывали зависть даже у великих князей. Разночинец и демократ по убеждениям, он был истинным барином по своим вкусам и привычкам. И главным противоречием его жизни было противоречие между юношеской клятвой не умереть на чердаке и искренним сочувствием к обитателям чердаков, ко всем несчастным и обездоленным.*

Евгения **Зубкова** «Этот загадочный Некрасов»

«*Адвокатский роман Иосифа **Гольмана** «Защитница-2»*

Алла Зубкова

КУТУЗОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
ФЕЛЬДМАРШАЛ

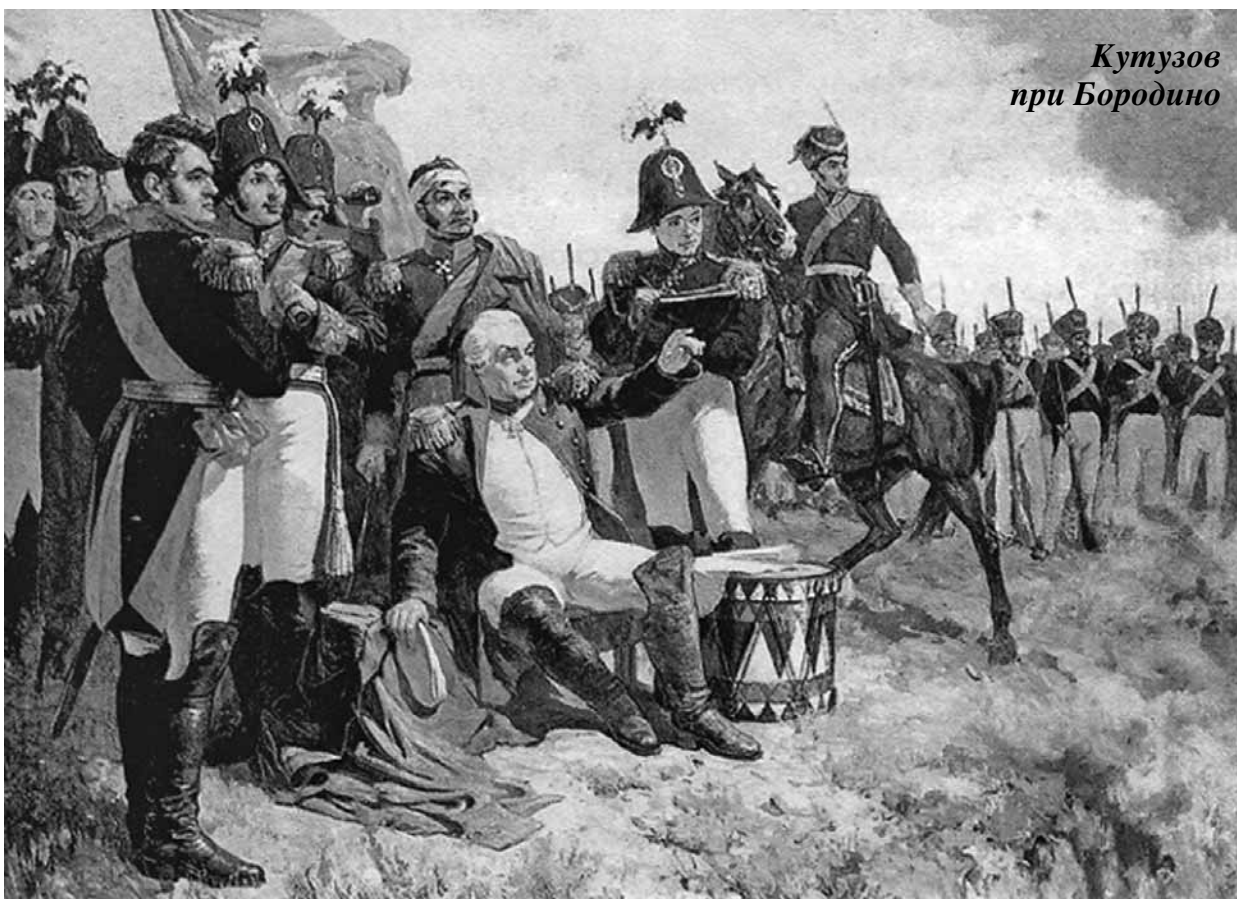
Наполеон называл его «старой лисицей Севера». Сам он знал себе цену, хотя после изгнания французов откровенно признавался, что «плюнул бы в рожу тому, кто два-три года назад предсказал бы ему славу победителя Наполеона». Почти сорок лет провел он в боях и походах, прежде чем дождался своего звездного часа. Человек высокого интеллекта, европейского образования, владевший шестью иностранными языками и безупречными манерами. Две его раны, каждая из которых считалась по всем правилам медицины смертельной, придавали его репутации легендарный ореол.

В то же время известны нелестные отзывы современников о не очень приятных нравственных качествах М.И. Кутузова — феноменальная леность, склонность к интригам, чрезмерное женолюбие, грубость с нижестоящими. Впрочем, потомков слабости Михаила Илларионовича волновали гораздо меньше, чем его современников. В конце 2000-го года, по результатам опроса россиян фондом «Общественное мнение» Кутузов был назван человеком столетия (19 века), опередив Пушкина, Толстого, Чайковского и Менделеева.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов появился на свет 5 (16) сентября 1745 года. Он принадлежал к одному из древнейших дворянских родов России, уходившему своими корнями в середину XIII века. Отец будущего фельдмаршала слыл

в годы царствования Екатерины II одним из образованнейших дворян. Военный строитель, герой русско-турецкой войны 1768–1774 гг., он дослужился до чина генерал-майора, а после отставки стал сенатором. О матери Михаила Илларионо-

вича, к сожалению, не осталось почти никаких сведений. Известно лишь, что она была из старинного дворянского рода Беклемишевых, но даже ее имя и отчество, а также точные годы жизни остаются для историков загадкой. До нас дошло только, что она умерла очень рано, и ее сын остался сиротой в младенчестве. Судя по всему, отец Кутузова во второй раз не женился и воспитывал сына сам с помощью двоюродного брата И.Л. Голенищева-Кутузова. Последний позднее и помог устроить «недоросля» Михайлу в инженерно-артиллерийскую школу. Одаренный от природы, не по летам развитой, отлично подготовленный дома к обучению в военной школе, он сразу выделился среди

прочих учеников школы, куратором которой был тогда генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал («арап Петра Великого», прадед А.С. Пушкина). Весной 1761 года Кутузов с отличием закончил курс.

Шестнадцатилетнего инженер-прапорщика заметила императрица Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II) — Кутузов был хорош собой, старателен, расторопен. Его назначают адъютантом принца Гольштейн-Бекского. Впрочем, служил под его началом Кутузов недолго. После воцарения Екатерины II он был произведен в капитаны и стал командиром роты Астраханского полка, расквартированного под Петербургом. Вскоре командиром этого полка был назначен А.В. Суворов. Их

совместная служба была, однако, недолгой, и встретились они снова только через двадцать с лишним лет. За это время Кутузов успел дважды побывать в Польше, воюя с мятежниками, а в 1770 году участвовал в русско-турецкой войне под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева. Под его знаменем Кутузов

армию. С этого времени молодой офицер стал намного сдержаннее, в характере его появились скрытность и недоверчивость.

Летом 1774 года между Турцией и Россией был заключен мир. Однако крупный турецкий десант, нарушив договор, высадился близ Алушты. В бою с ним 24 июля Кутузов был

Одаренный от природы, не по летам развитой, отлично подготовленный дома к обучению в военной школе, он сразу выделился среди прочих учеников, а в 1761 году с отличием закончил курс

с отличием проявил себя (кстати, вместе с отцом, Илларионом Матвеевичем) в победоносных для России сражениях. Он получил сначала чин премьер-майора, а затем, за сражение близ Бухареста, где, согласно реляции начальства, «напрашивался на все опасные случаи», был произведен в полковники.

По свидетельству товарищей, Михаил Илларионович обладал веселым нравом, искусством подражать любому человеку в походке, разговоре и различных ухватках. Однажды на какой-то пирушке он не пощадил и главнокомандующего, которого также передразнил. Кто-то из присутствующих донес об этом. Граф Румянцев разгневался, и Кутузов был переведен в соседнюю

тяжело ранен. Пуля, войдя между глазом и виском, «вышла напролет в том же месте на другой стороне лица». Об этой ране Кутузова «говорили все врачи Европы». Казалось чудом, что офицер не только выжил, но и не потерял правого глаза, возле которого пуля прошла сквозь его голову. Он почти два года лечился от страшной раны за границей. «Надобно беречь Кутузова, он будет у меня великим генералом», — передавали при дворе слова Екатерины II, и с тех пор императрица всегда называла его «мой генерал Кутузов». Что ж, Кутузов, в самом деле, довольно быстро поднимался по служебной лестнице — его произвели сначала в полковники, затем в бригадиры, а в 1784 году — в генерал-майоры.

За шесть лет до этого он женился на родовитой дворянке Екатерине Ильиничне Бибиковой. Их брак казался внешне счастливым, хотя амурные похождения «верного друга Михайлы», как он подписывался в письмах к ней, не были секретом ни для кого. Супруги прожили вместе 35 лет, до самой смерти фельдмаршала. Детей у них было шестеро: пять дочерей и один сын, умерший в младенчестве. Все дочери вышли замуж за крупных чиновников и военных.

Осенью 1787 года началась очередная русско-турецкая война. Главнокомандующий русскими войсками поручил Суворову защитить от турок крепость Кинбурн. В распоряжение Суворова он отправил большой отряд во главе с Кутузовым. При вылазке турок из крепости Михаил Илларионович опять был тяжело ранен в голову. Пуля прошла навывлет из виска в висок, пройдя «на волосок от мозга». Главный хирург русской армии Массо, обследовав раненого, был изумлен. «Должно полагать, — заявил потрясенный врач, — что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран смертельных по всем правилам медицины». Поразительно, что Михаил Илларионович не потерял зрения, хотя его правый глаз, возможно, стал видеть еще хуже.

От второй раны он излечился гораздо быстрее, чем от первой. Уже через 6 месяцев был снова в строю и спустя некоторое время по приказу Потемкина присоединился к войскам Суворова, осадившим Измаил. Кутузов командовал одной из

штурмующих колонн. Сопrotивление турок было столь ожесточенным, что батальоны Кутузова готовы были отступить, но на его просьбу о подкреплении Суворов ответил: «Я донес уже в Петербург о взятии Измаила, а Кутузова назначаю его комендантом». Гренадеры Херсонского полка и егеря Бугского корпуса, штыками проложив себе дорогу, ворвались в крепость. В списке представленных к награде Суворов против фамилии Кутузова собственноручно приписал: «Генерал Кутузов был у меня на левом крыле, но был правою моею рукою». Екатерина II пожаловала Кутузову звание генерал-поручика и решила использовать его способности на дипломатическом поприще. Он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе. За год своего пребывания в столице Оттоманской империи ему удалось очаровать султана Селима III и весь его двор, удивлявшийся тому, как человек, «столь ужасный в баталиях, мог быть столь любезен в обществе». За дипломатические услуги Кутузов получил от Екатерины в «вечное и потомственное владение 2,5 тысяч душ».

Следующее служебное назначение удивило самого Михаила Илларионовича. Он получил пост директора Сухопутного кадетского корпуса. Его успехи на педагогическом поприще были неоспоримы, но отношение к нему кадетов было двойным. Они уважали мудрость и огромные знания уже немолодого боевого генерала, но в то же время, как и

Военный совет в Филях

многие современники, отмечали в нем черту, о которой позднейшие биографы великого полководца предпочитали молчать. Речь идет об угодливости перед сильными мира сего, перераставшей в раболепие. Кадеты знали, что Кутузов часто ездит на поклон к молодому фавориту Екатерины Платону Зубову. Заслуженный, поседевший в боях 50-летний генерал собственноручно готовил и по утрам подавал в постель фавориту горячий кофе. А.С. Пушкин в «Заметках по русской истории XIII века» упоминал «кофейник Кутузова» в ряду самых показательных символов унижения дворянского духа.

При этом никто не умалял достоинств Михаила Илларионовича. *«Умнейший, тончайший, просвещеннейший и любезнейший»*, — таким он запомнился Денису Давыдову.

С восшествием на престол Павла I Кутузов не потерял своего влияния при дворе. Он с блеском выполнял военные и дипломатические

поручения нового монарха. «С таким генералом можно ручаться за спокойствие империи», — говорил о нем Павел. В знак своего расположения к Михаилу Илларионовичу император крестил двух его внуков.

Александр I, в марте 1801 года сменивший на троне убитого заговорщиками отца, в отличие от Павла, недолюбливал Кутузова. Михаил Илларионович после недолгого пребывания на посту петербургского военного губернатора на два года уехал в свое родовое имение Горошки на Волыни, где занимался хозяйственными делами.

Тем временем надвигалась война России с наполеоновской Францией. За плечами молодого генерала Наполеона Бонапарта уже были Тулон, итальянский и египетский походы, разгром войск двух коалиций европейских государств. Под впечатлением этих побед А.В. Суворов определил тройку величайших полководцев мира: Цезарь, Ганнибал,

Бонапарт. Александр I, понимавший, что в его окружении нет полководца, способного противостоять Наполеону, так же, как пять лет назад его отец, был вынужден обратиться к Суворову, призвал на помощь Кутузова. Он вступал в командование собранной на Волыни пятидесятитысячной армией, чтобы повести ее в глубь Европы навстречу французским войскам. В августе армия вступила в пределы Австрии. Кутузов вел ее на соединение с австрийским генералом Макком. Но в Брану к Кутузову явился сам Макк, один, без

начала был против генерального сражения, не хватило твердости, чтобы переубедить императора, который мечтал видеть себя в лаврах победителя Наполеона. С точки зрения чисто военной, Кутузов в аустерлицком поражении не виноват, как полководец он сделал тогда все возможное. Его трагедия заключалась в том, что он вынужден был допустить исполнение чужого плана, приведшего к гибели армии. Вся его оппозиция этому плану выразилась в том, что, открыв военный совет, он почти сразу же заснул.

После воцарения Екатерины II Кутузов был произведен в капитаны и стал командиром роты Астраханского полка, которым командовал А.В. Суворов. Их совместная служба была, однако, недолгой, и только через двадцать с лишним лет они снова встретились

армии — и рассказал подробности ужасного разгрома, который он потерпел от Наполеона. Бонапарт и Кутузову готовил участь Макка, надеясь взять его в клещи. Но русский генерал с невероятными усилиями и тяжелыми потерями, прикрываясь как щитом арьергардом П.И. Багратиона, сумел вырваться. Увы, военное счастье отвернулось от русских и их союзников в грандиозном сражении близ деревни Аустерлиц. Кутузову, который с самого

Удар Наполеона по центральной колонне был страшной силы. Александр I, Франц I и Кутузов сразу потеряли друг друга из виду. Все попытки Александра остановить бегущих солдат были безуспешны. Союзная армия была расчленена на три части и уничтожалась по частям. Русские солдаты дрались храбро, но не могли устоять перед натиском французов, резервы которых Наполеон направлял в решающие пункты. Даже свита Александра рассе-

ялась и присоединилась к нему только наутро. В первые часы после катастрофы император скакал несколько верст лишь с врачом, берейтором, конюшим и двумя лейб-гусарами, а когда при нем остался один лейб-гусар, Александр I, по рассказу гусара, слез с лошади, сел под дерево и горько заплакал.

В то же утро в избушке австрийского крестьянина рыдал Кутузов. Он оплакивал смерть своего зятя Тизенгаузена. Но скорбь его была вызвана не только смертью близкого человека. И не рана в щеке беспокоила его. «Рана здесь», — указывал он на бегущих по аустерлицкому полю солдат.

Несколько лет Кутузов оставался не у дел, и лишь война с Турцией заставила Александра вновь призвать стареющего полководца. За пять лет, с 1805 по 1811 годы, ни победитель Пугачева генерал Михельсон, ни даже П.И. Багратион не сумели добиться решающего успеха. За победу под Рущуком и заключение выгодного мира Кутузов получил сначала титул графа, а потом княжеское достоинство, став «светлейшим князем».

Он был отозван в тот момент, когда к западным рубежам России уже подходила французская армия. Конфликт из-за континентальной блокады сделал войну неизбежной. Против полумиллионной «великой армии» Наполеона на западных границах Россия в войне 1812 года оказалась одна.

Армии Баркляя де Толли и Багратиона соединились у Смоленска. Здесь 9 августа разыгрался первый крупный бой, после которого русская армия отступила дальше, оста-

вив позади невиданный костер — Смоленск горел.

В это тревожное время Кутузов приехал из своего имения и был избран начальником петербургского и московского ополчений. Александр, наконец, понял, что ни Барклай, ни Багратион на роль главнокомандующего не годятся. Под давлением общественного мнения на первый план снова выдвинулся Кутузов. «О, опять эта старая лисица Севера», — многозначительно произнес Наполеон, узнав о назначении Кутузова. Впереди уже маячило Бородино.

Нужно сказать, что назначение Кутузова было неоднозначно встречено в армии. Офицеры и солдатская масса встретили его поистине с ликованием. Впрочем, не только армия, но и вся Россия была тогда воодушевлена надеждой на переход затянувшегося отступления к контрнаступлению. Сам Кутузов, допуская, что может проиграть Наполеону одно (а, может быть, и не одно) сражение, был убежден, однако, в том, что непременно выиграет войну, ибо война со стороны России обрела уже национальный, отечественный характер. В такой войне, когда силы армии удваиваются от единения ее с народом, Кутузов рассчитывал одолеть Наполеона — не разбить, так обмануть. Его адъютант А.И. Михайловский-Данилевич слышал, как он говорил о Наполеоне: «Разбить он меня может, но обмануть — никогда!» Однако именно хладнокровие и разумная мудрость Кутузова вызывали раздражение даже у некоторых выдающихся русских военачальников.

Храбрый Багратион, который никогда не был поклонником стратегического дара Кутузова, возмущался: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам Наполеона, как и Барклай». С ним были согласны также генералы Милорадович, Дохтуров и другие.

Между тем приближалось 26 августа 1812 года. В ночь перед сражением по лагерю пронесли икону «покровительницы России» Смоленской Божьей Матери. За нею шел с обнаженной головой и со слезами на глазах сам Кутузов впереди всего русского штаба.

Битва при Бородино началась в шестом часу утра. Против 120 тысяч русских регулярных солдат стояла 135-тысячная наполеоновская армия. Наполеон долго ждал этого сражения. Впрочем, на этот раз император не произнес свои магические слова: *«Идите и принесите мне победу!»* В предрассветную тишину ворвался первый гулкий пушечный выстрел. Подробное описание сражения потребовало бы чересчур много места. По полю двигались массы людей, то стройными колоннами, то квадратными каре, то вдруг, рассыпавшись беспорядочными толпами, они бежали обратно, падали убитые и раненые. Потом вновь строились колонны и каре; приливы и отливы людских лавин чередовались один за другим. Остатки разбитых полков отходили в тыл, на смену двигались новые, вступали

в штыковой бой, опять разбежались, и опять начинался грозный артиллерийский поединок. Это было самое кровавое сражение со времен изобретения пороха. За десять часов русская и французская армии потеряли убитыми и ранеными почти 100 тысяч человек. Между двумя великими полководцами в эти часы шла невидимая, но титаническая борьба. Оба чувствовали, что силы их равны, и любой их маневр может привести к победе, но может также ослабить их, отвлекая силы, и привести к катастрофе. Л.Н. Толстой считал, что Кутузов вообще «не делал распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему», внешне был пассивен и безразличен, но проявлял свой «многолетний опыт» и *«стратегический ум в том, что следил за духом войск и руководил им, насколько то было в его власти»*. В этом есть большая доля правды, хотя и не вся правда.

Важное дополнение к словам великого писателя дает участник битвы Федор Глинка: *«Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою»*. И Кутузов, и Наполеон, оба с нетерпением ждали результатов, направляя действия войск, к которым перешло решение Бородинской битвы. Солдаты обеих армий показывали образцы военной доблести. *«Никогда и никакие войска не сражались столь мужественно, как сии две храбрые армии»*, — подчеркивал Барклай де Толли. *«Русская армия заслужила величайшие похвалы. Другие войска были*

бы разбиты и, может быть, уничтожены до полудня», — считали ведущие французские историки.

Почти никто в русской армии не считал сражение проигранным. Да, Наполеону удалось занять все укрепления и позиции Кутузова, но главную свою задачу — разгромить русскую армию, уничтожить ее живую силу, заставить ее бежать — он не решил. И в этом немалая заслуга Кутузова. Стратегический и тактический успех французов был уравновешен нравственной победой русских. Недаром сам Наполеон заявил: *«Французы показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».*

Вечером 1 сентября избу крестьянина Михаила Фролова в подмосковной деревне Фили, где помещился Кутузов, заполнили высшие чины армии. Обсуждался на совете один вопрос: сдать Москву Наполеону или не отдавать. Барклай решительно выступил за отступление. Шестеро из одиннадцати участников совета (в том числе Дохтуров, Платов, Ермолов) высказались за сражение. Выслушав всех, фельдмаршал так заключил прения (между прочим, по-французски): *«Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить».*

Решение это было воспринято неоднозначно. Многие срывали с себя мундиры и не хотели больше служить. Некоторые считали приказ «изменническим». Сам же Кутузов чувствовал себя деморализованным. 2 сентября фельдмаршал по-

*Жена полководца —
Екатерина Ильинична
Голицынцева-Кутузова*

просил ординарца проводить его из Москвы *«так, чтобы, насколько можно, ни с кем не встретиться»*, и уезжал одиноко, без свиты. Он тревожился, как воспримет его решение император. Да и ропот войск (они первый раз, видя его, не кричали «Ура!») тоже удручал светлейшего.

Пожар Москвы 1812 года до сих пор вызывает споры, хотя уже достаточно давно доказано и подтверждено такими авторитетами, как Пушкин, Карамзин, Лермонтов, Ермолов, Денис Давыдов, — Москву сожгли рос-

сияне. 2 сентября, оставляя город, фельдмаршал приказал сжечь склады, магазины с продовольствием, фуражом, частью боеприпасов.

На совете в Филях Кутузов приказал отступить по Рязанской дороге. Со 2-го по 5-е сентября русская армия так и поступала. Но в ночь на 6-е Кутузов, прикрываясь казачьими отрядами, внезапно повернул главные силы армии на запад к Подольску, а затем по Калуж-

ской дороге на юг. Весь этот переход с Рязанской на Калужскую дорогу был проделан большей частью в ночные часы, скрытно и так искусно, что французы на 9 дней потеряли русскую армию из виду. Тарутинский маневр Кутузова существенно повлиял на ход войны 1812 года, обозначив собою уже пролог перелома. Сам Наполеон назвал этот маневр «прекрасным». Честь тарутинского маневра принадлежит Кутузову.

Трудности, с которыми встречался в то время Кутузов, усугублялись нападениями на него некоторых недоброжелателей по поводу определенных качеств фельдмаршала. Его еще в молодости упрекали в волокитстве, гипертрофированном женюльбии. Тогда о нем говорили, что он не может существовать без того, чтобы не иметь около себя трех-четырех женщин. Об одной из этих «владычиц», 14-летней молдавской боярышне Гуниани, знали не только в Молдавии, но и в Петербурге. Осенью 1812 года на Кутузова поступил донос, что он оставляет армию на

В Москве Наполеон провел 36 дней, со 2 сентября по 7 ноября. Позднее столь долгое сидение на московском пепелище он назовет «величайшей ошибкой». Оставляя Москву, Наполеон решил взорвать Кремль. К счастью, фитили отсырели. Был поврежден ряд соборов, взорвали здание Арсенала. Иван Великий и Спасские ворота не пострадали. В последовавшей позднее битве под Малоярославцем Кутузов не смог нанести поражение Наполеону, но и сам не был разбит. Он только оставил, как при Бородине, исходные позиции и отступил в

Александр I недолюбливал Кутузова, и тот несколько лет оставался не у дел. И лишь когда французская армия уже подходила к рубежам России, император снова призвал стареющего полководца, понимая, что только он годится на роль главнокомандующего русской армией

произвол судьбы и лишь предается неге, держа при себе молодую женщину в одежде казака. Доносчик ошибался: женщин было две. Привычку облачать своих наложниц а la cosaque Михаил Илларионович сохранял, по крайней мере, с турецкой кампании 1811 года. Впрочем, к 1812 году любовные утехи фельдмаршала стали уже более декоративными (как неотъемлемый с молодых лет атрибут его «имиджа»), чем натуральными.

готовности к новому сражению. Однако Наполеон решил отступить к Смоленску через Можайск. Так впервые в жизни император сам отказался от генерального сражения. Впервые он добровольно повернулся спиной к противнику и перешел из позиции преследователя в позицию преследуемого.

18 октября Кутузов двинул свою армию вслед за отступающим Наполеоном. Именно с того дня фельд-

маршал приступил к осуществлению своей идеи параллельного преследования неприятеля как особой формы контрнаступления. В то время как Наполеон отступал по разоренной Смоленской дороге, Кутузов преследовал его параллельным маршем по Калужской дороге, на которой русские войска всегда находили припасы, места для отдыха и поддержку населения. Кроме того, он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Запас провианта, взятого французами из Москвы, был быстро съеден. После Малоярославца они питались лишь кониной. Положение усугубили наступившие морозы. Зима 1812 года выдалась необычайно холодной, со средней температурой на 5°-8° ниже нормы. Боевые колонны некогда «великой армии» превратились в голодные и обмерзшие толпы. Они подходили к рубежу, где было уготовано «конечное им истребление». То была Березина.

Стремясь оторваться от настигавшего его Кутузова, Наполеон приказал навести два понтонных моста через Березину у Студенки. Его 400 понтонеров работали по плечи в воде, среди плавучих льдов. Почти все они погибли, но дело свое сделали. Однако русские наседали. 17 ноября, когда еще далеко не вся армия переправилась, Наполеон приказал сжечь оба моста. Потери французов на Березине были громадными, едва ли не меньшими, чем под Бородино. Это был большой успех, однако главной своей цели —

полного истребления французской армии — Кутузов не добился. Наполеону удалось спасти гвардию, офицерский корпус, генералитет, всех маршалов и себя самого.

Знаменитый баснописец И.А. Крылов откликнулся на события 1812 года семью баснями. Лучшую из них — «Волк на псарне» — он через жену Кутузова переслал самому фельдмаршалу, и тот после одного из боев прочел ее собравшимся вокруг него офицерам и при словах «ты сер, а я, приятель, сед» снял фуражку и потрянул седой головой.

Теперь отличия и почести сыпались на него со всех сторон. Среди прочего фельдмаршал получил портрет Александра I, украшенный бриллиантами, и золотую шпагу с алмазами, «гирляндой лавра из изумруда» и тоже с бриллиантами ценю в 25 тысяч рублей. Сам Михаил Илларионович при этом заметил, что «драгоценные камни маловаты».

Что касается заграничного похода, то Кутузов не был его горячим сторонником. «Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!» — ворчал фельдмаршал. Тем не менее, он гордился успехами армии, сообщая жене: «Мы уже занимаем третью столицу».

Между тем здоровье фельдмаршала становилось все хуже. Диагноз смертельной болезни Кутузова в разных источниках разнится — от «нервической горячки и тяжелой формы полиплеврита до рака внутренних органов». Усилия придворных врачей оказались тщетными. 16 (28) апреля в старинном особняке города

Бунцлау (Силезия) Михаил Илларионович Кутузов скончался. На чугунном обелиске, установленном в Бунцлау, весом в 60 тонн и высотой в 11 метров, — прочувственная надпись. Ну а гроб с телом Кутузова захоронен в Петербурге в Казанском собо-

ре. И, наверное, лучшей эпитафией великому полководцу будут слова А.С. Пушкина:

*Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал —
и спас. □*

ИЗМИР

«Нам кажется, что мы выражаем только себя, говорим только о себе, и вот оказывается, что из глубокой связи, из инстинктивной общности с окружающим, мы создаем нечто сверхличное... Вот это сверхличное и есть лучшее, что содержится в нашем творчестве».

Томас Манн

Метет и метет. Куда ни глянь — белое безмолвие. Все дороги замело, все надежды мои, что скоро открою двери нашего старенького дома, прижмусь к матушке, и под тихое-тихое «тик-так, тик-так» поплыву с Измиром в голубую даль Ягорлыцкого залива, а потом помчим с ним по солончаково-ромашковой степи, раскинувшейся у Черного моря до самого горизонта, а там...

Метет и метет. Сажу в застрявших в снежном заносе «Жигулях», друга поджидаю, греюсь, прислушиваюсь к завыванию метели и мечтаю.

— Не горюй, старина! — будто издалека, из-под самой земли, доносится басистый голос Кольки Демьянова. Он все еще суетится подле своей машины. Правда, уже не подталкивает ее плечом, не жмет до упора на газ и не талдычит это осточертевшее: «Войну пережили и это переживем! Где наша не пропадала!..»

Вспомнил его молодым. Сильным и напористым. Едва плавать научился, всегда норовил против течения плыть. Он гораздо лучше меня «тарзанил»

на высоченных орехах, намного дальше бросал камни и, не закладывая в рот пальцы, так здорово свистел!

Вот как учил он меня от водоворотов спасаться — в те годы по Днестру их много было:

— Не надо трусить, понял? Не надо барахтаться в нем, все равно засосет, и каюк будет. А надо в глубину, куда затягивает тебя вода, идти, прихватив побольше для легких воздуха. На самом дне всегда тишь да божья благодать. Там такой родник бьет — зубы ломит. Попей водицы, успокойся, а когда почувствуешь, что дышать крепко хочется, отплывай, куда подалее, от этой круговерти, да не вздумай против течения идти. Вынырнешь — и снова в него попадешь. По течению отходи. Прижмет с «дыхалкой» — скорее всплывай и, тихонечко поначалу, дыши и дыши. Ужас, какое будет блаженство! Небо, земля, люди, и ты — живой...

Пробовал — получилось. В жаркие дни частенько там родниковую воду пил. И помню, как солдата с лошадью в этот водоворот закрутило. Как сейчас вижу бьющуюся, рвущуюся из водяной воронки голову лошади с раздутыми ноздрями, слышу ее моляще-жалобное предсмертное ржание и протяжный зов беспомощного, до смерти перепуганного солдатика: «Мамочка моя родная, я же тону...» И все вдруг исчезло и смолкло в одно мгновение. Жуткая была картина!

Но рыбу мы все равно ловили не с нашего берега, а с острова, у водоворота. Как только, бывало, спрячется солнышко в Голерканском лесу, мы раздевались догола, укрепляли одежку со снастями и едой на голове и, как разведчики, тихо-тихо, в полной уже темени, переплывали на остров. Без всяких там фонариков, на ощупь, заправляли червями по два пятидесятиметровых, с двадцатью пятью крючками в каждом, перемета и с присвистом забрасывали тяжелейшие тракторные грузила-болты, привязанные к шнуру с деревянной палочкой, в реку. Смотрели, как, описывая радужную дугу, улетала эта крепчайшая нить, скрученная, просмоленная, с поводками, крючками и червями, в желанную даль. Определяли в уме, на какой глубине и на каком расстоянии друг от друга они разлягутся на дне и приманят нам удачу.

Покончив, наконец, с этим делом, быстренько мыли руки и накрывали ужин на травянистой, теплой еще земле. Выкладывали яйца, сало, помидоры, огурцы, прижимая к груди, нарезали хлеб, до единой крошечки все быстренько сметали и располагались на ночлег. Разглядывали небо, искали созвездия, звезды и засыпали, окруженные пахнущими травами, ночной прохладой и ветерком.

Предрассветная рань будила нас. Утренний озноб колотил, но мы все равно нанизывали на кукан бьющихся в руках лещей, судаков, стерлядь

(какой только рыбы тогда не было в Днестре!), с превеликим трудом, сцепив длинный кукан с рыбой зубами, возвращались домой, едва ли не по самой земле волоча драгоценную добычу. А уже в школе засыпали и с нетерпением ждали, когда же, наконец, и для нас прозвенит этот долгожданный последний школьный звонок.

И он прозвенел, но с той поры мы не виделись много-много лет. Николай совсем недавно, как снег на голову, появился в Дубоссарах. Вернулся все-таки блудный сын домой. И вот только теперь выпала нам возможность один на один поговорить.

Ну, вот и он! Заснеженный весь, морозный, рухнул на свое сиденье, с силой захлопнул дверцу, включил печь, дворники, но, как старательно ни размахивали они, счищая с лобового стекла снег, впереди ничего не было видно. Метет и метет. Случилось это в редкостную для нас зиму. Много тогда всякого транспорта застряло в пути. Застряли и мы.

— Ну, давай, рассказывай про свою первую любовь. Заливать ты, знаю, умеешь. Читаю твои фигли-мигли в газете. Получается... — Отставной капитан второго ранга Колька Демьянов, а ныне гражданский начальник нашей газовой конторы, жаждал моих воспоминаний. — Ты ведь о каком-то Измире хотел рассказать. Давай про него!..

В салоне стало немного теплее и даже уютнее. Колька вытащил из сумки бутылку, стаканчики и бутерброды, разложил их на клеенку прямо на сиденье и налил по чуть-чуть. Мы чокнулись, выпили немного, закусили, и полилось мое откровение тихим ручейком.

— Сколько уж раз, дорогой мой, за все эти годы порываюсь написать об Измире, стыдно сказать. Бывало, убегу, спрячусь в закутке темном, свечечку для вдохновения зажгу, ручку достану и только выведу на чистеньком листке бумаги одно-единственное слово: «Измир», как глаза тут же закрываются, и я уже там. И вижу его, так отчетливо вижу. Далеко стоит с опущенной головой, травку теплыми губами пощипывает и все дожидается и дожидается моего протяжного зова: «И-и-з-м-и-и-р! Из-ми-ру-шка-а!..»

Учуял наконец. Уши наострил, воздуха в себя вобрал, фыркнул, головой встряхнул, и вот мы уже мчимся навстречу друг другу с ошалелой радостью...

А свеча все горит-догорает. Ну, я сигаретку от огонька ее прикурю, дымком затянусь, а ни строчки черкнуть о нем не могу. Только что шепчу зачарованно: «Измир!..»

...Да никакой это не портовый город в Турции. И не кличка, вовсе не кличка, а имя моего незабвенного друга, на скаку вбирающего в себя всю

мою радость. И до сей вот поры все никак не могу понять: как, откуда, из какого же места той бескрайней степи, где давно уже лежит он в вечном покое, исходит это неосязаемое, никому не ведомое, но неимоверно сильное чувство любви и добра ко мне. Все никак не могу я замолить грехи. Бывало, проснусь в полночь, брошусь писать и побегу к нему по бумажному листочку, и к груди его уже прижмусь, а вижу-то совсем не его, а Машеньку, чужую жену, жену капитана Диденко. Ты слышишь меня, Колька?

— Да слышу, слышу. Сколько раз повторять. Давай рассказывай, что там такое случилось?..

— Слушай... Учился я тогда на третьем курсе Киевского ГИФКа. Занимался борьбой, и очень даже неплохо. О той студенческой жизни любо-дорого вспоминать, но о ней как-нибудь в другой раз. Предлагали мне тогда и квартиру в Киеве, и должность «кусковую», только за ЦСКА борись в наилегчайшем весе. Словом, ослушался я начальство, так они меня в Одессу упрятали. Ну, служу. На радиста учусь. С ротным подружился, с майором Жоголевым, замечательнейшим человеком. Он-то и спас меня от неминуемого дисбата. Бедранул я, помню, наглого здоровенного сверхсрочника. Любил, гад, над молодыми солдатиками поиздеваться. Так он к самому командиру части с рапортом побежал. А Жоголев вызвал меня и говорит: «Не робей, браток, укрою я тебя от дисбата, нечего тебе там делать. Так упрячу, что никакая разведка тебя не сыщет. В в/ч 15586 поедешь. К другу моему, капитану Диденко. Может, жену его увидишь. Ох, и красивая! Отдохнешь, стишата свои там попишешь, да и постучишь себе в удовольствие на морзянке. А я наведаюсь, обязательно наведаюсь...»

Усадил он меня в свой «бобик», и его крепкий водила пулей примчал в в/ч 15586 к капитану Диденко. Так и попал я в эту вот самую солончаково-ромашковую степь у тихого и теплого Ягорлыцкого залива. Красотища неопишуемая, Коля! Теперь бы хоть одним глазком на все это взглянуть.

Высокий сухощавый капитан Диденко встретил меня приветливо. Как и положено по уставу, я первым отдал честь, а он козырнул нехотя, как-то сверху вниз опустил длинную руку и, крепко сжав мою неуверенно вытянутую вперед ладонь, пробасил:

— Вот, вот... А-ить и нам хорошие спортсмены нужны! И мы здесь «самбо-мамбо» организуем. Вон у нас какие дивные просторы!..

И повел меня в часть. Я наблюдал за ним исподтишка. Глаза у него были блоковские! Такие же отрешенные, задумчивые, грустные. Потом я узнал, что и он ночами пописывает стихи.

В кабинете я вручил ему свои служебные документы и «секретное» сопроводительное письмо майора Жоголева, заложенное в выцветший, без

марки, конверт. Читал он его с явным удовольствием. То тихо хихикал, а то вставал и, утирая слезы, заливался смехом. Некоторые строчки письма читал сосредоточенно, кивая головой и прикасаясь рукой к густым смолянистым волосам. Наконец облегченно вздохнул и сказал:

— Ну что же, ставлю тебя на довольствие. Да смотри — никаких драк, никакой самозащиты без оружия. Служи тише воды ниже травы. А хорошую инициативу — проявляй, помогу...

Ну, я и развернул там такую военно-трудовую деятельность, что он как-то, хоть и с улыбкой, а все-таки устало заметил: «А с тобой действительно не соскучишься!..»

Поначалу мы взялись за благоустройство. Потом упросили председателя колхоза села Рыбачье подарить нам старенькую лодчонку и сети. Стали с ростовчанином Володей — поваром — рыбачить в заливе. У семей сверхсрочников позаимствовали живность. Начали разводить кур и кроликов, хотя уток и зайцев в степи было великое множество. Генералы частенько наезжали к нам поохотиться.

А к баньке, конечно же, пристроили первоклассную парилку. По сей день по ней тоскую. Словом, весь многонациональный рядовой и сержантский состав части был при деле.

Но ЧП все-таки произошло. В хозяйстве нашем был еще и гнедой красавец — арабский скакун Измир. Он доставлял нам из ближайшего села почту. Да почтовик, грузин по национальности, по неумению обращаться с лошадью, застудил его. Старший сержант Сухов, начальник радиостанции (а я служил при ней радистом, телеграфистом), знавший толк в лошадях, говорил: «Погубит Коба, — так, кажется, звали грузина, — красавца Измира, погубит!..» И вот как-то поутру вижу, бьет грузин Измира уздой: не хочет тот, видите ли, в «бедарку» впрягаться. Ну, я и сцепился с ним. Он был, конечно, не в моей весовой категории, почти полутяж. Сильный, гордый и злой. Я к нему, а он никак к себе не подпускает — знал, если я хоть до пальца доберусь, то ноги уже точно на уши накручу. Пришлось прикинуться, что от очередного удара сознание потерял. Как мертвый на земле распластался. А он только нагнулся, чтобы удостовериться в этом, как тут же по позвоночнику схлопотал. Заорал от боли, матом меня крыл, убить грозился, а я вскочил и как закричу:

— Выручай, братва российская, грузины наших бьют!..

Вижу: бегут армейцы. А впереди, придерживая белый колпак на голове, мчится со столовым ножищем Володька...

Разняли нас. Потом, правда, на словах еще погрызлись, но Измира я все-таки отвел к Сухову. Он-то и научил меня не только умом и красотой лошади любоваться, но и по душам говорить с ней, заботиться. Вместе

с Суховым выходили мы Измира. И меня армейская братва зауважала, избрала даже секретарем комсомольской организации. Я старался. Научился в прибрежных омутах залива ночью ловить кефаль, вялить ее, ромашку с солончаком косить, сушить и скирдовать для Измира и кроликов сено. Со временем и с грузином помирились.

... Пришла зима. И под самый Новый год вот такая же метель разыгралась. Ближайшее почтовое отделение — в 15-ти километрах от воинской части. Когда наш грузинчик выехал с Измиром за почтой, то и намек не было на перемену погоды. Письма он забрал где-то к обеду, да тут и заволкло небо, подул северный ветер, неся сплошной стеной большие снежные хлопья. Ему бы переждать, заночевать где-нибудь, в степи же ориентира никакого нет, а он — в седло и погнал. Сначала по колее шел, а где-то в пяти километрах от нашей части сбился с пути и стал тянуть Измира не в степь, а к заливу. Даже с седла слез и за узду повел его за собой, но Измир вырвался и поздним вечером прискакал в часть один. Тут же забили тревогу. А метель еще сильнее разыгралась, да с морозом, ветром.

Двое суток мела, на третьи стихла. Снега по колено намело. Из Одессы на вертолете прилетели начальники во главе с генералом. Опросили свидетелей, подсчитали время, вычислили — где-то в степи искать надо. А как? Это же иголка в сене! Набросились на капитана: тот, убитый горем, все это время стоял навтыжку, а они его крыли вдоль и поперек.

Стали степь прочесывать. На поиски роту солдат бросили, а что толку. Снег кругом, аж в глазах рябит. В одном месте, помню, всегда на дороге крохотное озерко образовывалось. Когда дошли до него, вот тут-то и замер Измир. Заржал, да с поворота как помчится назад галопом, только снег столбом из-под копыт.

Первыми подошли ко мне Диденко и Володя-повар, душевный парень-гармонист. Другие оглядываются по сторонам, а Володя пригнулся и показывает мне, что вон там, в заливе, в метрах 30-ти, холмик какой-то снежный. Когда ребята расчистили с бугорка снег, то его и увидели там с почтовой сумкой. Я на это, Коля, тогда смотреть не мог. Вроде ничего не боюсь, а тут сознание потерял...

Пришла весна, пробилась травка, зацвели ромашки.

Ну, ты только представь себе, Коль: чистое небо, земля вся в ромашковых глазенках и сливающийся с горизонтом тихий голубой залив.

К Диденко прилетела жена. И, правда, неопикуемой красоты москвичка. Доставили ее на вертолете. Она была дочерью какого-то большого военного начальника. Я же за это время очень сдружился с капитаном. Инициативы у меня — пруд-пруди, сам знаешь. К тому времени у нас

с местными жителями прочные контакты наладились. Там, Коля, страшные прошли бои, мы в Рыбачье в День победы приезжали салютовать из карабинов. А жители до того все гостеприимные! Нас, солдат, не знали, куда усадить, чем напоить и накормить...

И вот вызвал командир меня к себе и по-дружески попросил прокатить жену по степи на Измире, а заодно и почту в Краснознаменке захватить. Возле конюшни я кликнул Измира, он у меня всегда вольно по степи бродил, но на зов тут же прилетал. «Сегодня, — говорю, — в «бедарке» поедем, капитанову жену покатаешь. Заодно и почту прихватим. Да ты уж смотри, не подведи, сам приглядишься, какая она красивая!..»

Запряг я его, подъехал к части, а она уже ждет. В светлом льняном платье, с распущенными соломенными волосами и сумочкой для всяких там женских принадлежностей. Я сошел с «бедарки» и, как полагается, помог ей сесть в нее. А самого дрожь, понимаешь, пробирает, аж страшно от такой ее красоты. Сжался я в уголочке, вожжи в руках меж колен зажал и слегка присвистнул Измиру: «Вот мчится тройка почтовая по Волге, матушке-реке...» Он тронулся с места и с приподнятой головой пошел по колее легкой красивой рысцой.

Впереди залив и степь, а между ними — убегающая в бесконечную даль навстречу солнцу дорога. Едем. На душе хорошо. Всю жизнь бы вот так с ней, в любую даль, хоть на край света. Но себя крепко настраиваю: «И думать о ней не смей, чужая она жена. Да и куда, и зачем? Сиди себе, да посвистывай».

Вожжами я Измиром никогда не управлял. Словом, песней — да. А руки? Куда мне их было деть? Вот и зажал их меж колен. А она прямо мне в глаза тревожно как-то посмотрела и тихо попросила:

— А можно и мне вожжи подержать? Я в такой красоте еще никогда не бывала...

Держала она их совсем не так, как надо. Мне хотелось сказать: «Не робейте, смелей, подтяните хоть чуточку вожжи, дайте ему знать, Измир не подведет». А у самого сорвалось: «А ну-ка давай, любимый!..» Эх, как он пошел, прибавляя и прибавляя шагу, и вскоре перешел в стремительный, рвущийся вперед полет. Ее белое лицо зарумянил ветерок, разбросал, играючи, соломенные волосы, а в голубые глаза бросил искорку, и помчала наша «бедарочка», аж дух захватывало. Не удержать теперь Измира! Обнял я ее за талию, чтобы вдруг не свалилась, а она неожиданно голову к моей гимнастерке склонила и смотрит на устремленную к солнцу голову Измира и убегающую в даль дорогу.

Что тут не понять, Коля, влюбился я без памяти, считай, с первого взгляда. Но ведь нельзя, чужая она жена, да и честь для меня куда важнее

и дорожке. Я с силой потянул на себя вожжи, и Измир плавно перешел на тихую рысь...

Ну, живем, значит, службу несем. Командир, вижу, радостный ходит. Как-то говорит: «Спасибо тебе, друг. Дела ее пошли на поправку, щечки хоть порозовели. О тебе, Измире, степи да море только и ведет со мной разговоры».

А тут вызов мне пришел: «Срочно прибыть в Одессу на сборы». Ребята-сослуживцы дружно стали собирать меня в дорогу, капитанский «бобик» из гаража выкатили, хотя он только для генералов был предназначен. Когда они прилетали, так по ночам гоняли на нем по степи и громадных зайцев отстреливали. Я даже самого Бабаджаняна видел. Хороший был охотник, толковый человек. За руку со мной здоровался, вместе поохотиться предлагал, да только не по мне такая охота. Я им с поваром Володей рыбку ловил. А нам не только бычки с полруки, а и белуги килограммов с «надцать» попадались. У меня на них чутье...

— Ну, куда тебя опять повело? О ней рассказывай! — недовольно перебил меня Колька.

— Говорю, говорю. Так я ведь с ней и по сей день в мыслях живу, Коля. Одна она у меня, одна... Ну, сел, затаренный черт-те чем, в «бобик», а Асакян, водила капитановский, как врезал по скоростям, только и успел выхватить на миг ее, стоявшую чуть поодаль от махавших руками солдат и командира. Обмерло мое сердце, Коля, обмерло. Хоть дверцу открывай, выпрыгивай и беги к ней...

Короче, соревнования по самбо я выиграл, вырвал, с грехом пополам, первое место и обратно в часть подался. До деревни автобусом добрался, а сам знаю, Измир меня, как всегда, где-то поодаль поджидает. Кликнул я его и ухом сразу же к земле прижался. Жду. И вот веришь, сначала совсем тихо, а через минуту-другую — приглушенные удары «та-дам, та-дам», и все ближе, все слышней. Примчался, голову склонил — обнимай, мол, скорее. Обнял, сахарочку немного дал. А он теплыми щекочущими губами — шлеп сахарок, и хрум-хрум его зубами.

Вскочил я на него, и в часть. Вижу, засекли меня бойцы, издали руками машут. Я как раз к обеду успел. Володька мне запеченного зайца подсовывает и шепчет, что белужка в залив подошла. Вчера, мол, одну поймали и командиру отдали. Он побрыкался малость, но взял. «Так ни он, ни она ни черта готовить-то не умеют, — усмехнулся Володька. — Ну, я им сделал блюдо, пальчики оближешь. Спасибо, говорит она мне, спасибо, а по тебе тоскует, вижу... Шибко тебя дожидалась, места себе не находила. Встанет, бывало, в степи и смотрит, смотрит на дорогу. А командир, видно, нервничает, ревнует. Я к нему заходил, сказал, что честь свою ты не

опоганишь. Да он и так верит тебе. А ты ее покатай, покатай на Измире. В залив возьми, пусть посмотрит, как ловится рыбка. Скоро уедет, и все потихоньку забудется».

Только из столовки вышел, а она уже в брючках белых и блузе васильковой дожидается и с такой радостью, с такой надеждой «здравствуйте» говорит! Ну, куда деваться?..

На следующий день покатали я ее на Измире верхом. Ничего, хорошо в седле держалась. А как смотрелась! Жаль, фотоаппарата не было. Хотя и не нужен он мне, зачем фотографии, если она и так все время перед глазами.

А она рассказывала мне, что за время моего отсутствия, как я ее учил, по утрам в заливе купается, зарядку делает и чувствует себя превосходно. Мол, никуда она отсюда не уедет, только здесь счастлива, а потом, чуть ли не со слезами, попросила взять ее с собой на рыбалку.

Утром, в темени еще предрассветной, в окошко, слышу, стучит кто-то. Дневальный на ухо шепчет: «Пришла-а!..»

Ну, пришли мы с ней на берег, сели в лодку. Командирский плащик на ее плечи накинул — сбросила! «Так туман, туман, — говорю, — простынете». Вижу, обиделась.

Я опустил весла в воду, и мы медленно поплыли. У красного буя начало сети нашли и стали вдвоем выбирать. Поначалу пошли, как всегда, крупные бычки с разъяренными глазами, потом ерши и реже, уже на большой глубине, камбала. Но по натяжению сети, по ее редким, но сильным рывкам-ударам, я почувствовал: попалось что-то очень серьезное. И вдруг понимаю: очень далеко отнесло нас от берега, его уже не было видно, а нас кто-то тянет в глубь залива. Ну, не черт же? Рыба! Я ухватился за сеть, а она оказалась порванной, перепутанной. Велел ей сесть за весла, и стал тянуть уже один. Вдруг за моей спиной раздался ее испуганный крик. Дрожа от страха, она бросилась ко мне, прижалась и, закрыв глаза, только шептала: «Смотри, смотри...» Ее испуг передался мне, и я настороженно повел вокруг взглядом. И тут, метрах в пяти от нас, наткнулся взглядом на громадную серую рыбью тушу. Она кружила и все приближалась и приближалась к лодке. То была не акула, это я точно знал, она бы саданула по лодке. Ни головы, ни хвоста видно не было, но я догадался, что это белуга попалась в сети. Стоя на коленях, в одной руке я держал сеть с рвущейся в море белугой, а другой прижал Машу к груди и стал ждать — что будет, то и будет. Может, думаю, сеть надо резануть, да отпустить эту белугу на волю, а ножа нет, забыл взять. По натяжению сети вдруг почувствовал: сдается белуга. Глянул, а она на воде распласталась, устала. Начал я ее к себе тащить и вместе с буюм заволок в лодку.

А потом поднял Машу на руки и крикнул: «Смотри, смотри, какая она красивая!» Тут и берег показался. Сам не знаю, как это случилось. Мы вдруг бросились друг к другу, крепко обнялись и застыли в долгом поцелуе. А потом стали всякие нежности лопотать. Разве такое можно забыть, а?..

Нас уже ждали. Когда нос лодки врезался в мягкий, усталый морскую траву берег, я вдруг, сам не понимая, что творю, снова подхватил ее на руки и понес к капитану, стоявшему чуть поодаль от солдат, бросившихся во главе с Володей-поваром к лодке поглядеть на добычу. «Ну, как? — спросил он, — вижу, вижу улов». «Прекрасно!..» — тут же вставила Маша.

Белуга попалась с икрой. Жаль ее, конечно, было, но я успокаивал себя мыслью, что это для нее, для моей любимой, для ее здоровья. Засолили мы с Володей икру. «Правильно, правильно, — говорил он мне, — а то она прямо аж светится вся, гемоглобина в крови мало. Икра — самое лекарство для нее. А что случилось-то там, в заливе? Чего ты какой-то не такой?» «Потом, Володя», — выдохнул я.

Как обычно, вышел в назначенное время на связь, принял радиogramму, из рук в руки передал ее для расшифровки капитану и посмотрел ему прямо в глаза, мол, вот такие, брат, дела: сильные чувства в узде не удержишь.

Он все понял, покачал головой и неожиданно сказал: «Ничего предсудительного в этом нет. Я, друг мой, все вижу и все понимаю. Да улетит уже скоро она... Поезжай-ка с ней в Гопри — просится. Не удержу уже, да и кто ее теперь удержит! По магазинам там ходите, а оттуда прямо к чабанам езжайте. Со мной не хочет, а только с тобой и с Измиром».

Тут, как говорится, и кульминационный момент приблизился. Побывали мы в Гопри, к чабанам заехали. На руках ее носил, что скажет, то и делал. А к ночи она и говорит мне, что суббота сегодня, значит, баньку истопили солдаты. Попариться бы... Звездной тихой ночью и подъехали к ней. А уж что там было, Коля, то было...

На следующий день в полдень прилетел на вертолете ее отец, строгий, с маршальскими погонами, и забрал ее. Все, что она мне тогда в баньке говорила, я на всю жизнь запомнил. Но больна она была очень. Рак крови. Что ни делали врачи, спасти ее так и не смогли. Умерла Маша. Капитан Диденко там, в Москве, с ней был, так вот потом он мне рассказал, что последние ее слова были такие: «Передай ему, пусть так же, как и Измира, всю жизнь меня любит».

Много, Коля, я всего в жизни повидал, а Измир да чужая жена Машенька все время со мной рядом идут.

А с Измиром вот как простились. Пришел и мой дембель, капитан Диденко, совсем уже седой, сам решил меня на «бобике» проводить. Я со-

брался на скорую руку, и погнали с ним по степи. Только чую, настигает нас кто-то. Оглянулся — Измир. Обогнал и встал на дороге. Господи! Выскочил к нему, да на колени: «Прости, прости, дорогой, но куда же я тебя?..» Капитан тоже вышел из машины и подошел к нам. Так молча и стояли, пока Измир, не оглядываясь, ушел в степь...

— Ну, ты и даешь, если все это правда!

— Правда, Коля, чистая правда.

Было уже совсем светло. Метель стихла. И мне, и Кольке удалось взобраться на крышу «Жигулей», и мы стали расчищать снег. А потом и парни подвалили нам на помощь.

Вскоре мы уже сидели в заводской столовой, а веселая, хохочущая повариха Раиса Степановна отпаивала нас горячим черным кофе.

— Ну вот, Раиса Степановна, я же ему говорил, что выкарабкаемся, а он... — Николай кивнул головой в мою сторону и добавил: — Не верил.

Я же, согревшись и разомлев, уже пел:

...Какая Марья без Ивана,

Какая зорька без росы,

Какая песня без баяна,

Какая Волга без Руси...

Красиво надо любить, Коля, красиво!.. □

Юрий Осипов

**СУДЬБА
КОМИССАРА**

А **Ф** **лександр** **адеев:**

**«Не вижу
возможности
дальше
жить»**

Теплым майским утром 1956 года на втором этаже большой переделкинской дачи сидел за столом в кабинете высокий красивый человек с седой шевелюрой. Худощавый, подтянутый. Перед ним лежал лист чистой бумаги. В одной руке он держал авторучку, в другой — старый потертый наган.

Всего несколько месяцев назад этот человек «рулил» всей многонациональной советской литературой, председательствовал в важных комитетах, заседал в ЦК КПСС. После смерти Горького Сталин сделал его «главным советским писателем», удостоил высших государственных наград, а его романы «Разгром» и «Молодая гвардия» вошли в школьные учебники литературы. Звали этого человека Александр Фадеев.

...Игравшему под соснами у забора дачного участка младшему сыну Фадеева, Мише, послышался из окна второго этажа какой-то громкий треск. Когда мальчик влетел по лестнице в кабинет отца, то увидел его уже мертвым, полупривалившимся к спинке дивана. Фадеев выстрелил себе точно в сердце, и кровь из аорты толчками стекала по спине. Револьвер упал на пол, в центре стола белел запечатанный конверт, адресованный в ЦК партии.

Через полчаса поляну перед домом заполнили люди и машины. Константин Федин, крупный прозаик и младший по рангу «генерал от литературы», с порога комнаты пронзительно закричал, поднеся сжатые кулаки к вискам: «Сашка, Сашка! Что ты наделал!» Реакция подоспевшего председателя МГБ СССР Серова была иной. Едва взглянув на окровавленный труп, он страшным шепотом осведомился у находившихся в комнате: «Где письмо?! Где письмо, мать вашу?!» И, получив конверт, тут же уехал.

Предсмертное письмо Фадеева, горько обличающее ту власть, которой он верой и правдой служил, было опубликовано лишь спустя 34 года. *«Не вижу возможности дальше жить,— написал Александр Александрович, — так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии... Лучшие кадры литературы... физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте... Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена».*

Уж точно не такой финал жизненного пути грезился в годы гражданской войны юному дальневосточному партизану, влюбленному в литературу.

Александр Фадеев родился 24 декабря 1901 года в селе Кимры Корчевского уезда Тверской губернии. Его отец был родом из крестьян, а мать — из обрусевших немцев. Она держала детей в такой строгости, что младший брат Фадеева, опоздав однажды к завтраку, от страха залез в бадью колодца и отпустил веревку. Отец будущего писателя служил фельдшером и сочувствовал эсерам, а мать поддерживала РСДРП и развелась затем с ним из идейных принципов. Вскоре она снова вышла замуж, тоже за фельдшера, оба они были профессиональными революционерами.

село Саровку, откуда до ближайшего городка было 50 верст. Там мальчик продолжал учебу и там же освоил все виды нелегкого крестьянского труда в их приусадебном хозяйстве: умел сеять, жать, запрягать лошадь и ездить верхом, ходить за скотиной. Читать начал в четыре года, а позднее не разлучался с Майн Ридом и Джеком Лондоном. Завел дневник и пробовал сочинять сам — коротенькие заметки о разных впечатлениях, трогательные стишки.

Учился он легко по всем предметам, жадно впитывал знания и был переполнен вопросами. Худенький, светловолосый, застенчивый, но при

У

Саши с матерью установились очень близкие, доверительные отношения, несмотря на доходившую до жестокости суровость и партийную одержимость Антонины Кунц. Они скучали друг по другу, часто переписывались. Именно от матери Александр Александрович унаследовал некоторые, увы, не лучшие черты своего трудного взрывного характера

Восьмилетним ребенком Сашу мать и отчим привезли из российской глубинки в Южно-Уссурийский край. Любовь к Приморью Фадеев пронес через всю жизнь. В подмосковном Переделкино тосковал по уссурийской тайге, часто ездил на рыбалку, выбирая наиболее дикие места.

Поначалу семья осела во Владивостоке, где Саша пошел в школу, но вскоре переехала в таежное

этом «упертый», со своим твердым внутренним стержнем. Не успел толком привыкнуть к классу, как родители переселились еще дальше, в село Чугуевку, одно из самых заброшенных в округе, которое зимними месяцами жило без связи с внешним миром. Зато к семейной паре фельдшеров за отсутствием лекаря больные ехали с подношениями отовсюду.

Учиться в Чугуевке было негде, и мать, видя, что старший сын — настоящий самородок, отправила его во Владивосток к тетке, которая была директрисой Коммерческого училища. К тому времени у Саши установились с матерью очень близкие, доверительные отношения, несмотря на доходившую до жестокости суровость и партийную одержимость Антонины Кунц. Они скучали

друг по другу в разлуке, часто переписывались. От матери Александр Александрович унаследовал некоторые, увы, не лучшие черты своего трудного, взрывного характера. Не обошлось, конечно, и без влияния окружающей действительности.

Эпоха преддверия надвигающейся катастрофы порождала крайности, поляризовала общество. Человеком крайностей формировался

и Саша Фадеев. Таким он встретил революцию, таким безоглядно бросился в водоворот Гражданской войны. Всю жизнь потом он не мог избавиться от привычки непримиримо делить людей на «своих» и «чужих».

Яростные политические споры среди учащихся Коммерческого училища нередко заканчивались потасовками, и Саша, заткнув клеенчатые тетради и учебники за ремень гимназической тужурки, принимал в них участие. В классе он вскоре стал лучшим учеником, после занятий сочинял немудреные рассказы, посещал литературный кружок. Он жил напряженной внутренней жизнью, читал без разбора, мечтая «о подвигах, о славе».

Чтобы не сидеть на шее у тетки, нанялся в 13 лет репетитором к отстающим ученикам. Ходил бедно одетый, но с высоко поднятой головой. И одноклассники чувствовали в нем скрытую силу, задатки лидера. Владивостокская молодежь, собиравшаяся в доме его тетки, Марии Владимировны Сибирцевой, на званые вечера, приняла Сашу в свой круг как равного.

С началом войны обострились дискуссии о будущем России. Александр в эти грозные годы мужал стремительно, не по возрасту. Не окончив восьмого класса, с головой ушел в революционную деятельность, потянулся к большевикам. Еще будучи в училище, брался выполнять опасные поручения подпольного большевистского комитета.

В 1917 году он вступил в так называемую Коммуну, которую организовала группа демократически настроенных старшеклассников. В редколлегии их школьной газеты «Трибуна молодежи» литературные способности Фадеева проявились во всей полноте. Там же он встретил и вскоре потерял свою первую любовь, Асю Колесникову.

Революция и Гражданская война окончательно определили Сашин выбор. После того как осенью восемнадцатого Колчак сверг советскую власть в Приморье, и во Владивостоке высадился десант японцев и англичан, будущий писатель вступил в подпольную ячейку большевистской партии под кличкой «Булыга». «*Почему Булыга? Сам не знаю*», — говорил впоследствии Александр Александрович. Литературный дар очень пригодился ему тогда в написании листовок, призывавших на борьбу с интервентами и колчаковцами. Листовки Фадеев и его друзья, укрываясь от патрулей, расклеивали по ночам у ворот фабрик, в порту. Не менее опасной была и работа агитатора.

Затем началась партизанская юность автора «Разгрома». В 1919 году их группу подпольщиков перебросили с поддельными паспортами в центр партизанского движения — приамурские Сучаны. В Особом коммунистическом отряде красных партизан Фадеев быстро выдвинулся на должность комиссара, воевал храбро и был тяжело ранен в бою

с колчаковцами. Спасаясь от постоянной сырости и холода на таежных маршрутах, шестнадцатилетний политрук впервые приложился к самогону и увлекся выпивкой. Это не мешало ему быть душой коллектива, и энергия в нем была через край.

Судьба до поры берегла Фадеева. Ему довелось еще повоевать в бригаде Сергея Лазо, он участвовал в партизанском наступлении на иностранных интервентов в Приморье, отличился в действиях Красной армии против атамана Семенова в Забайкалье. К концу Гражданской войны Александр Фадеев уже занимал посты комиссара 13-го Амурского полка и 8-й Амурской стрелковой бригады. Все эти годы он вел дневник, несколько раз пробовал начать повесть. Фадееву едва исполнилось девятнадцать, когда он отправился делегатом на X съезд РКП(б), где, по его собственным словам, не удержался и коснулся рукава близкого проходившего мимо него в зале заседаний Ленина.

Подавление отчаянно полыхнувшего в те дни кронштадского мятежа привело из Москвы Фадеева и других делегатов съезда в ряды брошенной против восставших 7-й армии Тухачевского. На вспоротом снарядами и пулеметными очередями льду Финского залива Фадеев вновь был тяжело ранен, в бедро. Истекая кровью, он полз два километра до тыловых частей и тем самым избежал участия в страшной бойне, которую учинили ворвавшие-

ся в Кронштадт красноармейцы. Долго поправлялся в госпитале. И вот там-то уже всерьез начал писать. Пробой пера явилась еще незрелая повесть «Разлив».

В 1924 году бывший партизанский комиссар перешел с партийной работы на журналистскую, возглавив отдел партийной жизни ростовской газеты «Советский Юг». Тогда же он женился на дочери ссыльного революционера Валерии Герасимовой (двоюродной сестре нашего известного кинорежиссера Сергея Герасимова).

Первое время молодые жили душа в душу. Фадеева перевели через год в отдел печати Северо-Кавказского крайкома партии, и там, на даче под Нальчиком, он начал писать незавершенные романы «Провинция», «Последний из Удэге» и первый вариант «Разгрома» под названием «Таежная болезнь». Напечатанный из него отрывок в газете «Советский Юг» буквально покорила всех, включая Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП), членом которой Фадеев стал еще в 22-м году. Вскоре роман вышел отдельным изданием и превратился в один из символов советской литературы. Его исторический оптимизм пришелся по душе большевистским вождям и, прежде всего, Сталину.

Все узнанное и пережитое автором за время боев в Приморье Фадеев перенес в свой роман, написанный в духе «крылатого реализма» (определение самого Фадеева),

излюбленного тогда многими приветствовавшими Советскую власть писателями. Тем же Н. Островским, В. Вишневским, написавшим пьесу «Оптимистическая трагедия», А. Толстым с его трилогией «Хождение по мукам», А. Серафимовичем, прославившимся «Железным потоком», Д. Фурмановым, создавшим «Чапаева»... В противоположном лагере остались подвергнувшиеся вскоре яростным гонениям Б. Пильняк,

А. Веселый, А. Платонов, И. Бабель с их талантом и мастерством, с их беспощадной правдой о Гражданской войне.

Литературная известность Александра Фадеева дала в середине 20-х годов толчок его руководящей карьере. На «белом коне» въехал он в один из начальственных кабинетов ВАППа за чугунной решеткой ограды старинной городской усадьбы Яковлевых на Тверском бульва-

ре, так называемого Дома Герцена, в котором тот родился, и который М. Булгаков превратил в романе «Мастер и Маргарита» в незабываемый МАССОЛИТовский «Дом Грибоедова». Жили при этом Фадеев с женой скромно, в маленькой квартире в Сокольниках, а затем подселились по ордеру к другим литературным «шишкам» во флигель Дома Герцена. Дворником там пребывал великий Андрей Платонов. Александр Александрович часто выходил во двор поговорить с ним.

Фадеев еще долгое время носил то, в чем приехал с Кавказа — гали-

в банке. Другие времена — другие песни.

А времена, между тем, менялись стремительно. Доживал последние дни НЭП. Буйствовали в печатных изданиях противоборствовавшие литературные группы и объединения. Неуклонно росло влияние РАППа, с которым связал свою судьбу Маяковский, и возле которого кормились сотни людей. Ассоциацию возглавлял ортодоксальный литературный критик Л. Авербах, выведенный в романе Булгакова под именем критика Латунского, погубившего, по словам Маргариты, Мастера. Сестра

Л

итературная известность Александра Фадеева дала в середине 20-х годов толчок его руководящей карьере. На «белом коне» въехал он в один из начальственных кабинетов ВАППа за чугунной решеткой Дома Герцена на Тверском бульваре, в котором тот родился, и который Михаил Булгаков превратил в романе «Мастер и Маргарита» в незабываемый «Дом Грибоедова»

фе, заправленные в командирские сапоги, и черную рубашку с высоким воротом, подпоясанную узким кожаным поясом с серебряной насечкой. Он располагал к себе, был обаятелен и очень нравился женщинам. Экономить семье приходилось на всем, случалось, у них в доме оставалась лишь пара луковиц да краюха хлеба. Это потом уже у Фадеева будут и апартаменты в центре, и дача, и машина, и открытый счет

Авербаха была замужем за всеильным сталинским палачом Ягодой, и пока того не расстреляли, ее брат пользовался полной безнаказанностью.

Сталин РАПП недолюбливал за то, что по своей структуре он копировал большевистскую партию, и к 32-му году решил его ликвидировать. Фадеев, успевший поднатореть в закулисных интригах, вовремя отмежевался от недавних

«товарищей по оружию» и обрушился на РАПП в цикле статей, которые были напечатаны в «Литературной газете».

Из-за бурной общественной деятельности распался тогда первый брак писателя, и развод пришелся как раз на 32-й год, когда злополучного Авербаха сослали парторгом на Уралмаш, а остальных членов правления упраздненной писательской организации раскидали кого куда. В числе корифеев нового, объявленного отныне основополагающим, метода «социалистического реализма» Фадеев вошел в Оргкомитет создающегося Союза писателей СССР и был приглашен 26 октября того же года на историческую встречу мастеров пера со Сталиным. Встреча проходила в «золотой клетке», роскошном шехтелевском особняке у Никитских ворот, который правительство предоставило вернувшемуся в Россию Горькому.

«Вождь народов» приехал в сопровождении Бухарина, чтобы обсудить вопросы подготовки первого съезда писателей страны. Атмосфера дома у Алексея Максимовича сложилась достаточно непринужденная, и гости дружно стали просить Сталина рассказать о Ленине. Сталин замялся было, и тут «Бухарчик», как его ласково величали соратники, неожиданно фамильярно потянул вождя за нос и небрежно бросил: «Ну, наври им что-нибудь про Ленина». Спустя несколько лет «любимец партии» (этим почетным

титулом наградил его сам Ильич) головой поплатится за свои вольности — в экономике, политике, идеологии и, разумеется, в обращении с Хозяином. А в тот момент Сталин почувствовал себя оскорбленным, и беседа не сразу вошла в нужное русло.

Сталину Фадеев понравился. Своей открытостью, улыбкой, надежностью, личной преданностью ему. А еще тем, как по-военному вытягивался в его присутствии. Сыграли роль и ореол героической биографии молодого прозаика, и нужные делу коммунистического воспитания молодежи очевидные достоинства фадеевского романа, и организаторские способности проверенного партийца. Можно сказать, Сталин сделал на Фадеева ставку и не ошибся.

Ошибся Фадеев, полагая, что его творческому дару не повредит руководящая работа в Союзе писателей. Повредила, и еще как! Яркий роман «Последний из Удэге», также посвященный Гражданской войне в Приморье, остался неоконченным. Придавленный грузом административных дел и забот Фадеев-художник надолго замолчал. Функционер убил в нем писателя. В поисках вдохновения он почти три года метался по командировкам в разные уголки страны.

В 1929 году вышла в свет первая часть «Последнего из Удэге», в 30-м — вторая, а в 33-м обе части автор объединил в первый том масштабной эпической экспозиции о предреволюционных событиях и настрое-

*Со второй женой Анжелиной Степановой,
с сыновьями — Александром и Михаилом*

ниях в различных слоях дальневосточного общества. Он был воспринят читающей публикой и критикой с большим воодушевлением, ждали такого же впечатляющего продолжения. Однако работа над ним застыла. Возросли авторские требования к себе, с которыми взыскательный писатель не мог не считаться.

Надолго отрываясь от рукописи и вновь возвращаясь к ней, Фадеев спустя несколько лет выпустил объединенный четвертый том эпопеи. Его встретили как литературное событие, это был заметный этап в творче-

стве писателя. Партизанская сага Приморья полюбилась читателям разных возрастов.

Начальные главы предпоследней части романа появились к концу тридцатых в «Литературной газете». 5-й и 6-й частей заветного произведения Фадеева о разгроме колчаковщины читатель так и не дождался. И все же, несмотря на незавершенность, «Последний из Удэге» на протяжении многих послевоенных лет оставался одной из самых читаемых книг в Советском Союзе, ее неоднократно переиздавали, пере-

вели на иностранные языки и языки народов СССР.

Дальние творческие командировки не принесли желаемого результата. В Москву Александр Александрович вернулся осенью 1935 года, уставшим, растерянным, печальным. И продолжал исправно тянуть рутинную лямку в Союзе писателей, заседать в президиуме бесконечных торжественных совещаний и конференций. Ему наконец-то предоставили комфортабельную квартиру, но без любимой хозяйки она была пустой.

МХАТа. Казалось, они идеально подходили друг другу. Позднее выяснилось, что каждый из них живет своей жизнью, одержим карьерой, творчеством. Александру Александровичу, по словам близких, не хватало семейного тепла и ласки. Возможно, он нашел их у известной ленинградской поэтессы Маргариты Алигер, которая родила ему дочь. И все же народная артистка СССР, Герой Соцтруда, орденоседец, лауреат Сталинской и Государственной премий, да вдобавок парторг перво-

С

талину Фадеев нравился. Своей открытостью, улыбкой, надежностью, личной преданностью ему. А еще тем, как по-военному вытягивался в его присутствии. Сыграли роль и ореол героической биографии молодого прозаика, и его организаторские способности. Можно сказать, Сталин сделал на Фадеева ставку и не ошибся

В 36-м Фадеев стоял в почетном карауле у гроба Горького, и ему казалось, что хоронят литературу. Он с радостью ухватился за возможность поехать в охваченную гражданской войной Испанию. Там Фадеев близко сошелся с влиятельным корреспондентом «Правды» и негласным советским резидентом в Мадриде Михаилом Кольцовым, которого позже, в 37-м, попытался спасти, рискуя самому быть арестованным.

Тогда же ему удалось вырваться на месяц в Париж, где он встретил свою будущую вторую жену — Анжелину Степанову, ведущую актрису

го театра страны искренне любила Фадеева, подарила ему двух сыновей и простила его измены.

В 1938 году первый секретарь Союза писателей во главе официальной делегации встречал на перроне Белорусского вокзала вернувшегося из эмиграции по приглашению Советского правительства Александра Куприна. Старенького, плохо слышащего, почти потерявшего память. Тем не менее, это была очевидная победа на идеологическом фронте. В том же году Куприн скончался. Как и мечтал, на родине.

По распоряжению Сталина Фадеев становится генеральным секретарем СП СССР, членом ЦК ВКП, председателем Комитета по Сталинским премиям, председателем Комитета защиты мира. Встречаясь с вождем (Сталин даже пригласил его на свое 50-летие, которое отмечал в узком кругу), он жаловался на непомерный груз общественной работы, не оставлявший времени для творчества. Но при этом, сохраняя верность партийному долгу, поддерживал с трибуны съезда и в центральной печати судебные процессы над «врагами народа».

Он старался заглушить укоры совести, убеждая себя, что аресты и репрессии носят вынужденный характер в условиях грядущей неминуемой схватки с фашизмом. Потом, мол, будет лучше, веселее, свободнее, а пока надо быть сильными, подобно героине его «Разгрому», которая отравила товарища, чтобы выполнить приказ и спасти отряд. Эта внутренняя раздвоенность, насилие над собой усугубляли трагедию немоты талантливого писателя. Боль и стыд за себя он, уже по привычке, топил в рюмке, порой на недели уходя в запои. Ему прощалось это, как прощалось многое другое.

Да, Фадеев участвовал в травле Платонова, не вмешался, когда взялись шельмовать Булгакова, не спас от гибели Пильняка, Бабеля, Мандельштама, Г. Табидзе, А. Веселого, клеймил в «пошлости» Ахматову и Пастернака... И он же добивался

выделения Платонову квартиры, хлопотал об ордене Трудового Красного Знамени для Зощенко, выдвигал на Сталинскую премию Ахматову, выбил ей пенсию и содействовал освобождению из лагеря ее сына, выдающегося историка и этнографа Льва Гумилева... «Я не имею права его судить», — говорила спустя много лет Анна Андреевна. И Борис Леонидович Пастернак соглашался с нею. 11 ноября 1939 года Фадеев навещал умирающего от нефрита почек Булгакова и передал его жене большую сумму денег. А ранее ходатайствовал о разрешении Михаилу Афанасьевичу выехать за границу на лечение.

Вокруг Фадеева постоянно клубились слухи по поводу его многочисленных любовных романов. Приписывают ему и подтвержденную впоследствии сыном писателя недолгую связь с Еленой Сергеевной Булгаковой после смерти ее мужа. Вероятно, отчаявшейся, измученной женщине, сохранившей нам рукопись булгаковского шедевра, требовалось в тот горький момент припасть к сильному плечу в надежде на защиту. Ей верилось, что Фадеев сумеет защитить ее и архив покойного мужа. Но она вряд ли знала, что «главный писатель страны» помочь мог только в очень редких случаях, потому что, как и все, был подневольным человеком, пешкой в чужой игре. Както в откровенном разговоре с сестрой сказал: «Они думают, что я могу что-то сделать, а я ничего не могу».

Как и все, Фадеев боялся за жизнь своей семьи и сам нуждался в защите. Его смертельно опасным и могущественным врагом был Берия.

В 37-м, вернувшись из поездки в Грузию, Александр Александрович сообщил в письме Сталину, что там насаждается настоящий культ Берии. Сталин фадеевскому письму значения не придал и даже отдал это письмо Берии, который с той поры тайно возненавидел Фадеева и для начала бросил в так называемый «Алжир» (Акмалинский лагерь жен врагов народа) сестру первой жены писателя, преданную сотрудницу ОГПУ и фанатичную коммунистку. Освободившись не без помощи Фадеева в конце войны, она покончила с собой.

Тяга к самоубийству, добровольному уходу из жизни рано угнездилась в сознании писателя под влиянием внешней среды. По роковому совпадению, спустя десятилетия сведет в Лондоне счеты с жизнью очаровательная и эксцентричная Мария Александровна Энценеберг (по мужу), дочь Фадеева от Маргариты Алигер. Ее смерть будет вспоминаться Александру Александровичу до последнего часа.

Только та невероятная эпоха кричащих контрастов могла породить столь сложную, буквально сотканную из противоречий харизматичную личность. Цинизм и восторженность, доброта и жестокость легко уживались в натуре Фадеева. Первоначально должность «генсека со-

ветской литературы» Сталин предназначал Горькому. Но тот вскоре ушел из жизни, а Фадеев соответствовал этой должности идеально. Он не выпускал из рук бразды правления СП, руководил авторитарно, не терпел возражений. И он же заканчивал некоторые письма словами: «*печальный одинокий заяц*». Любопытно, что Ахматова, которая, вообще-то, похвалами не разбрасывалась, подписала ему на память том своих переводов (стихов ее тогда не печатали) словами: «*Большому писателю и доброму человеку*».

Амбициозный, честолюбивый, избалованный славой и высоким положением, мечтавший остаться в истории советской литературы и даже подготовивший итоговый сборник своих выступлений и статей «За 30 лет», Фадеев, вместе с тем, к результатам собственной творческой деятельности относился весьма критически и следующим образом объяснял со сцены Колонного зала Дома Союзов отказ от празднования юбилея: «*Стыдно было бы мне, автору всего лишь одного законченного романа...*»

Его называли за спиной «тенью Сталина», а он сказал в Переделкино Павлу Нилину о послевоенном сталинском послаблении, на которое все так надеялись: «*Павлик, ты ничего не понимаешь, старик — сволочь*».

Переделкинские «соседи по времени» (определение Ю. Трифонова) и по месту жительства долго еще пытались разгадать секрет фадеев-

*Ангелина
Степанова*

ской харизмы, которой охотно покорялись окружающие. Вспоминали, как, уйдя в запой, он весь день неприкаянно бродил зимой по дачному поселку, с четвертинкой в кармане шубы, катал на санках с горки детвору и останавливался обстоятельно потолковать о жизни с местным истопником или электриком. Характерный случай. Однажды летом на дачу к Фадееву наведалься по делу какой-то скромный литератор. Александр Александрович вышел на ве-

ранду в шароварах и майке. Узнав, что гость пришел подписать бумагу, снова поднялся к себе и вернулся уже в костюме и галстук.

В победном мае 45-го Берия пригласил Александра Александровича к себе на дачу, угощал роскошным обедом и толковал о «гнезде шпионов» в Союзе писателей. За бильярдом они разругались, и Фадеев через веранду ушел пешком на станцию. Стояла глубокая ночь. Алек-

Маргарита Алигер

сандр Александрович шел по обочине лесного шоссе, когда услышал за собой шум двигателя и увидел позади приближающиеся огни фар. Вспомнив партизанские навыки, нырнул в кусты и притаился. Полная людей в форме большая черная машина медленно проехала мимо. До станции затем Фадеев добирался по лесу.

А ведь к тому моменту он уже закончил сразу прогремевший роман «Молодая гвардия», по которому Сергей Герасимов вскоре снял фильм. Замысел романа Сталин предложил Фадееву для реализации кем-то из лучших писателей страны, и автор «Разгрома» убедительно попросил

доверить этот замысел ему, вновь загоревшись идеей «крылатого реализма». Он чувствовал себя в силах справиться с масштабной темой подвига молодых комсомольцев-подпольщиков в оккупированном Краснодаре. Ему не терпелось побыстрее заняться сбором материала. Тем более что с началом Великой Отечественной писатель преобразился и буквально помолодел, в нем пробудились воля и решимость, но, главное, к нему вернулась муза.

Военным корреспондентом мотался Фадеев по фронтам, выступал на страницах газет с живыми очерками и репортажами, а с 1943 года засел за книгу. Читательский успех «Молодой гвардии» был оглушительный. Сталину роман вначале тоже пришелся по душе, однако, посмотрев его экранизацию, он вызвал автора в Кремль и подверг уничижительной критике за недостаточное отображение руководящей роли Коммунистической партии, о чем ему прожужжали уши помощники. Сжав зубы, писатель принялся работать над второй редакцией романа, которая оказалась много слабее первой. Он и сам понимал это. *«Я все еще перерабатываю молодую гвардию в старую»*, — с горькой иронией сообщал он в письме.

В «Молодой гвардии» Фадеев обратился к созданию коллективного портрета героев Великой Отечественной войны. Такой сюжет подсказал ему собранный в Краснодаре материал о комсомольском подполье. Далекое не все описанные в ро-

мане события происходили на самом деле. Несколько человек, являющихся прототипами центральных персонажей книги, представлены в ней предателями, а в действительности предателями не были, и их родные открыто возмущались. Роль некоторых главных героев «Молодой гвардии», казненных фашистами, искажена — у одних она преувеличена, у других преуменьшена, что

ев в душе сильно переживал по поводу фактологических просчетов книги и неудачной второй редакции «Молодой гвардии», подвергнутой критическому разному Константином Симоновым и другими его маститыми коллегами.

Суть дела прозорливо уловил Илья Эренбург, вспоминая: «Фадеев был смелым, но дисциплинированным солдатом партии, он никогда

С

мерть Сталина и последовавшие за этим разоблачения злодеяний сталинского режима потрясли Фадеева. С одной стороны, он терзался муками совести за то, что был проводником его литературной политики, за причастность к репрессиям многих своих талантливых коллег, а с другой — надеялся на отмену диктата ЦК КПСС над литературой

также вызывало резкие возражения близких. Это, прежде всего, касается Олега Кошевого, в доме матери которого, тогда еще молодой красивой и одинокой женщины, Фадеев жил в 43-м, собирая материал для книги, и смотрел на те события, по большей части, ее глазами.

Александр Александрович пытался объяснить: «Я писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, которой не только допускает, а даже предполагает художественный вымысел». Объяснения автора, как иронически заметил в романе «Иметь и не иметь» Э. Хемингуэй, конечно, «всегда помогают», но недоумение при этом остается. Фадеев

не забывал о прерогативах главнокомандующего». Для него этим бесменным главнокомандующим являлся Сталин. «Я двух людей боюсь — мою мать и Сталина», — признавался он в минуту откровенности.

В 1946 году Фадеев был избран депутатом Верховного Совета СССР, но радости ему это не принесло. Он рано поседел, начал страдать от бессонницы и, чтобы побороть ее, стал еще больше пить. Другьям жаловался: «Мне не повезло с женщинами. Я вообще не знаю, как найти место между женщиной и тем главным, чему я служу».

Смерть Сталина и последовавшие затем разоблачения злодеяний

сталинского режима потрясли Фадеева. С одной стороны, он терзался муками совести за то, что был проводником его литературной политики, за личную причастность к ре-

прессиям многих своих талантливых коллег. С другой, надеялся на отмену диктата ЦК КПСС над литературой. Новое руководство страны отнеслось к Фадееву с подозрением,

его перевели из членов ЦК в кандидаты, потихоньку стали снимать со всех ответственных постов. А он засыпал Политбюро ходатайствами о реабилитации невинно осужденных собратьев по перу.

Некоторые из них начали возвращаться из лагерей. И не все его простили...

Он ушел в очередной запой и не слышал выступления на XX съезде своего друга Михаила Шолохова, который сказал: «Фадеев был достаточно властолюбивым генсеком и не хотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним было невозможно... Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя». Фадеев отреагировал горькими словами: «*А ведь этому человеку я верил*». Но понимал, что Шолохов сказал правду. Приближалась развязка.

Хрущевской «оттепели» Фадеев не принял, но после XX съезда признавался Юрию Либединскому: «*Совесть мучает. Трудно жить, Юра, с окровавленными руками*».

«*Нуворишами от ленинского учения*» назвал в предсмертном письме Фадеев правящую верхушку, считая этих людей «*хуже сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а они невежды*». В отместку «невежды» состряпали ему позорный некролог. Люди читали и не верили своим глазам: «*...В состоянии тяжелой душев-*

ной депрессии, вызванной очередным приступом болезни (алкоголизмом — Ю.О.), А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством». Между тем вскрытие показало, что ни капли алкоголя в крови покойного не было и цирроза печени тоже. Более того, в последние месяцы Александр Александрович в рот не брал спиртного, а за неделю до смерти начал готовиться к уходу — сделал письменные распоряжения, составил завещание, послал прощальные весточки разным людям.

Последнюю волю Фадеева — похоронить его рядом с матерью — не выполнили, похоронили на Новодевичьем кладбище. Он ушел, и «*нувориши от ленинского учения*» вздохнули с облегчением. Поставили его на пьедестал и постарались не вспоминать о трагедии этого незаурядного писателя и человека, чьи книги продолжали сопровождать сменяющиеся поколения читателей. Ну а сегодня? Когда нет уже на свете государства, на алтарь которому Александр Фадеев принес свою жизнь и музу?

Казалось бы, его книги поглотило время, давно омертвела и исчезла во тьме прошлого его страстная публицистика. Но вот что интересно. По-прежнему востребован в районных библиотеках роман «Разгром». Первый канал показал в прайм-тайм снятый к 70-летию Победы высокобюджетный телесериал по «Молодой гвардии»... Значит, творчество Фадеева до конца не исчерпано и вызывает к новому осмыслению. □

Павел Панов

Казацкий ПОП

Такие звериные гривы у людей встречаются редко — густая, не проде-
решь никаким гребнем, в кудряшку, мелким бесом, с проседью. Такой ры-
кающий бас должен был достаться ушкуйнику... с кистенем... И эти мо-
гучие чресла мало соответствовали смиренному православному сану,
но именно таким и был отец Александр. Откуда он взялся в храме Успе-
ния Божьей Матери — прихожане не знали. Поговаривали, что батюшка
этот — не из семинаристов, а из мирских. Хлебнул он в свое время жизни
моряцкой, похаживал с геологами, а потом, после какого-то жизненного
потрясения, пришел к Богу. Когда он пел: «Да исправится молитва моя...
Жертва вечерняя...» — тоненькие огоньки сиротских свечек подрагивали,
серебряная церковная утварь позвякивала. В храме Успения Божьей Ма-
тери, если что и было от православных корней, так это утварь, один ста-
рый крест и медный колокол, вздернутый перед церковными дверями на

деревянную шарагу — колоколенки-то не было, один купол самодельный... Не было пока и самого храма — власти для отправления религиозных нужд отдали приходу старый Дом культуры. Сняли Ленина, внесли Христа, помахали кадилом и запели нестройно, но истово.

Настоятелем храма, местным епископом был владыка Феофантий — с бороденкой набок, тщедушный, умненький монах. К отцу Александру прихожане потянулись сразу. Поначалу — предпенсионного возраста интеллигентные прихожанки — уже отгулявшие и отгрешившие свое, потом — народ всякий... И последними, присмотревшись, пришли казаки.

Сперва-то по мелочи: «Благослови, батюшка, оружие». Десятка два кавалерийских шашек, артиллерийских палашей, фехтовальных эспадронов, парадных, не наточенных побрякушек, просто — самоделок, и, даже турецких ятаганов и японских штык-ножей, все это с кощунственным лязгом и скрежетом было обнажено перед алтарем.

Понятное дело, казачков из храма отец Александр погнал, оружие освятил в одной из старых казарм десантного полка, отданной новоиспеченному казачеству под штаб. Есаулы и сотники, хорунжие и рядовые — они казаковали в свободное от службы и работы время, искали себе применение, собирали силу. Власти их не трогали, заигрывали осторожно, но больше смотрели как на ряженых: приглашали то в почетный караул, то в президиум, то детишек на лошадаках покатать.

Однажды местный мэр Мериллов сказал, насмешливо улыбаясь, атаману Сапрыкину: «Службы ищете, казачки? А вы наведите порядок на рынке!»

Развеселые ряды городского рынка раскинулись прямо под окнами городской мэрии, сразу за уцелевшим памятником Ленину. Гортанные выкрики кавказцев, мяукающий говорок корейцев, привычный русский мат долетали до окон бывших партийных кабинетов, тревожили. Порядок на рынке, собственно, существовал. Спортивные ребята с короткими стрижками собирали по вечерам дань, мгновенно и беспощадно гасили любой конфликт, сами назначали цены на товары. И «навести порядок» на рынке значило одно — переподчинить рынок мэрии. «Я казацкой кровью эту грязь поливать не буду», — несколько театрально ответил тогда атаман Сапрыкин и удалился.

И вот в это время к казачкам пришел отец Александр.

— Некрещеного народу много народилось, неприкаянного, — сказал он. — Пойдем, казачки, погуляем, дело божеское сотворим.

План был хорош — пройти на плотях и резиновых лодках по главной реке Ламутии маршрутом казаков-землепроходцев, да по пути народ

окрестить. И все вначале, как водится, вдохновились — решили обмыть начинание. Поп пил, не чинясь — по полстакана, отмахиваясь широким крестом от самогонной нечисти. Казачки разыгрывали смирение, заговаривали о Боге, намекали на сотрудничество...

Экспедицию решили не откладывать и отчаливать уже через два дня. Отец Александр пришел на берег реки в энцефалитке, болотных сапогах, с толково уложенным рюкзаком, сел на корму, перекрестился, сказал: «С Богом!» — и двумя сильными гребками вывел лодчонку на прибрежную стремнину.

Еще с десятков лодок — под казацкими хоругвями, императорскими самопальными штандартами, Андреевскими стягами и знаменами военно-воздушных сил СССР — тронулись за ним следом.

Деревушки вдоль реки были одинаково скудные, подремывающие, выжидающие чего-то. Но народ шел, крещение принимали дружно, отец Александр в раззолоченной рясе служил спокойно и вдумчиво, поливал склоненные головы речной водицей, пахнувшей ледниками недалеких гор, давал целовать крест. На жалобы деревенских — мол, мрем как мухи — ответил просто:

— В Бога веруйте, да погост в порядок приведите.

— А то что?

— Так и передохнете все.

Атаман Сапрыкин успевал за это время переговорить с местными мужичками — кого-то «посватать» в казаки, с кем-то договориться об охране нерестилищ и заповедника, успевал узнать про дела фермерские, тут же наладить небольшую коммерцию.

Так и плыли. Почти семьсот километров, и по полторы крещеных души на каждый километр, как подсчитал атаман Сапрыкин.

По ночам, у костра атаман заводил с отцом Александром душевные разговоры.

— Я уважаю Христа, — говорил он, поглаживая тонкие калмыцкие усики. — Много знал, много сам умел, людей за собой вел... Атаман был! Ну, в смысле есть... А вот Бог-отец, прости мою душу грешную, какой-то нервозный мушшина. Ну, неправильно себя повели граждане, проживающие в городах Содом и Гоморра, так он их с лица земли стер. А потом и совсем на людишек потоп напустил, стихийное бедствие. Ты же — Отец! Ты же умнее должен быть! Терпеж иметь! Вот я — отец. Породил троих казачат. Начни они у меня шkodить, я их что, в ведре помойном топить должен? Ну, выпорю... Объясню потом — за что выпорол. А топить... Нет.

— Каша у тебя в голове, атаман. Гречневая, — говорил отец Александр, помешивая в котелке. — Читай Священное Писание до тех пор, покуда не поумнеешь.

— Нам, казачкам, в Бога веровать положено по традиции, нас сейчас всерьез не воспринимают, — довольно посмеивался атаман. — Маскарад, мол, устроили. В церковь заходим — не знаем, с какого места креститься начать! Это ничего, обвыкнем. Ты нас учи, отец Александр.

— Искренне ваше желание — учиться?

— Надо. Пока время есть. Казак — это свобода, воля. Много свободы — плохо. Разбалуются казачки, уничтожат их...

— Как в Содоме и Гоморре... Верно, атаман?

— Святая правда, отец Александр.

— А сейчас вас не могут уничтожить?

— За ненадобностью? Нет, присматриваться будут. Оставят. На всякий случай. Землю пахать будем, плеточками помахивать... Деньги у нас уже появились. Много денег будет — много силы. Тогда нас голыми руками не возьмешь.

Еловой палочкой трогал угольки в костре отец Александр, дышать им давал, а сам думал о том, что человек к Богу приходит тремя путями. Одни — по традиции ходили в церковь всей семьей, и деды ходили, и весь род крещеный. Вот и прижилась душа в храме. Другие — от беды, от потрясения, от безнадеги нашей. Третьи — от великого ума, как Менделеев, Эйнштейн, они Бога, как планету Нептун, на кончике пера сперва вычислили, а потом уж уверовали. А вот атаман Сапрыкин — от всего понемножку? Не дурак, про Бога-отца, про космос рассуждает... Потрясений у атамана тоже хватало — через Афган, Чечню прошел... В Приднестровье был.

— А что, атаман, ты тут Бога-отца за Содом и Гоморру осуждал, а я краем уха слышал, как ты казачкам рассказывал о казни. В Приднестровье... казачки ваши... снайпера...

— Снайпершу. Сука, прости Господи... Лет восемнадцать... Откуда-то из Прибалтики. Чемпионка по стрельбе, весь приклад в зарубинах — наши жизни считала. Их там называли «белые чулки». Говорят, платили хорошо за нашу кровь.

— Казнили?

— Ага. Два дерева согнули, за ножки стройные привязали... кишки петлями... Я три дня куска в рот взять не мог, спирт жрал, рукавом занюхивал.

— Вот когда ты казнил...

— Не я это. Видел только. А разве неправильно? Сказано же: «Око за око».

Вот так они и спорили. А под конец экспедиции все чаще намекал атаман отцу Александру — стать казацким попом. Не то, чтобы служить пойти, а чтобы только у него одного казачки все требы справляли. К другому-то они и не пойдут. А ведь надо! Как без Бога-то?

И стал появляться отец Александр и на казацком круге, и дома у атамана, на дальних охотничьих заимках, в русской бане с парком свирепым.

Сперва катался на стареньком казацком «джипе-чероки», а потом ему всем миром «тойоту» поновее справили.

Станичники своему казацкому попу радовались, а тут еще их и президент народом назвал, указом узаконил.

Нравилось казачкам и то, что ведет себя отец Александр попросту, по-свойски.

Был он вдов, пришло время, и присмотрел себе молодую бабенку, будущую матушку. Казаки это одобрили: «А что, это у православных позволяется...» Ночь-заполночь заруливал к ней отец Александр — казачья жизнь расписания не знает, — поэтому и застал однажды с обнаглевшим от страха мужичком.

— Если у вас любовь, дети мои, так я и повенчать могу, — сказал отец Александр. — А если блуд... — и показал тяжелый волосатый кулак, пахнувший благовониями.

«Да я... да ты...» — полез на него хилой грудью мужичок и тут же получил свою толику смирения от хлесткого по-матросски удара в зубы. А батюшка забрал вещички и вернулся на свою квартиру — бобылем доживать.

История эта наделала много шума в городишке. Владыка Феофантий, епископ, гневно блестя очечками, сжимая в кулаке свою жидкую, мягонькую бороденку, грозился отлучить от церкви, жаловаться в Синод, написать статью в газету. Но тут пришел атаман Сапрыкин, коленопреклоненно помолился, поцеловал епископу ручку, попросил смиренно принять на храм пожертвование от казачков. Слабая рука владыки Феофантия дрогнула от увесистого пакета с деньгами, но он все же сказал — тихо и упрямо:

— Не подобает православному священнику...

— Ваше высокопреосвященство! — так же тихо возразил атаман. — Вы, как монах и девственник, сможете понять — я уверен! — что плоть иногда бывает сильнее духа. Будем молиться за него.

Перед Пасхой, дня за два, атаман, перетянутый ремнями, поблескивая латунными вензелями на погонах, возник перед отцом Александром.

— Хотим праздник для народа устроить, отец Александр, — сказал он, помявшись. — Детишкам — бесплатное угощение, концерт небольшой, на лошадаках покатаем.

— Дело божеское, — согласился казацкий поп. — Где намерены все это мероприятие провести?

— На площади, больше у нас негде. Разрешение у властей я уже получил.

— То есть — рядом с храмом?

— Не совсем. Ближе к почте.

— Дерзайте, дети мои.

— Там у нас в программе есть еще парашютные прыжки. Полковник Терехов дает на два часа вертолет, уже поставлен в план полетов... Десантура поможет с парашютами.

— За крест над храмом своими куполами не зацепитесь?

— Шутите, отец Александр... У меня все профессионалы, в затычном прыжке водку из горла пьют.

— Ну-ну...

— Благословление бы получить перед прыжками...

— Приходите.

— Мы хотели вас попросить это сделать в воздухе, в вертолете то есть. Понимаете, будет телеоператор с областного телевидения, это он просил, ему нужны эффектные кадры. Что ж, нам, казакам, нужно почаще напоминать о себе. Да и вам тоже.

Владыко Феофантий, узнав о затее казачков, возмутился:

— Игры бесовские! Аки ангелы возжелали с неба слететь! Не позволю!

— Я не могу отказать прихожанам в тебе! — твердо произнес отец Александр, глядя на епископа сверху вниз.

— Кто ты есть? Неуч! — ехидно ответил ему епископ Феофантий, сцепив пальцы на круглом животике.

— Я людей крещу, — тихо возразил отец Александр... Тысячи уже окрестил, погосты по всем деревням освятил...

— Окормляться-то от этого мы лучше не стали! Бесплатно тебе твои!

— Казаки храму деньги жертвуют. И будут жертвовать.

— За грехи твои!

— За дела мои...

Поссорились они тогда безнадежно.

На задворках военного аэродрома, куда привезли отца Александра, рядом с острокрылыми стратегическими бомбардировщиками стоял вертолет с латаными пробоинами на фюзеляже, и по борту, в пять рядов, звезды — боевые вылеты.

Полковник Терехов, коротко козырнув атаману, сказал негромко:

— Благословите, отец Александр! — Неловко ткнулся холодным носом в руку священнику, потом добавил со смешком: — Мне сейчас военком звонил. Ему из окна кабинета видно, как ваш непосредственный начальник, епископ Феофантий, на площади молится. Стало интересно — почему на площади? Что у Бога просит? Послал дежурного выяснить. А владыко Феофантий, знаете, просит Господа не допустить поругания храма. Да так аргументировано просит: мол, не дай ты им, Господи, летной погоды, нарушь механизмы вертолетные и муфту сцепления...

— Господь ему судья, — сухо ответил отец Александр.

— Бог-то — Бог... — пробормотал полковник. — Ладно... Прогноз — отличный, видимость — миллион на миллион, ветер — три метра в секунду, вертолет в отличном состоянии. Готовы, господин атаман?

— Так точно, господин полковник.

— Товарищ полковник... Через десять минут — колеса в воздухе. Выполняйте!

— Есть.

Задрав хвост, сотрясая грохотом бетонку, вертолет оторвался от земли, круто потянул к облакам. Казачки — в форме, при регалиях — тесно сидели вдоль бортов, и парашюты горбатили их. Отец Александр, уверенно ступая по кренящемуся, вибрирующему полу, подходил к каждому, благословлял, давал целовать крест.

Молоденький телеоператор крутился рядом, заглядывал в лицо холодным выпуклым глазом телекамеры. Накренившись в боевом развороте, вертолет начал нарезать круги над городом, атаман Сапрыкин, рывком сдвинув дверь, смотрел вниз, хищно прищурившись.

Наконец он откачнулся от обреза двери, освободив, впустил в салон ревущую, свистящую, бьющую тугим ветром пустоту, эту прорву, прокричал:

— Первая тройка! Встать! Готов? Пошел!!

И трое казачков быстро и ловко попрыгали вниз, распластавшись в воздухе.

Отец Александр еще раз перекрестил их в спины, глянул в блистер — летят, родимые, парят.

— Готов? Пошел!!

И еще трое привычно выпрыгнули из вертолета. После каждого прыжка вертолет слегка подрывало вверх, и пилоты мягко осаживали его.

— У меня тут трое перворазников, новичков то есть! — прокричал на ухо отцу Александру атаман. — Волнуются ребята...

Взрослые, уже с проседью мужики показались священнику бледными, испуганными, они явно чувствовали себя неловко, стянутые ремнями

основного парашюта и «запаски». После каждого прыжка один из них — бородатый, с рваным шрамом на щеке казак — обводил глазами оставшихся, словно подсчитывая, когда его очередь. Ему и выпало прыгать последним. Короткими шажками он подобрался к развернутой двери, сделал падающее движение вперед и вдруг вцепился скрюченными пальцами за какие-то кронштейны. Атаман Сапрыкин быстро и виновато оглянулся на священника, угрожающе помахал кулаком перед носом телеоператора: «Не смей снимать!» — и начал отдирать побледневшие пальцы мужика от металла. Мотая головой, пятась, мужик начал садиться прямо на пол. Сапрыкин, пытаясь его удержать, сам оскользнулся и упал на колено. Два человека, упакованные в парашюты, боролись внутри вертолета, в двух шагах от засасывающей, притягивающей пустоты.

— Отказник... твою мать! — услышал отец Александр бешеный крик атамана. — Встать!

Пилоты, косясь через плечо на возню в салоне, развернули вертолет еще на один круг.

— Встать!! — орал Сапрыкин, дергая мужика за шиворот. — Что ты делаешь?! Забыл, что на круге решили? Отказникам — плеть! Выпорют ведь, старого дурака по голой жопе... из казачества выгонят... хрен ты тогда землю получишь... Встать!!

Голова у мужика вяло болталась, и атаман вlepил ему пару хлестких затрецин.

— Эй, командир! — проорал из кабины пилот. — Возвращаться будем?

«Друг, зайди еще на один разворот!» — показал ему жестами атаман.

Отец Александр, скорбя, подсел к струсившему казачку, с другой стороны, толкаясь парашютом, упал на одно колено атаман Сапрыкин.

— Васек... Господин подхорунжий... — начал торопливо говорить старому казачку атаман, оглядываясь на пилотов. — Нельзя нам сейчас казаков позорить. Надо прыгнуть, Вася... Ты Афган прошел, Чечню, ты мужик смелый, ты сможешь!

— Там — не убили, здесь — не хочу! — лязгая зубами, вдруг проорал казак.

— Ты же знаешь — все надежно... я сам твой парашют укладывал... первый раз всем страшновато... девчонки прыгают... дети прыгают... я сам с тобой прыгну...

— Тебе-то что? Как два пальца... ты водку в воздухе пьешь...

— Вот он с тобой прыгнет! — неожиданно проговорил атаман. — Прыгнешь, отец Александр?!

В глазах казака появилось осмысленное выражение.

— Отец Александр тоже будет прыгать первый раз. Причем без подготовки... Бог вам поможет!.. — торопливо кричал атаман.

— Я, собственно, не имею права... В рясе... — начал отец Александр. — К тому же епископ наш, владыко Феофантий...

— Батюшка!! — яростно заорал атаман. — Души православные не только молитвой спасать можно! Говорю же — его выпорют принародно... нагайка-семихвостка... в каждом хвосте по винтовочной пуле зашито... выпорют и из казачества выгонят... Ни денег из казацкого банка, ни земли... Он сдохнет, это я точно знаю!

Глаза казачка начали снова тускнеть.

— Хорошо! — прокричал отец Александр. — Что я должен делать?

— Ничего! Сейчас я вам помогу надеть парашют. Он откроется сам, вот эта стропа выдернет купол. Нужно только выйти из вертолета... просто сделать шаг! Я буду спускаться рядом, и крикну, что делать дальше, будет хорошо слышно. Всего один шаг, отец Александр!

Путаясь в рясе, отец Александр влез в лямки парашютного ранца. Атаман обряжал его — что-то застегивал, подтягивал, потом подтолкнул к двери: «Готов?!»

Земля, в серых квадратах городских кварталов, с речкой, по которой бежало слепящее солнце и облака, птицы, летящие под ногами, — все это вдруг слегка накренилось, маня и поддразнивая, ветер туго хлестал в лицо, растрепывая бороду священника, выжимал слезы из глаз.

— Готов?! — снова он услышал голос атамана Сапрыкина. — Пошел!!

И последнее, что услышал отец Александр перед тем, как шагнуть в пустоту, был веселый крик пилота:

— Ну, Витек, сукин сын, сейчас он и попа без всякой подготовки выбросит!..

А потом все звуки исчезли.

Сдавило дыхание, наперсный крест ударил вдруг по зубам, священника перевернуло в воздухе, дернуло и, как во сне, медленно и бесшумно начал распускаться над головой светло-серый купол парашюта. Одновременно он видел, как уходит в вираже вертолет, уронив маленькую человеческую фигурку, и тут же — рывок, и наступила плывущая тишина, охватило теплое и спокойное небо.

Подергав за натянутые веревки парашюта, отец Александр удивился их надежности, поглядел вниз — под носками его старых яловых сапог проплыл купол церкви... потом вспомнил про струсившего казачка, стал озираться — а тот висел под куполом, совсем рядом, чуть выше, кричал или пел что-то сумасшедшее и веселое.

Снова с грохотом и присвистом прошел над головой вертолет, из чрева его чертом вывалился атаман Сапрыкин, камнем полетел вниз, и совсем рядом, почти на том же уровне, где висел отец Александр, распаковался с хлопком и беззлобным матерочком.

— Эй! — засмеявшись, крикнул отец Александр.

— Все нормально, отец Александр! — тут же отозвался атаман. — Над головой у вас... посмотрите! Клеванты... две красные бобышки... палочки такие, на веревочках... потяните за правую... сильнее! Все! Вот так и идем! Сядем в скверике, на травку, ноги держите вместе... все!

Внезапно земля заторопилась, стала надвигаться все быстрее и быстрее, побежала куда-то вбок, отец Александр еще успел услышать крик:

— Священник на парашюте, ахти, господи!

Чей-то знакомый дискант прокричал:

— Ряженный!! — И на этот голос, накрывая его куполом, в крутом развороте пошел атаман Сапрыкин.

И тут же отец Александр мгновенно увидел на земле отдельные травинки, и сразу же земля не больно ударила в ноги, и он упал не столько от неловкости, сколько от желания прижаться к ней — такой твердой и надежной.

Ветерок вздувал на половину погасший купол, перебирал стропы, трепал полы задравшейся рясы. Набегал от площади развеселившийся народ. Кто-то уже помогал отцу Александру расстегнуть парашютные замки, а ему все хотелось полежать еще минутку на траве, прижаться к ней бородой, вдохнуть запах — земляной, весенний, сочный. □

Квартирантка

Летний деревенский день был в самом разгаре. На улице ни души — кто в полях, кто на ферме. Баба Аксюта ушла в свой необъятный огород полоть картошку. Димка сидел на кривых деревянных козлах перед бабкиным двором и складным ножиком вырезал из березового полена замысловатую фигурку.

Димке шел двенадцатый год. Главный вопрос, который его занимал с мая по сентябрь — когда же он повзрослеет настолько, что его перестанут каждый год отправлять на все лето в деревню. Но вопрос до сих пор оставался риторическим.

По дороге от почты прошли две незнакомые тетки с перевязанными сумками через плечо, за ними — краснощекая Анна Егоренкова. Увидела Димку, улыбнулась, помахала ему рукой:

— Здоров, жених! Чет ты какой несерьезный инструмент взял, бабка топор не дает? Где сама-то?

Димка махнул рукой за спину, в сторону усадьбы.

Егоренкова пошла по проулку вдоль забора, и вскоре стало слышно, как они с бабой Аксютой о чем-то весело перекрикиваются.

У дома бабы Зины, стоявшего напротив, хлопнула калитка, и Димка увидел, как во двор зашли двое: мужчина в голубой рубашке с коротким рукавом — его Димка знал на лицо — «сельсоветский», и девушка с модным матерчатым чемоданом. Они поднялись на высокое крыльцо, «сельсоветский» толкнул дверь и зашел в дом, а его спутница поставила свой багаж на приколоченную к перилам доску-лавочку и стала ждать.

Пока она с видимым интересом разглядывала дом, палисадник и улицу, Димка в свою очередь рассматривал ее. Невысокого роста, вся какая-то особенно складная — таких девушек, как считал Димка, можно увидеть

только в кино. Загар у нее был не медный деревенский, а ровный, золотистый, и здорово шел к коротким темным волосам. И одета она по-городскому: голубая блузка, серая клетчатая юбка чуть выше колен, босоножки-танкетки.

Она заметила его взгляд, быстро повернула голову, и Димке пришлось для маскировки начать считать ворон над соседской крышей.

Скрипнула дверь, «сельсоветский» вышел на крыльцо и покрутил головой по сторонам, видно, бабы Зины дома не было.

— Зинаиду Григорьевну не видел? — заметив Димку, спросил он.

— Может, в магазин пошла, раз дом не закрыла, — пожал плечами мальчик.

«Сельсоветский» поморщился — наверное, торопился.

— А твоя бабуля где?

Димка махнул в сторону огорода.

— Сходи-ка, позови.

Димка нехотя слез с козел, отряхнул от стружки брюки, но тут из проулка раздался голос бабы Зины:

— Иду, иду... Думала, успею, а хлеб привезли, так сразу очередь...

Она торопливо вошла во двор, остановилась в трех шагах от ступенек и изучающим взглядом окинула новую квартирантку.

— Ах, Петрович, какую ты нам птицу привел.

Девушка залилась румянцем и смущенно улыбнулась. Улыбка была живой, совсем не «киношной», и показалась Димке, продолжавшему украдкой наблюдать за ними, просто очаровательной. На тесном крыльце вышла заминка — бабу Зину пропустили в дом первой, потом «сельсоветский» отодвинулся в сторону и неловко зацепил чемодан госты. Она обернулась, и Димка окончательно рассмотрел ее лицо — умное и красивое.

Почти весь оставшийся день он прокрутился перед домом, даже обедать устроился на подоконнике — у него вдруг возникло непреодолимое желание увидеть соседскую квартирантку еще раз. Но та не показывалась. Понятно, устраивается, думал Димка и представлял, как она выставляет на полочку над канапкой книжки из своего матерчатого чемодана. Ему казалось, что, как минимум, половину багажа должны были занимать именно книги.

После обеда вся Низовка уже знала, что к тете Зине Анохиной поселили «учителку». К Димкиной бабке потянулись деревенские женщины — как бы по сторонним делам.

— Вот и будут теперь ходить, дел им нема. Ти учителок не видали? — качала головой баба Аксюта.

А вечером сама сходила на край Низовки к сестре, тетке Любе, принесла вместо обычной одной две трехлитровые банки парного молока и одну вручила Димке.

— Снеси-ка Зинке.

Коров, что у одной, что у другой, не было.

Димка потоптался в темных сенях. Теплую банку, чтобы обо что-нибудь не стукнуть, приходилось двумя руками прижимать к животу. Тихую, но строгую бабу Зину он побаивался. Говорили, что она сама всю жизнь, до самой пенсии, проработала в школе. Димка думал, что, наверное, техничкой. Представить бабкину соседку-родственницу, например, учителем математики он, конечно, не мог. Каждый раз, заходя по каким-нибудь делам в ее маленькую, даже по деревенским меркам, хату, опасался ненароком нарушить тот сияющий порядок, который постоянно царил в ней. Но не это сейчас останавливало Димку. За дверью теперь был загадочный и даже немного волшебный мир, который привезла с собой новая квартирантка. Привезла, выпустила из своего чемодана, разложила, наверное, по чистеньким, застеленным кружевными салфетками бабы Зининым полочкам, развесила за цветастой занавеской над припечком. И войти в него для Димки вдруг оказалось еще труднее, чем ступить пыльным кедом на сияющие полы соседкиной хаты.

Он вздохнул, для смелости прислушался, перехватил банку одной рукой и деликатно постучался. Баба Зина ответила сразу, но что, Димка из-за двери не разобрал, поэтому постоял еще с полминуты и, наконец, решился.

В хате вкусно пахло творожниками и топленым маслом. Зинаида Григорьевна хлопотала на крохотной кухоньке, отгороженной раздвинутой сейчас занавеской.

Глянув на Димку, сказала с улыбкой:

— А мы думаем, кто это там такой несмелый? Женихи, что ли, уже?

«Учителька» сидела у дальнего окна за столом над книгой и, подперев щеку ладонью, смотрела на гостя. В простом домашнем халатике, с упавшей на бровь прядкой волос, она казалась еще более неземной, чем днем, на крыльце. Димка как будто погрузился в сказку. В сказку, где существуют такие девушки, которых в действительной жизни просто не бывает.

— Здравсьте, — сказал он, не узнавая своего голоса и продолжая держать банку в руках. — Вот... вам... баба Аксюта передала.

— Я столько не выпью. — улыбнулась квартирантка.

— А чего тут пить... — вдруг вырвалось у Димки.

Она прыснула, закрыла лицо ладонями и звонко рассмеялась.

Димка понял, что сморозил глупость, почему-то выплыла эта дурацкая присказка, любимая другим их соседом, Серьгой, инвалидом и тихим пьянчужкой, и он, пытаясь исправиться, неестественно серьезно проговорил:

— Между прочим, я на одном дыхании выпиваю полбанки...

«Учителька» на секунду стихла, посмотрела на него блестящими от слез карими глазами, пытаясь сдержаться, сделала губы трубочкой, но тут же снова расхохоталась в ладони.

Димка готов был провалиться прямо сквозь до блеска вымытый бабой Зиной пол. У него горели щеки, и потому сильно хотелось на улицу, остудиться вечерней прохладой. Он поставил банку на край кухонного стола и попятился к двери.

— Ты куда это? — встрепенулась баба Зина. — Творожники готовы, сейчас ужинать будем...

— Не-е, мы с бабой Аксютой уже поели, — сказал Димка и выскочил за дверь.

— Чего, как ошпаренный? — встретила его баба Аксюта.

Конечно, видела в окно, как тот скатился с соседского крыльца.

— Ничего, — буркнул Димка.

Бабка ложилась по-деревенски рано. Сходила на двор загнать курей, погремела в сенях ведрами и полезла на «пол» за занавеску. Димку всегда веселило это странное для его городских мозгов несоответствие — когда полом называют деревянную лежанку за печью, а настоящий пол — мостом.

Он походил по дому, поел остывшей картошки и улегся на кровать у двери. Мягкая пружинная сетка тонко заскрипела и прогнулась, взбитая бабкой перина обволокла с обеих сторон. Димка барахтался в ней, разглядывал сереющие в темноте обои на потолке, неясное пятно слабого света на беленом боку печки и никак не мог заснуть. Сначала его мучил стыд — за собственную глупость и еще больше — за робость. Потом досада стала проходить, вытесняться светлым ощущением сказки, в которую он неожиданно для себя попал. Он представлял «учителкины» влажные от смешливых слез глаза, прекрасное в своей округлой правильности лицо, прядку темных волос на лбу, и понимал, что не может сравнить ее ни с одной женщиной или девушкой на свете, потому что у всех остальных глаза — это просто глаза, нос — просто нос, губы — просто губы...

Димка и не пытался понять, что это с ним происходит, просто радовался своему внезапному чувству и с удовольствием утопал в нем, словно в бабкиной перине.

Следующим вечером Димка отправился в Непрядино к тетке Люде. Честно говоря, он проводил там больше времени, чем у бабы Аксюты. На Низовке дружить было не с кем, а у тетки в мае вернулся из армии сын Павел, и пока «гулял» — на работу не устраивался. У соседей двое братьев погодков — Мишка и Сашка, шестнадцати и семнадцати лет, да на каникулы приехал Серега Левкин, учившийся в мореходке. Хотя вся компания была намного старше, Димку в нее принимали, только не брали в клуб на танцы — молод еще драться.

По вечерам компания собиралась на лавочке у дома Серегиного деда — Левки, куда Димка сразу и направился. Чтобы не делать кряк, он прошел от

березок огородами и дальше через запущенный Левкин сад, а, обойдя дом, увидел, что все уже собрались и что-то оживленно обсуждают. Когда в разговоре кто-то бросил слово «учителка», его как будто током дернуло. Он тихо подобрался к углу и прислушался.

— ...И чего? — Это был голос брата. — Не таких видали. Я тебе говорю — максимум месяц...

— Да ладно, — подзадоривал его Серега. — Ты посмотри на нее, какая цаца, куда тебе.

— Подумаешь, королева, — хмыкнул Павел. — Если не веришь, чего тогда спорить собрался?

— Я-то? Мне-то чего, давай, если такой ловкий.

— На что?

— Ящик красного.

— Идет. Сашок, разбивай.

Димка прижался спиной к бревенчатой стене дома. Конечно, он все понял — не маленький. Внутри, где-то под ложечкой, разливался мерзкий и липкий холодок. Голове, наоборот, было жарко — горячие мысли свились в клубок, распирала виски, жгли затылок. Сначала он хотел просто тихо сбежать и не видеть больше ни брата, ни Серегу, ни Мишку с Сашкой. Ну, и дальше-то что? Выйти и сказать, попросить Павла не делать этого? Ведь посмеются только, чего он, сопля, лезет во взрослые дела... Рассказать ей? Ну, вот этого он точно не сможет...

— У меня там наблюдатель есть, — продолжал Павел. — Димон придет, расспросим...

Димка осторожно отошел в сад, выждал минут пять и нарочито громко, пиная сухие сучки, опять пошел к дому.

— Легок на помине, как за углом стоял, — заметил Серега.

— А чего? — Димка сделал наивное лицо.

— Как там Зинкина квартирантка? — спросил Павел.

— Квартирантка как квартирантка, — как можно безразличнее ответил мальчик.

— Хороша девка, правда? — не унимался брат. — Не заглядываешься?

— А чего заглядываться? — Димка вздохнул и вдруг неожиданно для себя выдал. — Она... замужем.

Наступила пауза. Слышен стал даже писк комаров.

— Наблюдатель, — хмыкнул Серега.

— Ладно заливать-то, — недоверчиво протянул Павел, — она ж без кольца.

— Ну да... это... у нее жених, — кивнул Димка.

— Какой жених? Где? Бабы бы уже все выведали.

— Военный, — продолжал врать Димка. — Офицер. Он служит где-то...

— Десантник, — вставил Серега, засмеялся и хлопнул Павла по плечу. — Надо было на ящик не вина, а риванола, чтобы потом было чем рваные раны

залечивать. Паш, может, сразу в магазин, пол-ящика, так и быть, скощу — в связи с вновь открывшимися обстоятельствами?

— Да подожди ты, — отмахнулся Павел и опять посмотрел на Димку: — Ты-то откуда знаешь?

— Она рассказывала.

— Тебе?

— Ага.

Павел задумался, погрыз спичку, потом сказал:

— Ладно, посмотрим.

— Смотри, Паш, — опять хмыкнул Серега. — Завтра на пол-ящика уже не соглашусь.

— Да иди ты!..

Настроения уже ни у кого не было, и вскоре все разошлись по домам. А утром Димка засобирался обратно к бабке — оставаться с братом не хотелось. По дороге он размышлял, что теперь делать. Ведь тетка Люда — двоюродная племянница бабы Зины, и Павел при первом же удобном случае выведает или попросит выведать все, что ему надо. Рассказать все Надежде Александровне? Нет, он, конечно, не сможет. И тут же подумал, что, если все же не расскажет, то просто сойдет с ума.

Вернувшись домой, Димка налил в умывальник холодной воды из бака, тщательно умылся и, окончательно собравшись с духом, пошел через улицу к дому бабы Зины.

Та разбирала в сенях лук.

— Здрасьте, баб Зин, — поздоровался Димка. — Надежда Александровна дома?

— Александровна-то? — переспросила соседка, разгибаясь. — Уехала она, утренним. В Смоленск, к родителям, вещи кое-какие забрать. Дня через три вернется.

— Ну ладно, — вздохнул Димка.

Настроение у него упало. Он вернулся в бабкину хату, походил из угла в угол. Хорошо бы чем-нибудь заняться, так все из рук валится. Потом увидел в окно брата — тот поднимался на крыльцо бабы Зинино дома. «На разведку, — невесело подумал Димка. — Вот здесь и жизнь — только человек уехал, а уже вся деревня знает». Еще подумал, что Павел от бабы Зины обязательно зайдет к ним, а встречаться сейчас совсем не хотелось. Димка выскочил через двор в огород, перелез через забор и пошел вниз по проулку. Проулок выходил к широкой луговине, Димка повернул вдоль нее и направился по задворкам в конец деревни. Прошел крайний двор с прилепившейся над откосом баней и стал подниматься к бывшему совхозному саду. Сад был огромный и тянулся до самого михайловского грейдера. По грейдеру, правда, сейчас почти не ездили — вроде, как в прошлом году

половодьем смыло мост через Немку и его до сих пор не восстановили, а в Михайловку ездили кругом, через Низовку. Димка ходил от яблони к яблоне, надеясь найти какой-нибудь ранний сорт, и незаметно добрался до края сада. Дальше идти было незачем, он улегся под дерево и закрыл глаза. Думать уже ни о чем не хотелось. Вокруг стрекотали кузнечики и изредка гудели шмели. Потом вдруг появился еще какой-то далекий шелестящий звук, который перерос в гул шин едущего по гравию автомобиля. Димка открыл глаза и приподнялся. По грейдеру пылила желтая «Волга» с шашечками на двери. Метрах в пятидесяти она замедлила ход и остановилась. Облако пыли тут же догнало и накрыло ее. Когда оно рассеялось, хлопнула дверь, и Димка удивился — из машины вышел офицер в темно-синей форме с золотыми погонами. На груди сверкали медали, и даже рубиново рдела звезда, кажется, настоящего ордена. Он снял китель и аккуратно положил его в машину, оставшись в ослепительно белой рубашке. Потянулся, размял плечи.

— Я же говорил, что мост закрыт, сразу надо было через Низовку ехать, — услышал Димка.

Видно, это сказал в открытое окно шофер.

— Не переживай, отец, я же по счетчику плачу, — повернулся к нему офицер. — Ну, люблю я эту дорогу, понимаешь, люблю, это дорога к дому. — И тут он заметил Димку. — Здоров, землячок, сад сторожишь? А ружжо уже проспал? Знаешь, что за сон на посту бывает?

— Так точно, — крикнул Димка и вскочил, пронзенный мыслью, что эта фантастическая случайность встречи может помочь ему избавиться от страданий. Теперь он знал, кому нужно рассказать все...

Переваливаясь на ухабах и пыля, к дому бабы Зины подъехало такси. Из машины вышел молодой рослый офицер. На плечах сверкали золотом погоны с голубыми просветами. Он надел фуражку и направился к крыльцу. Баба Зина все так же хлопотала в сенях и, услышав звук мотора подъехавшей машины, выглянула в дверь и ахнула.

— Здравствуйте, — сказал военный, — вы, наверное, Зинаида Григорьевна? А Надя дома?

— Так она в Смоленск уехала, к родителям, — развела руками баба Зина. Офицер как бы расстроился, снял фуражку, вздохнул.

— Ну вот, был проездом, по службе, решил заскочить на пару часов, а невесты, оказывается, самой нет. Ну, что ж, не повезло.

— Так вы заходите, с дороги, небось, есть хотите, я сейчас быстро соберу, — засуетилась баба Зина.

— Спасибо большое, рад бы, да некогда — служба.

— А что передать-то ей, — спросила расстроенная баба Зина.

— Да я ей в Смоленск сам позвоню. Ну, передайте, что Алексей заезжал. Счастливо вам.

Он шагнул к машине, но потом, задумавшись, остановился и сказал:

— А давайте, на всякий случай, записочку черкану, вдруг не дозво-
нюсь... Есть листочек?

— Сейчас, сейчас...

Баба Зина вынесла ученическую тетрадку. Офицер вырвал листок, на-
писал на нем несколько строк и ловко свернул треугольником.

— Лично в руки отдам, не беспокойтесь, — закивала баба Зина, при-
жимая письмо к груди.

Она так и стояла на крыльце, пока «Волга» не скрылась за поворотом.

В конце улицы машина остановилась. Димка, дежуривший у крайней
хаты, подбежал к открывшейся передней двери.

— Все по плану, операция проведена без сбоев, — засмеялся офицер.

— Спасибо вам, — сказал Димка.

— Не стоит. Передавай привет невесте. Ну, бывай землячок. Подожди-
ка... — Он отцепил от кителя значок с крылышками и единичкой на щите
и протянул Димке. — Держи «орден». За смелость и находчивость.

Через два дня неожиданно приехала мама и забрала Димку. Отца, кото-
рый тоже был военным, переводили на новое место службы, и нужно было
срочно собираться...

Однажды осенью, когда Димка сидел за уроками, мама читала письмо
из деревни. Баба Аксютка так и не выучилась грамоте, и за нее всегда пи-
сала соседка тетка Зина. Та сочинять письма очень любила и всегда до-
писывала что-нибудь от себя.

Отец, вернувшись домой, узнал про письмо и спросил:

— Какие новости?

— А... все по-старому, — ответила мама. — Так, мелочи... Пишет, ее квар-
тирантка вышла замуж за военного и уехала с ним служить куда-то на юг...

Димку как будто током ударило.

— Слушай-ка, Дим... — продолжала мама, вынимая из конверта сло-
женный листочек, с подвернутыми краями. — Тебе тут отдельное пись-
мо... Прямо так и написано — «Дмитрию».

Димка с замиранием сердца взял его, разглядел красивые округлые
буквы и, под предлогом попить воды, убежал читать на кухню.

На листочке было всего несколько ровных строчек:

*«Дорогой Дима. Я очень благодарна тебе за то, что ты помог мне встретить
свою судьбу. Ты очень хороший мальчик, добрый и честный. Оставайся таким
всегда. У тебя все будет хорошо. Алексей передает тебе привет. Надежда».*

В середине листочка Димка разглядел — или только показалось? — ед-
ва заметную розово-перламутровую «бабочку» поцелуя. На душе у него
стало радостно, светло и немного печально — как от хорошей сказки.

И ведь действительно, любовь, начавшись сказкой, сказкой и осталась... □

Ирина Опимах

Д ЗАВЕЩАНИЕ Юрера

Шел 1525 год. После путешествия в Нидерланды — поистине триумфального — Дюрера встречали в Нюрнберге как первого живописца Европы и наперебой просили остаться — больше он никуда уже не ездил. Ему было хорошо в его родном городе, в окружении друзей и учеников.

За спиной осталась длинная жизнь — освоение ремесла в ювелирной мастерской отца, затем многочисленные скитания по немецким землям. И постоянная работа — он без устали, увлеченно писал пейзажи, портреты, обнаженные тела, библейские и светские сюжеты...

Параллельно с живописью изучал математику, перспективу, анатомию, архитектуру, фортификацию. В совершенстве овладел иску-

«ЧЕТЫРЕ
АПОСТОЛА»

Справа:
*«Св. Анна
(портрет
Агнес Дюрер)»*

ством гравюры, его «Рыцарь, смерть и дьявол» (1513 г.), «Святой Иероним» (1514 г.), «Меланхолия» (1514 г.) и по сей день считаются непревзойденными шедеврами. В родном Нюрнберге художника знали и уважали. Казалось бы, все складывалось совсем неплохо. И если бы настроение частенько не портила жена, фрау Агнес, все было бы вообще замечательно. Правда, в Нидерландах он подхватил малярию, и она то и дело давала о себе знать. Забыть о недугах помогало искусство. И конечно то, что творилось вокруг, ведь Германия переживала страшные времена, грандиозный слом всего и вся.

Совсем недавно в Нюрнберге было официально принято лютеранство. Но покоя городу, да и всей Германии реформация не принесла. Она повлекла за собой опустошительную крестьянскую войну, безжалостные преследования протестантов католиками и католиков протестантами. Отношение Дюрера к новой Церкви было неоднозначным. Поначалу художник примкнул к числу ее сторонников. В 1517 году он вошел в штаупитцианскую общину — кружок реформистов, возглавляемый нюрнбергским викарием, августинцем Иоганном Штаупитцем и его

ближайшим сподвижником Венцеславом Линком. В начале 1518 года Дюрер даже послал в подарок Лютеру свои гравюры. Ближайшие друзья Дюрера — Вилибальд Пиркгеймер и Лазарус Шпенглер — также были тогда истовыми последователями Лютера. В 1520 году они издали анонимные брошюры в защиту нового учения, за что были тут же отлучены от церкви (католической). Дюрер искренне восхищался Лютером и не раз говорил о том, что хотел бы на полотне запечатлеть черты «святого человека». Однако позже многое его стало смущать в новой церкви. И не только его одного. В начале 1520-х годов в Нюрнберге появились самые разные секты и объединения, члены которых смотрели очень по-разному на Бога, Церковь, реформацию и будущее Германии. Тут были и анабаптисты, последователи Томаса Мюнцера, вождя крестьянства, они выдвигали требование общности имущества. Потом стал слышен голос «безбожников» — эти не только отрицали отдельные догматы и таинства католической церкви, но осмелились усомниться в самом существовании Бога и истинности Священного Писания. Много сторонников нашел

в Нюрнберге швейцарец Ульрих Цвингли, не согласный в ряде вопросов с Лютером и высказывавший более радикальные взгляды. Кстати, и Дюрер пережил увлечение идеями Цвингли и даже послал ему в дар свои гравюры.

В 1524 году обстановка в Нюрнберге и вокруг города особенно обострилась. Весной вспыхнули крестьянские восстания, а затем взбунтовались и горожане, которым не нравилось, как городом управляет городской совет (в него входили бо-

гатые патриции и аристократы). А потом в город приехал сам Мюнцер, и уже вскоре все читали его брошюру, направленную против Лютера и озаглавленную так: «Против сытно живущей плоти виттенбергской». «Я мог бы сыграть славную шутку с нюрнбержцами, если бы у меня была охота поднять восстание», — вспоминал позднее Мюнцер. И тогда члены городского совета решили взять дело в свои руки и покончить с беспорядками — они провели реформацию церкви

Справа:
«Крест»

и избавились от наиболее опасных радикалов — оппозиционеров. Среди них были лучшие ученики Дюрера — братья Ганс Себальд и Бартель Бехамы и Георг Пенц. Их процесс называли процессом «трех безбожных художников» — молодых людей судили за то, что они посмели отвергнуть идею Бога и святости Библии. Вердикт был суров — изгнание из Нюрнберга. Надо сказать, нюрнбергские художники отличались большим свободомыслием. Так, среди смутьянов были Ганс Грейфенберг и Ганс Платнер — их власти осудили за «неуместные речи о таинстве причастия» и основание новых сект, привлекался к суду по обвинению в ереси Пауль Лаутензак, арестовали за связи с революционным крестьянством и резчика Иеронима Андреа, работавшего в мастерской Дюрера.

А между тем поднималась слепая, яростная сила — крестьянские волнения, громившие все на своем пути. Неудивительно, что это вызвало в душах немецких гуманистов и мыслителей глубочайшее разочарование в идеях реформации и страх за свое будущее, за будущее страны, ее культуры. Ведь темные крестья-

не уничтожали все подряд, а главное — украшавшие католические храмы шедевры, созданные великими живописцами. Валлибальд Пиркгеймер, большой друг Дюрера, ученый и знаток античной философии, уже после смерти художника, в 1530 году так описывал тогдашние настроения: «Я признаю, что вначале был таким же хорошим лютеранином, как и наш покойный Альбрехт, потому что мы надеялись, что исправлено будет римское мошенничество, как и жульничество монахов и попов, но как посмотришь, дело настолько ухудшилось, что евангелические мошенники заставляют тех мошенников казаться невинными». Особенно беспокоило Пиркгеймера то, что «простые люди, наставленные этими евангелическими, уверены, что должен совершиться всеобщий раздел имущества; и истинно, если бы не было большого предостереженья и наказания, совсем скоро начался бы всеобщий грабеж, как это случилось в разных местах».

Многим тогда стало казаться, что учение Лютера порождает еще большее зло, чем Ватикан. А на картинах Дюрера появились грязные, грубые

Справа:
Алтарь

мужланы, несущие разрушение и уродство. Размышляя о том, что происходит вокруг, видя, как разные проповедники, уверенные в своей правоте, становятся вождями народных масс, а при этом помыслы их не всегда чисты, наблюдая, как их сомнительные теории овладевают массами безграмотных, нищих духом людей, Альбрехт Дюрер, по видимому, остро осознавал, сколь опасными могут быть претензии людей на знание абсолютной истины, сколь опасным может быть слово, лживое или неправильно понятое...

И тогда он задумал большую работу — своих «Четырех апостолов», ставших его последней значительной картиной, своеобразным завещанием потомкам. Написав эти четыре фигуры в человеческий рост, Альбрехт Дюрер сказал с помощью своего искусства все, что понял про людей и про жизнь.

Им, героям Дюрера, тесно в пространстве — они словно выходят за пределы картины. Но уж таков масштаб личности этих людей. На переднем плане слева — Иоанн бережно держит в руках Евангелие. За Иоанном стоит Петр, первый среди апостолов, основатель католической церкви и первый папа римский.

Справа на картине — Павел и Марк. В руках Павла — меч, символ его мученической смерти. (По преданию, Павла казнили римские язычники.) Взгляд его тяжел и суров. Для него все уже определено — кто враг, кто друг, кто прав, кто виноват. А Марк — он ждет ответов на свои вопросы от Павла, преданно смотрит на него, ожидая команды. Так фанатик, готовый сражаться с любым инакомыслием, жаждет слов вождя, что поведут его в бой.

Друг Дюрера, известный в Нюрнберге каллиграф Иоганн Нойдерфер, писал, что четыре эти фигуры, по замыслу художника, символизируют четыре человеческих характера, четыре темперамента, и четыре возраста человека. (В начале XVI века учение о темпераментах было чрезвычайно популярным, и художник хорошо знал о нем). Апостол Иоанн, спокойный, полный гармонии, представляет юность и самый светлый и счастливый темперамент — сангвинический. Петр — старость и флегматический темперамент. Марк — типичный сангвиник и олицетворяет средний возраст человека.

Суровый Павел с мечом и Библией в руках представляет меланхолический темперамент и, как и Марк,

средний возраст. Во времена Дюрера считалось, что меланхолия присуща гениям. Дюрер и себя полагал за меланхолика, недаром именно так, «Меланхолия», называется одна из самых его известных гравюр.

Мы не знаем, о чем думал Дюрер, работая над своими «Апостолами», — изображал ли он четыре темперамента, как утверждал Нойдерфер, или четыре возраста человека — юность, ищущую истину, зрелость, когда все знаешь и умеешь, и старость, когда уже все понимаешь. А может, художник говорил о своем понимании христианства и раздиравших его во времена реформации противоречий? В любом случае великое произведение велико потому, что каждое время обнаруживает в нем новые смыслы. И сегодня, глядя на дюреровских

апостолов, мы думаем о том, как самые правильные слова порой порождают нетерпимость и насилие, как опасен фанатизм, как важно сомнение, как необходимо просвещение, и как легко обмануть человека, верующего в самые истинные истины, если он теряет способность думать...

Но вот картины были готовы, и встал вопрос об их сохранности. Дюрер уже знал, что безумные вандалы безжалостно уничтожают хранившиеся в церквях и соборах произведения искусства. Изображения святых якобы оскорбляли их веру. И власти практически никак не реагировали на эти безобразия!

А в один прекрасный день ему сообщили, что в Саксонии уничтожен один из его алтарей. После этого Дюрер даже заболел, ему не-

Справа:
*«Кающийся
Иероним»*

сколько дней было очень плохо. И тогда в голову пришла счастливая мысль — он подарит «Апостолов» городу, и членам городского совета придется отвечать за них. Он хорошо знал нюрнбержцев — уж своєюто собственностью его практичные и расчетливые сограждане в обиду не дадут. И Дюрер написал письмо членам городского совета: «Благодарным, достопочтенным мудрым и любезным господам. Хотя я давно уже намеревался преподнести вашей щедрости на память мою недостойную живопись, я вынужден был откладывать это из-за слабости и незначительности моих работ, ибо признавал, что не мог достойно предстать с ними перед вашей мудростью. Ныне же, написав в недавнее время картину, в которую я вложил больше старания, чем в какую-либо другую, я не считаю никого более достойным сохранить ее на память, нежели вашу мудрость...» Художник ставил только одно условие — на картине должна быть подпись, которую он сочинит сам. Через день текст был готов. Он звучал так: «Все мирские правители в эти опасные времена пусть остерегаются, чтобы не принять за Божественное слово человеческие заблуждения». А да-

лее шли четыре цитаты — из Павла, Иоанна, Марка и Петра. Четыре точные выдержки из Евангелия в переводе Лютера на тогдашний немецкий язык. Первый раз Дюрер, боясь, что его послание, выраженное в художественных образах, не будет понято должным образом, прибег к Слову.

6 октября 1526 года отцы города сообщили художнику, что его картины понравились, и дар его принят. А на следующий день к Дюреру пришел известный в городе каллиграф Иоганн Нойдерфер (тот самый, который утверждал, что художник изобразил четыре темперамента) и с присущим ему мастерством сделал надписи на картинах. Вечером люди из городского совета на руках перенесли доски с апостолами из дома художника в ратушу, где для них уже было приготовлено место. Дюрер хотел отказаться от вознаграждения, однако городской совет оказал ему честь и все-таки выплатил 100 гульденов самому художнику, 20 — его супруге и 2 — слуге. А вскоре весь город обсуждал сами картины и надписи, названные «завещанием и предостережением» мастера всем нюрнбержцам.

Жить Дюреру оставалось совсем немного. Голландская малярная ока-

залась могучим и безжалостным врагом, который одерживал верх в жестокой схватке за жизнь. В эти последние месяцы художник из последних сил работал над своими «Четырьмя книгами о пропорциях». «Все потребности человека настоль-

ко пресыщаются преходящими вещами в случае их избытка, что последние вызывают в нем отвращение, исключая одну только жажду знаний, которая никому не досажда-ет. Желание многое знать и через это постигнуть истинную сущность

Справа:
*Гравюра «Рыцарь,
смерть и дьявол»*

всех вещей заложено в нас от природы». Так писал он еще в 1512 году, подготавливая первый вариант своего трактата о пропорциях.

Закончив книгу, он хотел приступить к следующей, в которой собирался рассказать о своем понимании живописи, о ее роли и целях, но... 6 апреля 1528 года великого художника не стало. Колокол церкви Святого Зебальда пробил 56 раз — столько было ушедшему в небытие Мастеру. Через два дня весь Нюрнберг провожал его в последний путь — Дюрера похоронили на кладбище Святого Иоанна в фамильном склепе Фреев, родственников его жены. Наверное, он хотел бы покоиться рядом со своими родителями, но уж так распорядилась его дражайшая Агнес. Особых почестей ему оказано не было — ведь художники тогда по общественному положению были не выше ремесленников, зато за гробом шли все его друзья, а друзей у него было в родном городе очень много. На могиле Дюрера высекли эпитафию, сочиненную его верным другом Пиркгеймером: «То, что было смертным в Альбрехте Дюрере, покоится под этим холмом. Он почил 6 апреля 1528 года». А на следующий день

нюрнбергские живописцы и скульпторы, всеми правдами и неправдами, добились от городских властей разрешения вскрыть могилу Дюрера, дабы снять с него погребальную маску. Сделав это, мастера срезали волосы с головы художника и разделили между собой. Одну прядь послали Гансу Бальдунгу Грину, любимому ученику Дюрера, — так просил перед смертью Мастер.

А его «Апостолы» украшали нюрнбергскую ратушу сто лет. Как бы не было трудно городу, он свято хранил творение своего выдающегося сына. Но однажды нюрнбержцам все-таки пришлось расстаться с шедевром — им завладел Максимилиан I, курфюрст Баварии, по иронии судьбы — воспитанник иезуитов и ярый католик, всегда ненавидевший протестантов всех видов, но любивший искусство. Ему удалось заставить нюрнбержцев отдать «Апостолов», поскольку Нюрнберг тогда входил в его курфюршество. В утешение Максимилиан отправил им точные копии картины, рамы и отпиленные надписи — предостережения Дюрера, хорошо понятые правителем Баварии, были ему совсем не нужны. Только в 1922 году картины

и текст были вновь восстановлены в авторских старинных рамах.

Ныне «Апостолы» — одно из сокровищ мюнхенской Старой Пина-

котки. Как и 500 лет назад, они говорят о самом важном — как не потерять разум и не принять Правду за Ложь... □

Мариэтта Цигаль-Полищук

Всё,
что есть
во мне
хорошего —
это от моих
родителей...

— Мариэтта, юбилейный семидесятый сезон театр на Малой Бронной открылся премьерой, зрители увидели спектакль «Васса», режиссера Вячеслава Тыщука, по пьесе

Максима Горького. «Васса» — первая большая работа этого молодого режиссера в Москве. Вы заняты в этом спектакле, расскажите о нем, пожалуйста...

Актриса Мариэтта Цигаль служит в московском государственном театре на Малой Бронной. Помимо этого, она много снимается в кино. Скоро на Первом канале выйдет многосерийный фильм «Таинственная страсть» о «шестидесятниках», где Мариэтта играет роль писательницы Зои Богуславской.

Она выросла в очень известной, удивительной и яркой семье: Мариэтта — дочь актрисы Любви Полищук и художника Сергея Цигалья, а имя ей дали в честь прабабушки, советской писательницы Мариэтты Шагинян. И сама она — такая же яркая, неординарная, талантливая актриса с большим будущим ...

— Спектакль «Васса» сложен и необычен, это первая редакция пьесы Максима Горького, ее редко ставят. Мы долго репетировали, Слава искал максимально яркие способы выражения своей затеи. В чем не-

мало помогла замечательная сценография Екатерины Галактионовой. Все действие происходит на огромной лестнице очень знаково-го кирпичного цвета. Спектакль насыщен образами, как атмосферными, так и визуальными.

У нас сейчас премьера за премьерой! 17-го октября мы сыграли «Яму» по Куприну, которую поставил Егор Дружинин. Это пластический спектакль. Изумительная музыка Фрица Крейсlera, лаконичная и стильная сценография Веры Никольской и потрясающе придуманные костюмы Яси Рафиковой. Все это, в сочетании с хореографией Дружинина, на мой взгляд, невероятно интересно!

— Скоро на Первом канале выйдет двенадцатисерийная картина «Таинственная страсть», где вы играете писательницу Зою Богуславскую. В 60-е годы Зоя Богуславская стала создателем Ассоциации женщин-писательниц в России, затем Международной ассоциации женщин-писательниц в Париже. По ее проекту была учреждена первая в России Независимая премия «Триумф»...

— Да, Зоя Борисовна много чего за свою жизнь сделала... И это, конечно, невероятная ответственность — играть такого человека, да плюс еще и не только реально существующего, но и ныне живущего. Но картина

абстрагирована от конкретики. Как и сам роман. Аксенов не писал исторического очерка, он написал о времени «шестидесятников», о поэтах, о людях, об отношении к тогдашней жизни и атмосфере, окружавшей их. И хотя все персонажи, безусловно, узнаваемы, ни одно имя в книге не совпадает с реальностью. Это осознанный литературный прием автора, о чем он сам написал в предисловии. И это немного снимает груз ответственности за правдоподобность. Правда, не до конца. Я очень благодарна Владу Фурману, режиссеру картины, что он в меня поверил, что мне довелось поработать в таком материале, в такой команде, с таким потрясающим актерским составом!

— В начале октября на сцене филиала театра имени Пушкина прошел театральный фестиваль «Я не один». Вы являетесь одним из участников этого важного социального проекта. Расскажите о нем, пожалуйста.

— Юра Тхагалегов, человек бесконечно фонтанирующий идеями, придумал эту историю, и мы пришли с ней к Наталье Шагинян-Нидем, учредителю благотворительных фондов «Жизнь в движении» и «Артист». Оказалось, что идея эта идеально вписывается в программу «Жизнь в движении» по социальной адаптации детей сирот, и мы приступили к работе. Честно говоря, никто из нас до конца не верил в то, что все

сложится, а точнее, что все получится настолько правильно и здорово! Мы привели пять профессиональных режиссеров в пять детских социальных учреждений, дали им три недели на репетиции и создание спектакля, что и для взрослых-то артистов не просто мало, а практически неосуществимо. Но ребята справились! И сделали все так здорово и талантливо, что выбирать нашему жюри было очень трудно. Спектакли игрались на профессиональной сцене, в зале сидели настоящие зрители, в жюри весьма компетентные и знающие люди — театральные критики, режиссеры, ассистенты по подбору актеров в кино. Мы хотели дать ребятам возможность убедиться, что, если ве-

ришь и борешься, то обязательно добьешься своего. И они добились! Кого-то уже позвали сниматься в кино, кто-то определился с выбором профессии. А ведь когда мы приходили к ним знакомиться, почти никто не знал, ни кем хочет стать, ни почему занимается тем, чем занимается. Например, учится парень в колледже на повара. Почему? Потому что кто-то ему так сказал. А он с детства мечтает быть танцором. Но ему и в голову не приходит попробовать поступить в институт на хореографическое отделение, потому что ни поддержки, ни протекции. Так что лучше — «че попроще». Ну, это ведь запредельная чушь, согласитесь! За этот месяц, что шел фестиваль, они многое переосмыслили.

И не только они, но и мы все, кто с ними общался, и режиссеры, и ребята документалисты, которые снимали кино о репетиционном процессе. Фестиваль в этом году проходил впервые, но все его участники убедились в его абсолютной необходимости, и теперь мы будем проводить фестиваль «Я не один» каждый год.

— Вас назвали в честь прабабушки по линии отца, Мариэтты Шагинян, которую в советское время все знали по ее «лениниане». И вообще вся ваша семья очень творческая и известная.

— Да, семья у меня весьма творческая. И художники, и артисты, и скульпторы, и писатели... И все очень талантливые. И это висит надомной, как дамоклов меч — вечный страх, только бы не учудить какую-нибудь глупость, которая бросит тень в их сторону...(смеется). Главное то, что мы очень дружная и любящая семья.

— Чему вы научились у своих родителей?

— Всему. Не сдаваться, быть терпеливой, нести ответственность за свои решения и поступки, не осуждать, любить, дружить... Все, что есть во мне хорошего — это от моих родителей. А плохого — я сама уж нашла, где понабраться.

— У вас есть какие-либо увлечения помимо театра?

— Очень много. Я вообще натура увлекающаяся. Шью, леплю, украшения из всяких бусин делаю. И страшно люблю быть полезной и нужной! Но каждый раз, когда речь заходит о том, чтобы как-то увлечение мое преобразовалось в профессиональную деятельность с зарабатыванием на этом денег, я теряю к нему интерес.

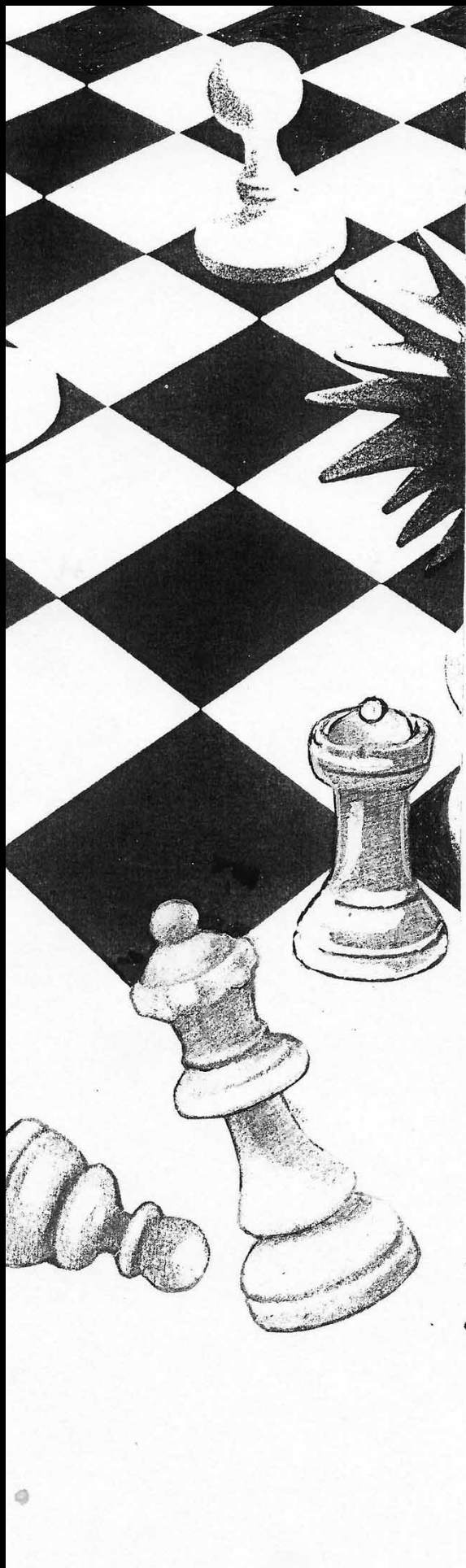
— Вы любите путешествовать?

— Я люблю ходить по улицам. Просто ходить. Такая моя медитация — плеер в уши, и пошла по ночной Москве круги наворачивать. Но по красивым незнакомым улицам ходить тоже, конечно, приятно. Венеция и Флоренция — идеальные для таких прогулок города. Поэтому, да, пожалуй, я люблю путешествовать. Только делаю это крайне редко. Мало где бывала. Времени почти нет, а летом никуда не хочется, кроме как скорее в родной Коктебель. Малая родина, как называла его бабушка. Это поселок в Крыму, у нашей семьи вот уже больше шестидесяти лет там дача. Мы все ездим туда каждое лето, а теперь и на Новый год последние несколько лет...

— Мариэтта, а чтобы вы пожелали «Смене» как старейшему изданию, существующему уже почти 92 года?

— Еще, как минимум, столько же!!! □

Беседовала Елена Воробьева

Я невзлюбил его сразу. Со временем это чувство сильно во мне окрепло и превратилось, сами понимаете, в какое.

Он жил в третьем подъезде нашего девятиэтажного дома, я — в четвертом, но мне часто казалось, я ощущаю его присутствие сквозь расстояние и стены.

Мы недавно переехали из Тулы в Москву, в эту серую, длинную, как положенный на бок небоскреб, советскую, как ее называли взрослые, постройку. В то утро я, переболев гриппом, был выпущен мамой во двор с напутствием: «На час, не более, слышишь, Сережа? Закрой горло! И со двора — никуда! Ты даешь мне слово?»

Слово, конечно, было дано, с позорно закутанным — хотя была уже середина апреля — горлом я отправился осваивать новую территорию.

Она оказалась скучной. Двор был плоским, голые деревья торчали пучками, солнца не было, мутные лужи не искрились бензиновой радугой, и влезать в них в новых резиновых сапогах было не интересно. Ровесников я не встретил, они пребывали в школах, бабульки с собаками на поводках занимали меня мало, а машины на стоянке были такими же, как у нас в Туле: обычный гараж, заполненный «Ладами», ничего нового я не увидел.

Зато увидел деревянную беседку и в ней яркую, оранжевую круглую лампу. Ну, лампа и лампа, какое мне, спрашивается, до нее дело? Мало ли ламп придумали люди, чтоб освещать свои слепые пути? Стоит ли на каж-

дую обращать внимание? Не стоит, должно было подсказать мне подсознание, самое разумное для тебя — развернуться и уйти, хотя бы в сторону бабулек с поводками. И оно было бы право. И мама сказала бы так же, а с нею, возможно, согласился бы и папа, хотя он, как говорила мама, часто проявлял любопытство там, где это было совершенно не нужно и даже во вред семье. Но нет! Я оказался верным сыном своего отца. Любопытство, двигатель беды и прогресса, сгубило и меня. Лампа качнулась, и я догадался, что это не лампа, а рыжая человеческая голова.

Я приблизился к беседке и ступил на съеденный подошвами деревянный порог, не подозревая, что это порог судьбы.

Передо мной вполоборота сидел парень с рыжей копной на голове, смачно хрустевший моими любимыми чипсами «Лэйс» с луком. Он извлекал их щепотками из скрипучего целлофанового пакета и прямым загрузал в рот, который, распахиваясь навстречу приближавшимся чипсам, превращался в пасть. Он был так увлечен этим занятием, что увидел меня не сразу или сделал вид, что не увидел.

— Здорово, пацан! — наконец сказал он, и я заметил, что у него зеленые глаза, точно такие, как у нашего кота Юрки.

— Здравствуйте, — ответил я и тут же пожалел об этом: бабушка запрещала мне здороваться на улице с незнакомыми людьми, особенно мужчинами. «Каждый незнакомый мужчина, внушала мне она, может оказаться хулиганом или, не дай бог, врачом, торгующим детскими органами. Ты хочешь, чтоб у тебя отрезали уши, чтоб твою почку или сердце продали богатому негру из Мавритании? Очень хочешь?» Угрозы лишиться сердца или почки не очень меня пугали, так как в организме я их не ощущал, а вот ушами пользовался каждый день, поэтому мне было их очень жалко. «Нет, — уверенно отвечал я бабушке, — не хочу, бабуля. Я не буду разговаривать на улице с мужчинами». «Вот и молодец», — говорила бабушка, довольная быстрым результатом проведенной беседы. «А с женщинами можно?» — интересовался далее мой пытливый ум. «Лучше не надо, — отвечала мудрая бабушка, — лучше ни с кем не разговаривай. Будь хитрее. С тобой здороваются, а ты головой кивни и пройди мимо, лучше пусть все думают, что ты невоспитанный грубиян, чем ты останешься без почки».

Ночью, лежа в постели, я понимал, что бабушка, наверное, права, но два вопроса не давали мне покоя. Что за страна Мавритания, где каждый негр так богат, что может купить мои сердце, почки и уши впридачу, ведь они, наверное, дорого стоят? И второй: если бабушка права, то чья работа главней: бабушкина или мамина, которая требует от меня, чтобы я был с взрослыми вежливым и уж, по крайней мере, здоровался?

— Лупи, соплячок, я нажрался, — протянул мне пакет с чипсами рыжий.

«Соплячок» резануло мой слух, но оно было не такое грубое, как «сопляк» и прозвучало как-то необидно. Рыжий добродушно улыбался, а совсем рядом от меня находились любимые чипсы.

Но суровое лицо бабушки снова нарисовалось передо мной. Длинный желтый палец с заскорузлым ногтем замелькал у меня перед глазами как маятник спешивших часов: «Не смей брать в рот эту гадость, Сережа! Умрешь от яда!» «Бабушка, подумал я, ты всегда права, но это другой случай. Рыжий съел целый пакет и взялся за второй, значит, чипсы не отравлены! Вы с мамой всегда запрещаете мне чипсы, а ведь я так их люблю!» К тому же рыжий не внушал мне ни страха, ни опасений. Ему было лет четырнадцать, мне уже одиннадцать, подумаешь разница — никакой! Конечно, он был длинный, бабушка таких называла оглоблей, руки у него доходили до колен и даже слегка загибались, как у гиббона, которого я видел в зоопарке, но я приемчики карате тоже знал — видел, как старшие ребята отрабатывают их в спортзале нашей школы. Я взял пакет с чипсами и сказал «спасибо». «Геннадий», — назвался рыжий и протянул мне руку. «Сергей!», — ответил я и вложил свою ладонь в большую лапу Геннадия.

В ту же секунду он завернул мою руку за спину и вздернул ее кверху. Я плохо понимал тогда, что такое справедливость и несправедливость, но что такое подлость и обида, понял сразу и на всю жизнь.

Пакет с чипсами упал на грязный пол, меня пронзила такая адская боль, что ради избавления от нее я был готов немедленно отдать богатому негру не только чипсы, но и обе почки.

— Больно, соплячок? — участливо спросил меня рыжий.

— Не очень.

Я хотел заорать и заплакать, но тут передо мной возникло лицо отца, который однажды на рыбалке, когда в меня вонзился крючок, строго объяснил, что, если мужчине больно, он обязан улыбаться. Я всегда следовал наказам отца, но сейчас это было совершенно невозможно.

— Не больно? Совсем? — переспросил Геннадий и, взглядевшись в меня, слегка поддернул мою несчастную руку еще выше.

У меня в глазах завертелись и поплыли красные пятна.

— Нет, — прошептал я. — Не больно.

— Уважуха, — удивленно проговорил он и отпустил мою руку. — Будем дружить, соплячок.

Я кивнул. Слов у меня не было. К его чипсам я больше не прикоснулся. Зато попробовал двинуть его головой в живот, но удар получился никаким. Он выкинул меня из беседки и расхохотался вслед.

«Подожди, — думал я сквозь слезы и злость, бредя домой, — я подрасту, накачаюсь в качалке и проведу тебе, кошачьей морде, такой болевой

прием, от которого ты, гад, взвоешь, будешь просить прощения, но я тебя не прощу».

Так мы начали дружить.

Спрашивается, как можно дружить с человеком, которого ненавидишь? Не знаю, так получилось.

Возможно, дело в том, что я, как часто повторяла бабушка, странный мальчик. Возможно, я путаюсь в определениях, и то, что происходило между нами, называется не дружбой, а чем-то другим, но, когда после школы меня отпускали гулять, я неизменно, словно притянутый магнитом, направлялся к беседке, где всегда обитал Генка. Я узнал, что из школы его выгнали, и он не жаждал туда возвращаться, перебивался подработками на соседней стройке, где срочно возводили для народа торгово-развлекательный центр «Ласточка», а также тем, что давала ему мать. Отца у него не было, ушел, была только «бизнес»-мать, совладелица ателье на четыре работника, и ее, как рассказывал Генка, по очереди доили то менты, то пожарники, то санэпидемь, то налоговики, то все вместе. Я уже знал, что доить — означает выманить деньги, а все же невольно представлял себе его мать в качестве коровы с огромным выменем, которую видел однажды в деревне под Тулой и которую дружно доят сразу все вместе. Я сочувствовал ей, я даже сочувствовал Генке, что у него не было отца, но при этом никогда не забывал, что он гад и гиббон.

С ним, гадом, было интересно. Однажды он дал мне попробовать вино портвейн, а потом предложил сигарету. Понятно, что отказаться я не мог; вслед за ним сделал прямо из бутылки несколько храбрых глотков, а потом, как бывалый пацан, сунул в рот сигарету и смело поднес ее к огню генкиной зажигалки. Я сделал так, как много раз видел это в телике, но Генка почему-то развеселился.

— Ты чего творишь, соплячок? — хохотал он. — Ты кури, чего ты через сигарету дышишь? Это тебе не загубник акваланга, соплячок! Надо в себя, попробуй втянуть дым в себя.

Я глубоко вдохнул дым и закашлялся, голова закружилась, и мне совсем поплохело.

— Нормально, соплячок, — смеялся Генка, — так со всеми бывает. Дыши глубже, сейчас станет легче.

Легкими пощечинами он пытался привести меня в чувство, наконец, это ему удалось, и меня сразу вырвало прямо его фирменную майку с портретом улыбавшегося Марадоны. Я, конечно, хотел немедленно помочь ему обтереть перчаткой майку, но он меня оттолкнул.

— Куряка, блин! — разорался гиббон. — Сопляк! Иди отсюда! Совсем отвали!

«Вот гад, — подумал я, — напоил, накурил, теперь выгоняет. Все, больше он меня никогда не увидит». И гордо покинул беседку.

Домой я явился через час. Мимо открывшей дверь бабушки сразу скакнул в ванную, где тщательно умылся и даже почистил зубы, чтобы от меня ничем не пахло. Бабушка не врубилась, но маму я недооценил.

— Сережа, ты пил?! — спросила она. — Курил?!

— Нет! — в ужасе замотал я головой.

— Вова, — крикнула мама отцу, смотревшему по телику футбол. — От него пахнет вином и табачищем, и он врет. Поговори с ним!

На ватных ногах я предстал перед отцом, которому никогда не врал.

— Было? — оторвавшись от экрана, спросил он и бросил на меня взгляд с прищуром, которого я боялся и уважал, потому что видел такой взгляд в кино у любимого ковбоя Клинта Иствуда, который в три секунды расстрелял шесть бандитов из кольта. Я не знал, способен ли на такой подвиг отец, но взгляд у него был такой же. Я кивнул и опустил голову.

Отец не заорал, не схватился за ремень, не переменялся в лице, и это был самый нехороший симптом. Он подошел к домашнему бару, откуда извлек и выставил на стол бутылку вина и две пачки сигарет.

— Кури, сын, пей, тебе дается полная свобода, — спокойно сказал он. — Но помни, что в двенадцать лет твой рост остановится, а мозг перестанет развиваться и превратится в сушеный гриб. Кстати, рост пигмеев, африканского племени, которое начинает курить в семь лет, вырождается и вымирает от глупости, сто пятьдесят сантиметров. Кури, сын. Пей. Желаю тебе крепкого здоровья, — закончил отец и вернулся к телевизору.

Это был сильный ход. Отец был хорошим архитектором, классным шахматистом, но больше всего на свете переживал за футбол и московский «Спартак». Отцу я верил. Как противно выглядят сушеные грибы, уже видел у бабушки в деревне. Перспектива остаться карликом тоже меня не вдохновляла, я и так был самым маленьким мальчиком в классе. Я бы немедленно поверил отцу полностью, если бы не вспомнил оглоблю Генку, длиннорукого, как гиббон. Он и пил, и курил, но был на две головы выше меня. Я решил, что папа, может, и прав, но не на все сто.

Генку я увидел через три дня, когда окончательно зарекся пить и курить. Сигареты по-прежнему лежали дома в свободном доступе рядом с бутылкой на журнальном столике, но каждый взгляд на них кончался тем, что меня начинало мутить. Я заглянул в беседку единственно для того, чтобы сказать Генке, что он никакой, нулевой, и что скоро его мозг превратится в сушеный гриб — вот она месть, она была прекрасна!

— Привет, пацан! — весело крикнул Генка. — Заходи, покурим.

— Не буду, — сказал я, — не хочу, это вредно.

— Правильно, — согласился Генка, — вредно. А жить, пацан, вообще вредно, от этого умирают.

Теперь я думаю: откуда он взял это в свои четырнадцать лет? Из чьих умных уст услышал эту расхожую присказку? От матери — совладелицы маленького ателье, которую доят по несколько раз в день? Или от тех нехороших мужчин, которые занимаются ее дойкой? Вполне может быть. Но понимал ли он до конца ее гадкий пошлый смысл? Не знаю. Я, бессмертный одиннадцатилетний мальчишка, такую формулу вообще не мог тогда осмыслить, поэтому лишь покрутил пальцем у виска.

— Ладно, — ничуть не обидевшись, сказал Генка. — Не хочешь курить, давай в карты сыграем.

С этими словами он распустил у меня перед глазами веер из ярких разноцветных картинок и опять попал в цель моего интереса: карты мне давно нравились. Я увидел их впервые у бабушки в деревне — случайно наткнулся на них в старом комоде. Они были затерты и засалены сотнями рук, и я сделал вывод, что бабушка в теме, что в далекой молодости она тоже увлекалась карточной игрой, например, на первенство колхоза. Я задал бабушке нормальный вопрос, но она вместо нормального ответа отняла карты с криком, что «в эту гадость» колхозники не играли, а играл ее давно сдохший пьяница муж, колхозный механизатор Васька, проигравший однажды трактор. Вместо карт бабуля сунула мне книжку, предупредив, что книга во много раз интересней карт. Она мне действительно понравилась, и о картах я на время забыл. Но, как выяснилось, не навсегда.

— Во что будем играть? — деловито спросил я.

— В дурака. Подкидного. Кто проиграл, тот дурак. Дурак получает от выигравшего пять щелбанов по лбу. Согласен?

Что такое подкидной, кому и что он подкидывает, я не знал, но идея сыграть в дурака, выиграть, отомстить Генке щелбанами и доказать ему, что у него мозги, как сушеный гриб, мне понравилась. Трудность состояла лишь в том, что я никогда не играл в карты и, как это происходит, представлял себе плохо.

— Давно не играл, — солидно сказал я. — Правила немного подзабыл.

— Пять минут, все вспомнишь, — хмыкнул Генка. — Первые три игры играем без щелбанов.

Условия показались льготными.

Он так доходчиво объяснил мне правила, что я действительно быстро все понял. Чепуха, чего там понимать, «монополия», в которую мы иногда играли дома, в сто раз трудней!

Генка сдал по шесть карт, остальные оставил в стопке, объяснив, что это прикуп, он также показал мне, что держать в руке карты надо

не «лицом», а «рубашкой» к противнику, чтобы он не знал, какого достоинства у тебя карты.

Игра началась. Беря с него пример, я смачно шлепал картой по столу, но первую игру вчистую проиграл. Зато вторую и третью выиграл с преимуществом и, затаив радость, понял, что у Генки процесс высушивания мозгов начался даже раньше, чем у пигмеев, во всяком случае, раньше, чем у меня. Иначе он не предложил бы мне играть в примитивного подкидного дурака. Я все-таки не самый глупый мальчик, считала бабушка, а игра оказалась такой простой, что я был уверен, что с легкостью выиграю, набью Генке-гаду лоб и отомщу за позор с курением, за пьянство, за оскорбление «сопляком», за пинки в спину и вообще за все.

Четвертую партию я тоже выиграл.

— Гигант, — вздохнул Генка и с неохотой подставил мне свой покаты́й лоб.— Бей.

Я никогда и никому не давал раньше щелбанов, мой большой и указательный пальцы неумело сложились в кольцо и, несмотря на желание, отпустили щелбан без щелчка, вяло и не больно. Генка морщился, жмурил зеленые глаза, и я по наивности не разглядел в них кошачьей хитрости.

Пятую сдачу выиграл он. Мой лоб почувствовал в его пальцах упругость и сталь, но не почувствовал коварства.

Шестую сдачу выиграл я. Мне понравилось отвешивать щелбаны, но еще больше понравилось сморщенное, униженное, жалкое генкино лицо, со страхом ожидавшее наказания. Я входил в азарт, и злорадное удовольствие действовало на меня благотворно, как любимый горячий шоколад.

Три последовавших сдачи я проиграл вчистую. Лоб мой загудел от возмущения и боли, желание отомстить длиннорукому гиббону стало невыносимым. Я старался изо всех сил, выиграл одну сдачу и вкатил в покаты́й Генкин лоб щелбаны со всей возможной мне силой, сам удивляясь вдохновлявшей меня ненависти. А потом я проиграл подряд шесть или семь сдач. Лоб мой распух, на нем выступила шишка, прикоснуться к которой было невозможно.

— Хватит, пацан? — торжествуя, спросил Генка.

— Сдавай, — мотнул я головой.

Он усмехнулся и сдал.

Я снова подставил лоб...

Дверь мне открыла бабушка.

— Что с тобой?— ахнула она. Ее наблюдательность на этот раз оказалась на высоте.

— Ничего, — вежливо ответил я, — столкнулся с машиной, — и быстро нырнул в ванную.

Холодная струя пролилась на мой вздутый лоб, но шишка никак не сдувалась, краснота проходить не собиралась, и что делать с лицом, я сообразить не мог. Наконец в дверь постучали и рванули запор.

— Сергей, — услышал я голос отца. — Выходи!

Я обреченно проследовал в его кабинет и вновь попал под рентген его взгляда с прищуром.

— Домино? — хладнокровно спросил он. Я замотал головой и испытал облегчение оттого, что не вру. — Три желания? — Я снова замотал головой потому, что не врать было приятно. Отец еще сильнее прищурил глаза, отчего они превратились в два безжалостных лазера, спрятаться от которых не было никакой возможности. — Карты? В подкидного? На щелбаны? — добивал меня отец. Вот что значит, классный шахматист, сразу все вычислил! — С кем?

Я занял круговую оборону, которая заключалась в полном и отчужденном молчании. Отец, должно быть, понял свою тактическую ошибку.

— Похвально, — хмыкнул он. — Но должен заметить, что ты воюешь недостойным оружием. Предложи своему визави, ну, хотя бы вот это...

Его быстрая рука сгоняла в ящик стола и извлекла на свет большую плоскую деревянную коробку, в которой что-то гроыхнуло.

— Шашки? — удивился я. — В наше время? Зачем?

— Да, — подтвердил отец, — шашки. Предложи ему сразиться в этой старинной мудрой игре. Ты ведь умеешь в них играть и, по-моему, неплохо, ведь так? Обыграй его, сын, накажи, и пусть у него тоже вырастет шишка!... — и вручил мне снова гроыхнувшую коробку.

После уроков я поспешил в беседку. Генка отнесся к шашкам и доске с интересом и долго рассматривал и то, и другое, словно дикарь, впервые увидевший неведомое орудие цивилизации. Он не стал притворяться, сразу признался, что играть не умеет, и попросил его обучить. Я учил его, слегка раздуваясь от гордости, я, соплячок, впервые чему-то учил этого гиббона, не он меня — куреву, пьянству и подлости жизни, я его — благородной древней игре! «Уж я тебя выучу, — думал я, — так выучу и так потом разнесу-обыграю, что ты уйдешь от меня с перекошенным и распухшим лбом — зря я, что ли, всю ночь тренировал пальцами щелчок!»

Но Генка щелбаны, к сожалению, отменил.

— Игра серьезная, — сказал он о шашках, — она требует серьезного выигрыша. Предлагаю: выигравший получает пять рублей, проигравший делает пять кругов вокруг беседки и кукарекает.

С деньгами было все понятно, но кричать петухом?

— Как это? — потребовал я уточнений.

— А вот так. — Генка вскинул рыжую голову и звонко, с напором, во все горло, очень похоже на деревенского петуха на рассвете, натурально

прокукарекал. В ответ ему откуда-то с крыш удивленно прокаркала ворона. — Приблизительно так, понял, соплячок?

Я кивнул. Он снова назвал меня «соплячком», но я стерпел, подумав о том, кем станет он после первой же шашечной партии, и это придало мне тайной уверенности и сил.

Мы расставили шашки, и игра началась, во мне все трепетало от предвкушения победного реванша.

Я выиграл первую партию. Генка был настолько беспомощен в игре, что я, с сочувствием вспомнив о его засушенном мозге, решил денег с него не брать и не требовать петушиного крика.

— Нет, — сказал он, — так не пойдет. Уговор есть уговор.

С небрежностью мушкетера Генка швырнул на доску пятирублевую монету и отважно вышел из беседки. Прокукарекав, он шагом победителя, словно выиграл, а не проиграл, отправился в обход сооружения и, прежде чем снова вернуться в беседку, еще трижды, вскинув голову, огласил дворовую окрестность боевым петушиным кличем. Вороны снова откликнулись, закаркав, сорвались с насиженного места и расселись по крышам чуть дальше от беседки — на всякий случай.

— Уговор есть уговор, — повторил Генка. — Будь мужчиной, — добавил он, и это мне запомнилось на всю жизнь.

Торжествуя, я выиграл и вторую партию, и все повторилось точь-в-точь как после первой — небрежная монета, кукареканье, неторопливый обход беседки.

Мы сыграли еще пятнадцать партий. Я очень старался и долго думал над каждым ходом, но не выиграл больше ни одной. Я потратил все припасенные на колу и жвачки карманные деньги, получил взамен охрипшее горло, головную боль, позор кукареканья и новую порцию ненависти к смеющейся рыжей физиономии. На прощание он вручил мне шашечную доску, встряхнул ее как погремушку и великодушно потрепал меня по плечу.

Прийдя домой, я рассказал обо всем, что случилось, папе, и мой похожий на Клинта Иствуда папа почему-то заволновался и впервые задумался не над проблемами «Спартака». Он посоветовал мне взять реванш в шахматах, игре, в которой три года назад сам научил меня не только передвигать фигуры, но и записывать партию на бумаге. Оторвавшись от футбола, он немедленно сыграл со мной две партии, из которых я одну красиво выиграл, но предупредил, что шансов наказать Генку у меня мало. Это меня взбесило.

— Откуда ты знаешь? — допытывался я. — Я что, плохо играю?

— Ты играешь хорошо, даже прекрасно, вполне по третьему мужскому разряду.

— Тогда почему ты так считаешь?

— Не слушай меня, — ушел от ответа отец. — Скорее всего, я ошибаюсь.

На следующий день я взял шахматы и отправился в беседку.

Генка с утра убивал свой мозг: лениво курил и потягивал пиво, уже заканчивал вторую бутылку в блестящей золотой фольге.

— Пивка, пацан? — предложил он, но я, настроенный на победу, решительно отказался. — Правильно делаешь, — кивнул Генка и позорно припал к стакану с пенной жижей.

Шахматы вызвали у него дикий восторг. Он крутил в руках фигуры, даже обнюхивал их, выпрашивал название каждой, восхищался слонами и королевой, балдел от коней и ладей, но как в них играть, понятия не имел.

— Научи, пацан, — попросил Генка.

Он был послушен и жалок, и мне опять пришлось дурака учить. Я учил его и думал про себя, что шахматы не шашки, что их с налета Генке не взять, я не сомневался в том, что, наконец-то, сумею его проучить. Все шло к этому, всем руководил я. Кукарекание я отменил, как занятие не спортивное, Генка согласился. Решили, как у взрослых, создать общий призовой фонд, я, как обучающий, внес в него 25 рублей, Генка, как ученик, — 75. Победитель матча забирал весь фонд.

Договорились без перерыва сыграть десять партий.

— Суперматч на звание чемпиона дома семь между Сергеем Некурящим и Геннадием Пьющим объявляется открытым! — проорал Генка. — Белыми начинает гроссмейстер Некурящий.

Я, конечно, легко выиграл первую партию, и Генке пришлось добавить в призовой фонд еще 75 рублей.

Он обкуривал меня сигаретами и противно стучал пальцами по доске, он то елозил на скамейке, то вскакивал, словно укушенный муравьем, — ничто ему не помогало, вторая партия снова принесла мне победу, и ему снова пришлось раскошелиться на пополнение призового фонда.

Третья партия закончилась быстрой ничьей, по обоюдному согласию фонд остался без изменений.

День летел к вечеру, я ужасно хотел есть, но терпел. Еще больше, чем голод, меня мучила жажда победы. Выиграть и доказать, стучало во мне. Гаду Генке, отцу и себе.

Четвертую партию я тоже выиграл. Генка курил одну за другой, хмыкал, громко кашлял, отгоняя ворон, и безнадежно улыбался. Он ловко сопротивлялся, но был прижат к седьмой горизонтали и разбит.

Общая победа в матче приближалась, я ликовал и даже позволил себе подумать о том, на что потрачу выигрыш. Новый велик! Конечно, я сам

заработаю на новый велик, и пусть бабушка больше не выступает, к ее пенсии я не прикоснусь.

Но нет ничего опаснее предвосхищения победы. Воюйте до конца, ребяташки! — хочется мне теперь крикнуть всем игрокам. — Даже в шаге от победы не позволяйте себе думать о ней, не позволяйте себе расслабляться: мысль о предстоящем триумфе есть знак верной гибели.

Я проиграл подряд четыре партии, и счет сравнялся.

Что происходит, я не понимал.

В каждой партии я стремился к развитию и инициативе. Капитально строил позицию, заранее определял для себя стратегическую цель и незримый ход партии, находил слабости в Генкиных построениях и оказывал на них давление. Я все делал так, как учили меня теория и отец, но ничего у меня не получалось. Едва я зажимал Генку в железные тиски, как он начинал какие-то безумные жертвы пешек и фигур, которые я поначалу охотно и со смехом принимал. Я продолжал наступление и ел его фигуры, но через несколько ходов выяснялось, что мой король под атакой, и все мои последующие ходы оказывались ни чем иным, как вынужденными попытками его спасти. Я спасал его всеми силами, я бился до последнего, но удавалось мне только одно: позор мата предотвращать почетной капитуляцией. Знал он шахматы, знал, пришел я к выводу, прикинулся шлангом, заманил и теперь обыгрывает как лоха. Но, если даже он знал шахматы раньше, то почему, по какому праву он, куряка и пьяница с усохшими мозгами, меня побеждает? Меня, довольно сильного для своих одиннадцати лет игрока, обладателя, по словам отца, третьего мужского разряда. Ответа на этот вопрос я найти не мог.

Девятую партию я решил аккуратно записать на бумаге. E2-e4, конь в1-c3, и так далее и тому подобное, особым языком для посвященных. Генка хмыкал и ни черта в этом не понимал. Не знал он шахмат раньше, подумал я, откуда ему, темному куряке, это знать? Я повел партию с наибольшим вниманием, долго думал над каждым ходом, фантазировал атаку, считал на пять ходов вперед и владел инициативой. Ситуация на доске медленно, но верно склонялась в мою сторону, Генка был обжат, его войска теснились на пяточке и гибли под моими точными ударами, сам он в полной безнадеге мелко дрыгал ногой, смолил одну за другой, кашлял и все больше скучнел. И, наконец, по недосмотру подставил мне ферзя. «Зевнул», не выдержал гиббон, сломался, гад, запело у меня внутри, но я пресек песню. Я был уже не прост и не легковверен, прежде чем взять ферзя, я зорко оглядел позицию и убедился в том, что мне ничто не угрожает. Тяжесть ферзя согрела мне руку, снимать его с доски было приятно.

Гиббон крякнул, снова запалил сигарету и, закрыв лицо руками, надолго склонился над доской. Свет убавлялся, день серел, деньги под камушком призывно шевелились на легком ветерке.

Через десять ходов все было кончено. Пешечной цепью он полез на меня в тотальное психическое наступление.

Заключительную лобовую атаку на моего короля он провел всеми своими оставшимися фигурами, которые взаимодействовали между собой, словно живые люди, не считались с жертвами и воевали с такой энергией, что фронт мой не выдержал и рассыпался. Поражение добило и обезоружило меня настолько, что я изрядно хлебнул пива, но оно мне не помогло. Десятая и одиннадцатая партии закончились быстро и с одинаковым счетом. Прощай, новый велик, мелькнуло у меня в голове. Когда Генка пожал мне руку и объявил себя победителем матча, я чуть не заплакал. Хищной рукой он подгрел к себе весь призовой фонд и спросил: «Еще?» У меня больше не было денег, оставались часы на руке, и он их заметил.

— Ставь, — сказал он, — отыграешься.

Часы были хорошие, настоящие, японские, с зелеными светящимися стрелками и календарем, их подарил мне папа на мое десятилетие, с ними я чувствовал себя взрослым.

— Нет, — мотнул я головой, — часы не отдам.

— Ставь, — повторил Генка, — пацан над барахлом трястись не должен, выиграешь, отыграешь и часы, и деньги.

Я очень любил свои часы, но еще сильнее хотел победить Генку.

— Ладно, — сказал я, — согласен.

Партия продолжалась очень долго. Стемнело. Фигуры словно оторвались и поплыли над доской, но я хорошо видел поле боя, и вдохновение полководца меня не покидало. Я играл здорово, я наступал, атаковал, выиграл три пешки и качество, я летел над позицией, пел и торжествовал и, в конце концов, получил мат.

— Часики, — нежно протянул Генка, — плывите ко мне.

Я не мог расстаться с часами, не мог снять их с руки. Как я останусь без зеленых стрелок? Что скажу маме, бабушке? Главное, что я скажу отцу?

— Я тебе завтра деньгами отдам, — предложил я. — Честно!

— Нет, — покачал головой гиббон. — Запомни, пацан: долг проигрыша — долг чести. Самый святой долг. Пацан без чести — пыль и дерьмо. Будь мужчиной.

— Часы не отдам, — решительно произнес я.

— Сам возьму, — хмыкнул Генка. — Имею право.

— Попробуй, — сказал я и принял боевую стойку.

В два прыжка гиббон прыгнул на меня сверху и придавил к столешнице всей своей подлой никотиновой тушей. Я едва мог пошевелиться. Мы оба хрипели и думали о победе, но, наверное, Генке она была нужнее.

Я не знал тогда, что такое честь, но помнил твердую руку отца, ласку матери, умные книги бабушки и быстро сообразил, что, наверное, честь дороже всего, раз Генка так за нее бьется.

Я не струсил, не боялся его — я уступал силе. Молча стащил с руки часы и, как кость собаке, швырнул их ему. Покидал в доску шахматные фигуры и собрался уходить. Я его ненавидел. Слезы выкатывались из моих глаз, это были не слезы слабости, а слезы будущей верной расплаты. Я поклялся его убить.

— Обожди, — сказал Генка. — Забери свои часы, соплячок, и утри влагу.

Несколько мгновений я колебался, а потом, не знаю почему, вдруг четко понял, что, если заберу часы назад, то окажусь дерьмом и пылью.

Я оставил часы Генке, высоко поднял голову, и слезы мгновенно высохли, я хорошо помню, как в тот момент зауважал себя.

— Спасибо за шахматы, пацан, — раздалось мне вслед. — Осенью продолжим.

Я гордо ковылял домой и чувствовал, что Генка отмищен и унижен, что в эти последние минуты я приобрел нечто более дорогое и важное, чем часы.

И все же, едва я переступил порог и увидел отца, как из глаз снова покатились слезы. Подлая вещь — слезы. Откуда они берутся и куда исчезают? Почему появляются тогда, когда совсем не нужны, а когда нужны, их не бывает?

Мама и бабушка пытались меня успокоить, но лишь добавляли горечи моей обиде. Отец мудро молчал и задал мне только единственный вопрос: ты проиграл честно? Да, признал я, проиграл честно. Значит, все справедливо, сказал отец, поцеловал меня в макушку, потрепал по плечу и приказал не раскисать. Я показал ему теперь уже ненужную запись девятой партии. Расставив фигуры, он посмотрел партию, нахмурился, согнав в складки кожу на лбу, и вдруг сказал:

— Сын, ты с ним больше никогда на деньги не играй. Ни в карты, ни в шашки, ни, тем более, в шахматы.

— Это почему? — спросил я. — Сам ведь говорил, что я хорошо играю.

— Все так, сын, — задумчиво произнес отец. — Но все-таки ты с ним не играй.

— Почему?! — не унимался я.

— Ты хорошо играешь в шахматы, сын, а я — хороший архитектор. Но я не великий Корбюзье, понимаешь? — Я отрицательно покачал головой. — Сколько лет твоему Генке? — вдруг спросил он.

— Четырнадцать, — ответил я.

— Я так и думал. Самое время. — Отец снова задумался, а потом продолжил: — Мы с тобой, сын, играем так, как нас научили. А есть такие люди, как твой Генка, которых учить — только портить. Они играют, как

дышат, они родились с таким умением на свет. Их главный талант — свобода мысли. Их значительно меньше, чем нас, грамотно обученных, но именно из них выходят таланты и гении, Алехины, Тали и Фишеры. Они не лучше нас, — предвосхитил он мой вопрос, — не добрее, не щедрее, не умнее, просто они родились свободными, а свободные всегда побеждают.

— А мы разве не свободные? — влез я с вопросом, которым заметно расстроил отца.

— А мы с тобой, сын, — помрачнел он, — родились рабами и от рабов, наша несвобода с рождения в наших головах. Мы вечно будем жить и играть по чьим-то чужим рецептам и готовым правилам. И вот тебе, сын, мой совет: стань классным летчиком, инженером, врачом, наконец. Но не стремись стать большим шахматистом. Нам с тобой это не дано.

Что такое талант, я уже слышал раньше, но никогда не думал, что Генка, гад и гиббон, может быть талантом, да еще каким-то свободным.

— Почему ты так решил? — спросил я отца.

— Я партию вашу посмотрел. Как он вел атаку. Как мыслил, как жил, как дышал. С меня достаточно. Я, пожалуй, тоже бы ему проиграл. Нам с тобой не повезло. Ты понял меня, сын?

Я выслушал отца, кивнул, но все-таки не согласился, что играю хуже Генки. Я ведь у него выигрывал?! Значит, могу? Может, отец ошибается, и я тоже рожден свободным?

Летом меня с бабушкой отправили на море под Новороссийск, позже к нам присоединились мама и папа. Отдыхали мы здорово, много плавали, ели дыни и фрукты, я вырос, окреп, и мне стукнуло двенадцать. Каждый день я играл в шахматы, через месяц, сражаясь с отцом, почувствовал, что сильно добавил, во всяком случае, оказывал родителю достойное сопротивление, а несколько раз справедливо выиграл. Потаенная мечта согревала и вела меня по жизни. Я вернусь, найду в беседке Генку и порву его в клочья. Я больше не спрашивал отца, смогу ли обыграть Генку, я верил в себя. Обязательно выиграю, гад сам отдаст мне часы, и тогда мы посмотрим, что такое быть мужчиной.

Вернувшись домой, я сразу поспешил в беседку, но Генку не обнаружил. Окурки от «Мальборо» принадлежали ему, и пивная бутылка под лавкой тоже была выпита им, и даже зажигалку его я обнаружил, но самого гиббона не было. Не появился он ни на второй, ни на третий день. Мне и моему любопытству стало его не хватать. Я знал его подъезд и квартиру, поэтому помчался к нему. Долго давил на кнопку звонка, наконец, дверь открылась, и я увидел Генкину маму-«корову». Я сразу понял, что это она, — глаза у нее были добрые, очень похожие на Генкины. А вот лицо было каким-то опухшим.

— Гена выйдет? — спросил я.

— А ты кто?

Я назвался. Торопясь, рассказал, что мы дружим и играем в шахматы, что недавно я вернулся с юга и хотел бы увидеть Гену. Мать предложила мне войти. Квартира как квартира, точно как наша, только комнаты расположены наоборот. Следом за ней я прошел в гостиную и увидел на стене большой портрет Геннадия, а под ним цветы. Я вздрогнул. Такой же портрет бабушкиной сестры и цветы под ним я видел в деревне, в бабушкином доме, поэтому знал, что он означает.

— Сядь, — сказала мать. Я сел, и она села напротив. Развела, разгладила руками скатерть перед собой. — Нет больше Гены. На стройке вступился за парня, и его убили. А про тебя я знаю. Он попросил шахматы купить. Чтобы с тобой играть. Вон они, новенькие, на окне. Рядом с часами, которые он недавно у кого-то выиграл. Ты, пожалуйста, все это возьми...

По пути домой я зашел в нашу беседку и долго просидел в ней. Разглядывал часы, снова оказавшиеся на моей руке, раза два встряхнул как погремушку шахматную доску, но фигуры расставлять не стал. Шорохи и звуки беспокоили меня. Я вздрагивал, оборачивался, я все ждал оклика, привет, знакомого голоса: «Привет, соплячок! Сыграем?» Но голос не звучал, и Генка не появлялся. Странно, как только он исчез, я сразу понял, что никакой он не гад. Мне стало обидно, я многого не мог сопоставить и сообразить, но теперь твердо знал, что вместо Генки в беседке всегда буду я. Буду поедать чипсы и ждать малолетку, а когда дождусь, скажу ему: лупи, чипсы, соплячок, я уже нажрался. Выверну ему руку, потом мы начнем дружить, я стану для него таким, как Генка и скажу ему: будь мужчиной. Но смогу ли я стать Генкой?

Наверное, в тот день я как-то сразу повзрослел.

Когда вернулся домой, на мне, должно быть, лица не было, и мама, и папа, и бабушка сразу это заметили. Разговоров и сочувствия Генке было много, но на всю жизнь я запомнил печальные слова отца.

— Мы обречены, — сказал он. — Мы сами убиваем своих гениев.

От детства остались у меня новенькие шахматы, в которые я никогда не играю, зажигалка, которой не пользуюсь, и память. Я не поверил отцу, я много работал, выжал из себя все соки и стал международным мастером по шахматам. Первой ушла бабушка, потом отец. В хорошую погоду я закутываю маму в плед, выкатываю ее на балкон и вместе с ней разглядываю двор, большие деревья и стальную беседку, построенную на месте прежней, деревянной.

Международный мастер — плохая жизнь. Любители на бульваре меня уважают, но на крупные турниры, где большие призы и деньги, мне хода нет. Туда приглашают гроссмейстеров, а я, как ни старался, гроссмейстером стать не смог. Смотрю на беседку и каждый раз вспоминаю Генку. Он бы смог, точно. Теперь уже не сможет. □

Юденич

Светлана
Бестужева-Лада

Он был героем русско-японской войны. В годы Первой мировой снискал себе славу «нового Суворова», не проиграв ни одного сражения. Но нам генерал от инфантерии Юденич известен, в первую (и, боюсь, в последнюю) очередь, как организатор двух неудачных походов на Петроград в годы Гражданской. Тогда он руководил силами белых на Северо-Западном направлении.... И впервые в своей жизни потерпел поражение.

Но обо всем по порядку.

«Новый Суворов»

Юденич Николай Николаевич родился в 1862 году в дворянской семье коллежского советника. Родным казалось, что юноша должен был пойти по гражданской линии: он даже поступил в Межевой институт, однако вскоре бросил его и пошел в Александровское военное училище, по окончании которого получил распределение в «варшавскую гвардию» — лейб-гвардии Литовский полк.

Всего двумя годами ранее закончилась очередная русско-турецкая война, следующая война (русско-японская) разразилась только через четверть века. В мирное время воинские звания присваиваются медленно, так что к сорока годам Юденич дослужился лишь до полковника.

Уже в 1884 году он выдержал экзамены в элитную Николаевскую академию Генерального штаба, из которой был выпущен «по первому разряду» (и со званием штабс-капитана), что давало серьезные карьерные преимущества. Затем была служба на штабных должностях в Варшавском и Туркестанском военных округах, а в 1896 году — производство в чин полковника.

Как вспоминал его сослуживец, Николай Николаевич отличался *«прямотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам»*.

С таким характером (да при отсутствии серьезных связей в самых «верхах») делать карьеру было тя-

жело, однако война устанавливает собственные критерии, отличные от мирного времени.

В 1895 году Николай Юденич женился на Александре Николаевне, урожденной Жемчужниковой, разведенной со штабс-ротмистром Сычевым. Они совершили большое свадебное путешествие, посетив Москву, Харьков, Петербург и отправившись потом за границу. Брак оказался крепким. По воспоминаниям сослуживцев, прийти в гости к Юденичам было искренним удовольствием для всех, жили они очень дружно. Спокойный нрав Николая Николаевича уравновешивал живой энергичный характер его супруги.

Русско-японскую войну Юденич встретил командиром 18-го стрелкового полка. В бою у Сандепу он лично повел начавшие отступать войска в штыковой бой и сумел отбросить противника. В сражении под Мукденом также вел войска в бой, активно руководил обороной и, в итоге, был тяжело ранен. За отличия его наградили Георгиевским оружием с надписью «За храбрость».

Неудачная война, как правило, приводит к «массовым чисткам» начальствующих лиц и одновременно — к продвижению отличившихся. Среди последних оказался и Юденич, который был произведен в генерал-майоры, а в 1907 году назначен генерал-квартирмейстером Кавказского военного округа.

Через пять лет он получил звание генерал-лейтенанта и повыше-

ние — должность начальника штаба Казанского военного округа. В 1913 году был начальником штаба округа на Кавказе.

Как вспоминал генерал Б.П. Веселорезов:

«В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием «генералин», снисходительный, он быстро завоевал сердца. Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных со товарищей по службе, строевое начальство и их семьи, радостно спешивших на ласковое приглашение генерала и его супруги».

Об особой армейской простоте Юденича ходили многие истории. Так, уже в годы Первой мировой служивший при Ставке Верховного Главнокомандующего М.К. Лемке оставил в дневниках следующие строчки:

«Да, Алексею не дана поза, как не дана она, по общим отзывам, Жоффру и Юденичу. Последний буквально со всеми держится одинаково. Будучи генерал-квартирмейстером и потом начальником штаба Кавказского воен. Округа, он одинаково говорил с графом Воронцовым-Дашковым и с подпоручиком своего штаба».

Девиз же Н.Н. Юденича был следующим: «Только тот достоин жизни этой, кто на смерть всегда готов».

И этому девизу он неуклонно следовал всю свою жизнь.

С началом Первой мировой Турция занимала выжидательную позицию, окончательно выступив на стороне Германии лишь 17 октября 1914 года, предварив это вероломным рейдом германо-турецкой эскадры по нашим черноморским портам.

Главнокомандующим Кавказской армией был назначен престарелый И.И. Воронцов-Дашков, фактически же обязанности исполнял его помощник А.З. Мышлаевский, а начальником штаба стал Н.Н. Юденич. Приказ о переходе в наступление был подписан им ночью 31 октября.

Основные силы (Сарыкамышский отряд, находившийся в центре) быстро вышли к стратегически значимому турецкому селу Кебри-кей, однако в результате ряда боев в середине ноября были вынуждены отойти к границе. Вместе с тем, и туркам, ввиду ряда неудач, не удалось развить успех. Однако в целом по итогам этих боев турецкое начальство переоценило собственные силы.

Находясь под воздействием первоначальных успехов, Энвер-паша (военный министр, один из членов триумvirата, руководившего тогда страной) хотел разгромить основные русские силы у Сарыкамыша (важнейший опорный пункт нашей Кавказской армии). Он принял командование 3-й армией и разработал весьма смелый — отдающий авантюрой — план, который предполагал сковывание русских у Сарыкамыша с фронта, в то время как два корпуса должны были обойти

правый фланг противника и отрезать пути отхода.

Однако Энвер не учел ни особенности местности, ни времени года. В результате в ходе наступления турецкие войска страдали от неустроенности тыла и связи, отсутствия должного обмундирования (учитывая зимние условия), а также недостатка координации между наступавшими частями.

Но первоначально развернутое во второй половине декабря турецкое наступление развивалось ус-

ки наседающего противника. Однако и сами турки действовали недостаточно активно, страдая от снежных метелей. Вскоре они потерпели ряд локальных неудач от русских войск, что поставило крест на их грандиозных планах.

2 января русские отряды заняли стратегический перевал Бардус и отрезали тем самым туркам путь к отступлению. А еще через два дня началось контрнаступление, в ходе которого основные силы противника были уничтожены. Преследова-

Неудачная война, как правило, приводит к массовым «чисткам» начальствующих лиц и одновременно — к продвижению отличившихся. Среди последних оказался и Н.Н. Юденич, который был произведен в генерал-майоры, а в 1907 году назначен генерал-квартирмейстером Кавказского военного округа

пешно. Туркам удалось выйти русским во фланг, поставив Сарыкамышский отряд в тяжелейшее положение. 24 декабря Юденич выехал на фронт.

Однако положение продолжало ухудшаться. Противник прорвался к Сарыкамышу, и его оборону пришлось спешно организовывать из запасных частей. Более того, была взорвана железная дорога, соединявшая район боевых действий с Карсом.

Юденич организовал оборону, получая пополнение и отбивая ата-

ние разбитых вражеских сил было остановлено лишь 18 января.

Общие потери турок составили 70 тысяч человек (включая 30 тысяч обмороженных), у нас — 20 тысяч. Успехи русской армии на Кавказе несколько облегчили положение союзников в Ираке и районе Суэца.

Так была одержана крупная победа под Сарыкамышем. И хотя вряд ли ее стоит приписывать исключительно полководческому таланту Юденича, он сыграл в ее успехе далеко не последнюю роль. Генерал непосред-

ственно руководил войсками в сложнейших условиях, за что и был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Вскоре он был произведен в генералы от инфантерии, а в феврале 1915 года стал главнокомандующим Кавказской армией.

Весна 1915 года ушла на реорганизацию войск армии, а также их пополнение. Правда, Ставка, считая этот фронт второстепенным, направляла на Кавказ практически необученных новобранцев, которые, в результате, составили более половины всего личного состава. Однако это не мешало Николаю Николаевичу успешно действовать летом 1915 года.

В мае в наступление перешел левый фланг Кавказской армии в районе озера Ван и тем самым спас тысячи армян от гибели в ходе устроенного турками геноцида. А в июне туркам было нанесено окончательное поражение в Азербайджане. О геноциде слышали все, о том, что русская армия под командованием Юденича сумела существенно сократить его размах — почти никто.

Однако попытки развить наступление севернее озера Ван встретили серьезный отпор. Противник сумел сосредоточить крупные силы, которые неожиданно нанесли поражение 4-му кавказскому корпусу и заставили его отступить. Турки углубились в наши тылы: опять создалось критическое положение, которое было исправлено полководческим искусством главнокомандующего армией.

Несмотря на нарастание панических настроений и тревожные донесения командира 4-го кавказского корпуса, Юденич сохранял полное спокойствие: оно и стало залогом дальнейших успехов. Он создал сводный отряд, который в начале августа нанес точный и мощный фланговый удар по прорвавшимся туркам. Противник дрогнул и отступил, однако добиться его полного разгрома не удалось (в первую очередь, ввиду слабой работы наших тылов).

Из-за серьезной усталости войск преследование было прекращено в середине августа. Важнейшим залогом успехов стала твердость генерала Юденича, его умение выстроить надежную систему связи. За успехи в ходе летней операции (известной как Алашкертская) Юденич был награжден орденом Святого Георгия III степени.

В то же самое время произошли серьезные перемены в руководстве всеми Вооруженными силами России. В начале сентября Верховным Главнокомандующим стал император Николай II, а его дядя, великий князь Николай Николаевич, был отправлен на Кавказ, где возглавил Кавказский фронт. Несмотря на то, что у Юденича появилось еще одно начальство, в действительности он сохранил определенную автономию в руководстве войсками.

Осенью-зимой 1915 года на Кавказском фронте установилось относительное спокойствие. Наиболее крупным событием стала по-

сылка в ноябре корпуса генерала Н.Н. Баратова в западную Персию. Русские войска (а именно, 2 батальона, 2 дружины, 39 сотен при 20 орудиях) разбили сформированные турками и германцами антирусские военизированные формирования, тем самым не допустив выступление Тегерана на стороне противника.

В конце года произошло еще одно важное событие — поражение союзных войск в ходе их попыток овладеть турецким проливом Дарданеллы. Русское командование обеспокоилось тем, что за счет высвободившихся войск Турция усилит свою 3-ю армию, действующую на Кавказе. Так родился план про-

рыва вражеского фронта в районе Эрзерума и захвата этой крупнейшей крепости.

Стоит признать, что Юденич мастерски провел подготовку операции и учел недостатки, выявленные в предыдущих сражениях. Он сумел достойнейшим образом наладить работу тыла, создать новые линии связи и подготовить систему дорожных коммуникаций. Особое внимание было обращено на снабжение солдат: все они были обеспечены

снял ее с фронта. Более того, начал раздавать отпуска офицерам с фронта, а также массово разрешать офицерским женам прибывать на театр боевых действий по случаю Нового года. Была инициирована закупка животных с целью убедить противника, будто наступление планируется на багдадском направлении. До последнего не раскрывалось нижестоящим штабам и содержание планируемой операции. А за несколько дней до ее начала

К

рупную победу под Сарыкамышем вряд ли стоит приписывать исключительно полководческому таланту Юденича, тем не менее, он сыграл в ее успехе не последнюю роль. Он непосредственно руководил войсками в сложнейших условиях, за что и был награжден орденом Святого Георгия IV степени, а в феврале 1915 года стал главнокомандующим Кавказской армией

теплой маскировочной одеждой, специальными очками (которые защищали от блеска снега), а также запасом дров. Создали даже метеорологическую станцию для оперативного мониторинга изменения погоды.

Беспрецедентными были меры по сохранению подготовки войск в секрете: Юденич прибегнул к масштабной дезинформации противника. Он незашифрованной телеграммой передал приказание 4-й дивизии о переброске ее в Персию и

был полностью закрыт выезд всем лицам из прифронтовой полосы, что помешало турецким разведчикам донести об окончательных приготовлениях русских.

Наступление развернулось в середине января 1916 года. Сначала Юденич нанес отвлекающий удар в Пассинской долине, а затем повел основное наступление на ольтинском и эрзерумском направлениях. В прорванный участок фронта оперативно была направлена Сибирская казачья бригада. При этом сам

Николай Николаевич успешно маневрировал резервами, наладив жесткое управление войсками и держа ситуацию под контролем.

В итоге турки бежали. Только 18 января указанная казачья бригада взяла 1500 пленных из 14-ти (!) различных полков. Был достигнут крупный успех, и великий князь Николай Николаевич уже хотел приказать отступить на исходные рубежи, однако Юденич убедил его в необходимости взять казавшуюся непреступной крепость Эрзерум. Он принял всю ответственность на себя. Конечно, это был риск, но риск продуманный.

Как писал подполковник Б.А. Штейфон:

«В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И главным образом духовной обстановки.»

Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, какая присуща только большим полководцам».

11 февраля начался штурм, который был завершён через пять дней. В наших руках оказались 9 знамен, 327 орудий и около 13 тысяч пленных. В ходе дальнейшего преследования противник был отброшен на 70–100 км к западу от крепости. Общие потери русской армии составили 17 тысяч человек, то есть примерно 10% ее численности, у турок они достигали 66%.

Это была одна из крупнейших побед русской армии, которая заставила противника спешно перебрасывать войска с других фронтов, тем самым ослабив давление на англичан в Месопотамии и Ираке (правда, те так и не воспользовались успехами русских в полной мере). Так, против нашего фронта стала разворачиваться новая 2-я турецкая армия.

Под влиянием этой победы между Россией, Великобританией и Францией было подписано соглашение «О целях войны России в Малой Азии», в частности, в нем разграничивались сферы влияния в Турции. Союзники окончательно признали, что проливы и север турецкой Армении отходят России.

За взятие Эрзерумской крепости Юденич был награжден высочайшей наградой — орденом Святого Георгия II степени.

«В воздаяние отличного выполнения, при исключительной обстановке, блестящей боевой операции, завершившейся взятием штурмом Деве-Бойнской позиции и крепости Эрзерума 2 февраля 1916 года».

Думается, к «исключительной обстановке», в которой Юденич готовил и проводил операцию, следует добавить и следующую характеристику личности генерала, которую в своем дневнике воспроизвел служивший при Ставке М.К. Лемке:

«Юденич, к сожалению, — не типичная фигура в нашей армии, а одно из привлекающих к себе широкие

симпатии исключений... С большим чисто военным образованием, он проявил много военно-административных способностей, которые Кавказская армия оценила, как только вступил в дело... Работоспособность этого человека не уступает алексеевской, простота и скромность роднят их еще больше. При

дворе его не особенно долюбливают, зная его совершенно независимый характер и органическое неумение кланяться».

Вместе с тем турецкая армия полностью разбита не была (весенняя распутица не дала в полной мере реализовать зимние успехи), а в ближайшие месяцы все еще ожида-

лись крупные подкрепления. Юденич обеспокоился приданием устойчивости своим войскам. Его внимание привлек черноморский порт Трапезунд, захват которого облегчал бы положение правого фланга и прерывал бы ближайшую связь 3-й армии со столицей.

В апреле Приморский отряд начал методичное наступление, продвигаясь с боями до 5 км в сутки. Одновременно благодаря усилиям Черноморского флота происходила переброска двух пластунских бригад с Восточного фронта. И хотя противник узнал о ней, германские корабли и подводные лодки не смогли помешать. В результате 15 апреля город был взят, а русские войска продолжали укрепляться в этом районе.

Попытку переломить ситуацию турки предприняли в июне 1916 года, когда попытались атаковать русскую армию. Первые их успехи были вовремя ликвидированы, а во второй половине июля Юденич сам перешел в наступление, снова разбив врага и захватив город Эрзинджан. Точно так же в августе мощным фланговым ударом были сведены на «нет» первоначальные успехи 2-й турецкой армии против нашего левого фланга. Турецкие попытки взять реванш привели к очередным отдельным победам войск Юденича.

К началу 1917 года Кавказская армия была бесспорной победительницей. Безусловно, положение наших войск было не идеальным (вви-

ду тяжелых природных условий, болезней и сложностей с пополнением), но они держали фронт, в первую очередь, благодаря своим начальникам, среди которых выделялась фигура генерала Юденича.

Возможно, он одержал бы и ряд других крупных побед, но все изменилось с Февральской революцией 1917 года и последующим разложением армии. Хотя Юденич на некоторое время и стал Главнокомандующим фронтом, он не сумел (впрочем, как и все другие военные) справиться с падением дисциплины. Выступая против либеральных реформ в армии, которые объективно вели к ее краху, он стал в жесткую оппозицию Временному правительству и в середине мая был снят с должности за неподчинение его распоряжениям.

Дальнейшая судьба Юденича сложилась печально. После Октябрьской революции Николай Николаевич перешел на нелегальное положение. Проживая в Петрограде, он пытался создать подпольную военную организацию, но безуспешно.

В начале 1919 года он, тем не менее, стал лидером Белого движения на северо-западе, а в дальнейшем получил признание своих полномочий со стороны А.В. Колчака. Юденич вошел в состав Северо-Западного правительства, которое должно было заключить союз с прибалтийскими государствами, получившими независимость после октябрьского переворота.

Под непосредственным руководством генерала А.П. Родзянко был разработан план летней кампании, ставившей основной целью расширение плацдарма для последующих наступательных операций и выход из зависимости от Эстонии.

Эстонская армия силами трех пехотных дивизий и одной дивизии бронированных поездов также участвовала в летней кампании по двум направлениям — северном, производя десантные операции в Копорском заливе, и южном, в направлении на Псков. Финляндия официально в боевых действиях не участвовала, но на Карельском участке воевал отряд финских добровольцев под командованием штаб-ротмистра Г.Е. Эльвенгрена, финна и русского офицера, до конца посветившего свою жизнь борьбе с большевизмом.

В течение лета 1919 года Эльвенгрена удалось установить контакт с представителем Юденича в Финляндии генералом Гулевичем и главой Северо-Западного правительства Лианозовым. Серьезная финансовая помощь со стороны белых помогла создать свой госпиталь, ввести собственную форму, улучшить довольствие. Батальон был преобразован в полк и к осени 1919 года насчитывал более полутора тысяч человек.

Новое наступление в общем плане операции «Белый меч», начавшееся 21 октября, планировалось уже совместно с Юденичем. В одно время с ним на Петроград должны

были выступить четыре дивизии финской армии. Учитывая малое расстояние от тогдашней границы до города и фактическое отсутствие там регулярных войск, переброшенных против Юденича, можно полагать, что сдача большевиками Петрограда становилась неизбежной.

По договору Юденича с правительством Финляндии финские войска, если бы они первыми вошли в город, должны были выполнять в нем функции военной полиции до политической стабилизации в России, после чего обязывались вернуть Петроград российским властям. В сентябре 1919-го армия Юденича прорвала фронт красных и подошла к Петрограду, но...

Планы совместного выступления «похоронил» Юденич. Начав наступление на несколько дней раньше согласованного срока и добившись первых успехов, он отказался от помощи финнов, когда в Финляндии уже была объявлена мобилизация.

«С получением сего поручаю Вам немедленно сообщить правительству Финляндии, что наступление финской армии на Петроград будущим правительством России будет рассматриваться как акт, враждебный России», — гласила телеграмма Юденича в МИД Финляндии. Президент Столберг немедленно отменил мобилизацию, причем сделал это не без удовольствия.

Окрыленный первыми успехами и близостью Петрограда, генерал Юденич 21 октября провел смотр

войскам. Был торжественно зачитан приказ А.В. Колчака о «Единой и неделимой России», то есть России в ее довоенных границах, что поддерживали далеко не все. Узнав об этом приказе, эстонское правительство поняло, что вопрос о признании независимости, а это условие было одним из главных в союзнических отношениях, в случае взятия Петрограда белой армией, может быть отложен.

Этот приказ толкнул пусть и слабых, но настоящих союзников на

Петроград. 28 сентября сравнительно хорошо подготовленная Северо-Западная армия вместе с эстонскими войсками прорвала оборону Красной армии, 12 октября пал Ямбург, во второй половине октября Северо-Западная армия овладела Лугой, Гатчиной, Красным селом, Царским селом и Павловском.

К середине октября белые вышли на ближайшие подступы к Петрограду (Пулковские высоты). Однако им не удалось перерезать Николаевскую железную дорогу, что по-

Д

альнейшая судьба Юденича сложилась печально. После Октябрьской революции ему пришлось перейти на нелегальное положение. Проживая в Петрограде, он пытался создать подпольную военную организацию, но безуспешно. Тем не менее в начале 1919 года Юденич стал лидером Белого движения и получил признание своих полномочий со стороны А.В. Колчака

северо-западе России (Эстонию, Латвию и Финляндию) в объятия большевиков. Это признавал и сам Ленин:

«Нет никакого сомнения, — писал "вождь мирового пролетариата", — что самой небольшой помощи Финляндии или — немного более — помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда».

В сентябре-октябре 1919 года Юденич организовал второй поход

зволило Троцкому беспрепятственно перебросить подкрепления под Петроград и создать многократное превосходство красных над противником. Финны и англичане не оказали наступавшим эффективной помощи. Усилились трения с эстонцами, которых отпугивали великодержавные устремления Юденича, и которым большевики пообещали значительные политические и территориальные уступки.

Отсутствие резервов и растянутость фронта Северо-Западной армии позволили Красной армии 21 октября остановить наступление белых, а 22 октября прорвать их оборону. К концу ноября войска Юденича были прижаты к границе и перешли на эстонскую территорию.

В конце января 1920 года был издан приказ о ликвидации Северо-Западной армии. На гребне успеха красные готовились предъявить счет новорожденному эстонскому государству за ту поддержку, которую оно оказывало Юденичу и его предшественнику. Прибалтам ничего не оставалось, как продемонстрировать большевикам свое миролюбие. На территории Эстонии Северо-Западная армия была разоружена. Солдаты и гражданские беженцы оказались в лагерях за колючей проволокой. Большинство из них впоследствии отправились на прокладку дорог и лесозаготовки, так как эстонское правительство не могло допустить, «чтобы столь большие массы кормились, не давая в обмен своей работы» (хотя кормились они вовсе не за счет прибалтийского государства, а за счет американской продовольственной миссии).

Один из очевидцев этих событий писал:

«Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и концлагеря, вообще притесняли всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тыс., обращались хуже,

чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерли. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали...»

Вероятно, в благодарность за подобное обращение со своими врагами по Тартускому мирному договору большевики уступили Эстонии около тысячи квадратных километров собственно русских (псковских) земель.

Что касается Юденича, то ему припомнили упорство, проявленное при обсуждении вопроса об эстонской независимости. Генерал был арестован и отпущен лишь по настоянию французов, после чего сразу эмигрировал.

Скончался он в 1933 году в Каннах, во Франции.

Его супругой был сохранен, а затем передан в США, в Гуверовский институт, семейный архив, содержащий немалое число документов по истории Белого движения на северо-западе России. После ее смерти в журнале «Часовой» была опубликована часть «Воспоминаний о супруге», посвященных, главным образом, «кавказскому периоду» его биографии и 1917–1918 годам.

Детей у Юденичей не было, так что современные «потомки генерала» — не более чем однофамильцы, причем в некоторых случаях получившие звучную фамилию после брака.

Но вот что любопытно. Как при советской власти, так и после ее крушения Юденичу не досталось и сотой доли того внимания, которое уделялось и уделяется до сих пор Колчаку и Деникину. Более того, он оказался негоден не только Советам, но и многим своим соратникам

по Белому движению и эмиграции. Да и некоторые нынешние «открыватели тайн истории» не жалуют генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича.

Ответа на вопрос «почему?» пока еще не найдено. □

Лев Котюков

Мгла гонима темной бурей,
И конца не знает мгла.
Но живу... Еще не умер...
И душа не умерла.

Вечер. Ветер. Ожиданье.
Одинокий тусклый свет.
И такое обстоянье —
Время есть, а жизни нет.

И душа ко мне прижалась,
Чтоб успел ее спасти.
Но — и времени, пожалуй,
Нынче нет, как ни крути...

Старость. Нemoщь. Справедливость.
И молчу, любовь тая...
И во мне, как Божья милость, —
Беспощадность бытия!

Я знаю, что, прельстив сердца,
В кулак собрав все скверны
мира,
Царь бездны будет до конца —
Владыкой темного эфира.

Но знаю: нет небытия,
И верю в Истину Завета.

Но жизнь моя, как не моя,
Как пустота без тьмы и света.

Внимаю числам, точно зверь,
Но не число с числом сойдется,
А жизнь исчезнет, словно смерть,
И словно смерть — ко мне
вернется...

Душе Господь всегда поможет
И жизнь, быть может,
не прошла...
Живи, душа, по воле Божьей, —
Во мне, как не во мне, душа.

Живи, душа, в Словах Завета, —
Иного в этом мире нет...

Живи, душа, по воле Света,
Чтоб Свет бессрочно множил
свет.

Ты в мире этом все успела,
Ты жизнь мою познала въявь...
Живи, душа моя!.. А тело?..
А тело мне пока оставь...

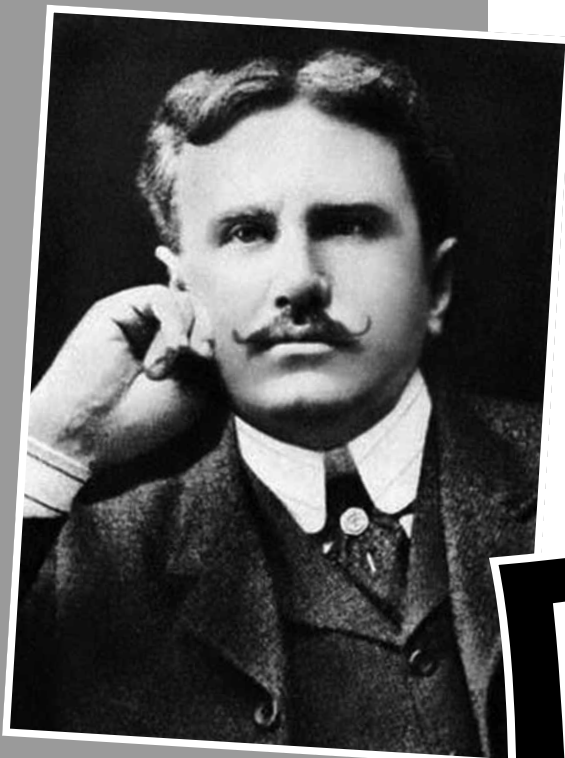
Не знают тьмы глаза твои,
И в тишине с твоим дыханьем,
Дух пламенеющей любви
Овладевает мирозданьем.

И в камнепадной тишине,
Со всею страстью невозможной,
Не я — в тебе, не ты — во мне,
А вместе мы — во длани Божьей...

В ЛЕТЯЩЕЙ ТЬМЕ

Свет неверный, ну — не свет!
И любовь, как не любовь...
И в грядущем смысла нет,
А в прошедшем — страх
и боль.

И лечу во тьму без дна,
Но не вою, будто зверь...
Жизнь одна, любовь одна, —
И душа одна, как смерть.

Почему-то чаще всего, если копнуть биографию артиста-комика или писателя-юмориста, окажется, что человеком он был чрезвычайно печальным и несчастливым. Американский писатель О'Генри тоже не стал исключением в этом ряду «везунчиков». Однако жизнь его — яркий пример того, как можно оставить великое итературное наследие, состоящее, в основном, из комических рассказов, оставшись при этом глубоко несчастным человеком.

Грустный веселый писатель

Начиналось все, в целом, неплохо. Уильям Сидни Портер (таково настоящее имя О'Генри) родился 11 сентября 1862 года в Гринсборо (штат Северная Каролина), в семье аптекаря Элджернона Портера и его жены Мэри Джейн Суэйм. Билли был вторым из трех сыновей Пор-

теров. К сожалению, мать скончалась в довольно молодом возрасте, после третьих родов у нее проявились признаки туберкулеза. Муж сделал для Мэри Джейн все, что мог, однако он был всего лишь аптекарем, а не врачом, так что его усилия оказались тщетны. Элджер-

нон остался без жены, а трое его сыновей — без матери.

Каждый переживал эту утрату по-своему. Старший брат Шелл стал задирой и хулиганом, Билл — нелюдимым букой, самый младший — Дэйв — был еще слишком мал, чтобы проявлять характер, а вот отец погрузился в пучину пьянства, заливая горе по ушедшей супруге огромными порциями алкоголя.

Спасло детей только то, что за их воспитание взялись бабушка по отцовской линии Рут Портер и ее дочь Лина, приходившаяся мальчишкам тетей.

Образ жизни отца вскоре довел до могилы и его. Дети остались круглыми сиротами.

Билли, невзирая на свою нелюдимость, подружился с соседским мальчиком по имени Том Тейт. Том казался ему настоящим богачом — ведь у него в доме имелась огромная библиотека, к тому же у него всегда можно было достать «десятицентовый» журнал, где наряду с комиксами печатали и классику — Майн Рида, Купера, Дюма, Гюго и Диккенса. Любовь к чтению поддерживала в Уильяме и тетя Лина. Обучая своих племянников, она постепенно прививала им вкус к хорошей литературе. И в случае с Биллом эти семена упали на благодатную почву.

Самой Лине осиротевшие племянники тоже помогли обрести почву под ногами: обучая их, она принимала и других детей, и постепенно уроки в гостиной Портеров выли-

лись в школу, где обучалось около сорока детей, а Лина была директрисой и единственным учителем.

После школы Биллу пришлось выучиться на фармацевта, чтобы продолжить семейное дело, однако это ремесло совершенно не интересовало его. Кроме того, он унаследовал от матери склонность к туберкулезу, и пребывание в пыльной аптеке среди порошков и снадобий неблагоприятно отражалось на его здоровье. Когда у него открылся кашель (предвестник туберкулеза), родные предложили ему поехать в Техас, где сухой и жаркий климат наверняка помог бы Биллу справиться с болезнью. Он с радостью согласился. К тому же ему опротивела скучная аптека, и он явно хотел чего-то большего от жизни.

По приезду в Техас Билл Портер поселился на ковбойском ранчо, где выполнял несложные обязанности — пас овец, готовил еду, иногда ездил в порт. Местные жители сразу признали его и полюбили за умение интересно рассказывать всякие истории. От скуки Портер в совершенстве выучил испанский язык, владел, правда, не настолько хорошо, также немецким и французским. Однако дела на ранчо шли все хуже, и вскоре Биллу пришлось его покинуть. Он отправился в столицу Техаса, город Остин.

В Остине с ним произошло то, что и происходит обычно с молодыми людьми — он влюбился в семнадцатилетнюю школьницу Этель

Эстес. Девушка была очень хороша собой — тонкая, очаровательная, с вьющимися каштановыми волосами. Ей не было чуждо творчество — она увлекалась пением, танцами, книгами. Казалось, Этель и Билл были созданы друг для друга. Однако ее родители считали иначе. С одной стороны, им не нравилась бедность жениха, с другой — у них в роду тоже были туберкулезники, и такой союз был весьма неблагоприятным для возможных будущих детей. Но Билл и Этель все равно поженились — тайно. Около года они жили у друзей, пока, наконец, родители Этель не смирились с этим браком и не пригласили молодых жить в их доме.

Уильям к тому моменту уже стал зарабатывать — он устроился в земельное управление штата чертежником, а в свободное время писал юморески.

Этель во всем поддерживала любимого мужа. Но вскоре на семью посыпались несчастья: сначала умер их первенец, затем, после вторых родов (у пары родилась дочь Маргарет Роуз) слегла и Этель.

Билл ухаживал за обеими как мог, однако улучшений почти не было. Вскоре ему пришлось сменить работу, как тогда казалось — на лучшую. Он устроился кассиром в Остинском национальном банке. Это его и сгубило...

Поначалу он стал неплохо зарабатывать, и втроем они смогли переехать в отдельный дом. А еще че-

рез какое-то время Уильям купил право на издание газеты «Айконокласт» и типографское оборудование — он давно мечтал что-нибудь издавать. За короткое время он сумел превратить газету в еженедельник «Роллинг стоун». Он же стал и редактором, и автором этого издания. Но успех, сопутствующий изданию поначалу, постепенно сошел на «нет». Пришедшие с проверкой ревизоры обнаружили вдруг недостачу в банковской кассе, и Портера обвинили в растрате 5000 долларов — огромная сумма по тем временам. Скрываясь от следствия, Уильям сбежал в Новый Орлеан, оставив в Остине больную жену и дочь. Однако он не забыл о них: под чужими именами он находил какую-нибудь работу и посылал деньги семье.

Вскоре Биллу все же пришлось вернуться в Остин, потому что Этель стало значительно хуже. Он успел приехать домой прямо перед самой смертью жены. На похоронах за ним уже следили полицейские, но после прощания с Этель Билл Портер сам сдался в руки правосудия.

Его приговорили к пяти годам заключения. От дочери скрыли, что случилось с отцом.

Несмотря на череду трагедий, в жизни Портера случались и удачи — если можно их так назвать. Так, в тюрьме Огайо он встретился с отъявленным головорезом Элом Дженнингсом и помогал ему, так как работал в тюремной аптеке, то есть находился на особом положе-

*С женой Этель
и дочерью
Маргарет Роуз*

нии, и мог доставать для него лекарства. Дружба с Элом помогла Портеру продержаться в тюрьме три с половиной года — его выпустили досрочно.

Вопрос о том, был ли он на самом деле виновен в растрате, так и остался открытым. Возможно, да, а может быть, он просто прикрывал кого-то из директоров банка... Теперь уже не узнать.

Выйдя на свободу ровно через 4 года после смерти Этель — 25 июля 1901 года — Уильям Портер всю государственную субсидию в размере пяти долларов, полагающуюся

освобожденным, отдал оставшимся заключенным на табак.

Несмотря на печальное прошлое, он был уверен — у него есть будущее. И будущее это зародилось именно в тюрьме Коламбус штата Огайо. Дело в том, что Портер, работая в тюремной аптеке, писал рассказы, основанные на судьбах заключенных, и уже снискал себе славу среди собратьев по неволе, которым читал свои первые литературные опусы. Эл Дженнингс, написавший биографию своего знаменитого друга, вспоминал: «С той минуты, как Портер начал читать своим низ-

ким, бархатным, слегка заикающимся голосом, воцарилась мертвая тишина. Мы абсолютно замерли, затаив дыхание. Наконец грабитель Рейдлер громко вздохнул, и Портер, будто проснувшись от сна, взглянул на нас. Рейдлер улыбнулся и взялся

тереть глаза своей искаленной рукой: "Черти бы вас взяли, Портер, это впервые за мою жизнь! Накажи меня Господь, если я знал, как выглядит слеза!"»

Этот успех окрылил будущего писателя, и он стал посылать свои

произведения в различные журналы. К печати их приняли не сразу, но со временем даже нью-йоркские издания отнеслись к нему благосклонно. По сути, из тюрьмы выходил уже не аптекарь и бывший заключенный Уильям Портер, а писатель О'Генри.

О происхождении псевдонима спорят до сих пор. Одна из самых популярных версий состоит в том, что Портера вдохновило имя французского фармацевта Этьена Анри (фамилия которого по-английски пишется как Henry). Есть, однако, и предположение, что О'Генри — это сокращенное название тюрьмы, где сидел Уильям, — Ohio Penitentiary. В любом случае теперь он жил и работал именно под этим именем.

А работы было много. После публикации в «Журнале Маккьюра» рассказа «Рождественский подарок Дика-Свистуна», написанного еще в тюрьме, О'Генри получил предложение о сотрудничестве с нью-йоркской газетой «World». Контракт был очень жестким — раз в неделю писатель должен был выдавать «на-гора» небольшой рассказ. Плата за каждый была весьма щедрой — 100 долларов, однако заставляла работать буквально на износ. Не стоит забывать также о том, что иногда он соглашался поработать и для других изданий. Таким образом, за 1904 год он опубликовал шестьдесят шесть рассказов, за 1905-й — шестьдесят четыре. В общей же сложности

О'Генри написал порядка трехсот коротких рассказов.

Невзирая на скорость, с которой он подчас вынужден был работать (ведь рядом часто еще топтался художник, ожидая, когда можно будет начать иллюстрировать рассказ), писатель умудрялся создавать настоящие маленькие шедевры — «Дары волхвов», «Вождь краснокожих», «Последний лист».

Среди этого множества небольших произведений есть у О'Генри и один роман — «Короли и капуста», вышедший в 1904 году.

Хотя гонорары его были весьма высоки, денег писателю постоянно не хватало. Образ жизни, который он вел, отнюдь не способствовал ни накоплению средств, ни улучшению здоровья. Рестораны, гулянья на широкую ногу, большое количество алкоголя — все это выпивало из него соки. С другой стороны, он слыл щеголем, много тратил на дорогие костюмы, даже если обедал в одиночестве, то выходил к столу одетым с иголочки.

Однако сам он не выглядел ни счастливым, ни довольным собой и часто повторял: «Я неудачник. Меня постоянно преследует ощущение, что я что-то пропустил и обязательно должен вернуться назад... Мои рассказы? Нет, они меня не удовлетворяют. То, что люди называют меня «выдающимся писателем», вгоняет меня в тоску».

Может, именно эту тоску Уильям и заглушал алкоголем и ночными

гулянками? Иногда он оставлял семнадцатилетнюю дочь и жену (он женился во второй раз на своей первой любви — Саре Коулмен), чтобы уехать на несколько дней в Нью-Йорк, и пребывал там в печальном одиночестве. Он не был по-настоящему счастлив с Сарой, потому что тосковал по Этель. Теплых отношений с дочерью у него по возвращении из тюрьмы тоже не сложилось.

Он пил, пил и пил, хотя это было ему категорически противопоказано: врачи давно поставили ему диагноз «диабет». Даже если бы он решил строго следовать их предписаниям, то все равно не прожил бы

очень долго. Но он словно спорил со смертью, играл с ней. И, разумеется, проиграл, потому что выиграть в этой игре еще никому не удалось.

О’Генри не стало 5 июня 1910 года. Его тело было найдено в номере дешевого нью-йоркского отеля, где он пил и «веселился» без отдыха почти неделю. Ему было всего сорок семь лет.

Он оставил немалое наследие — около трехсот рассказов и новелл и один роман. Все это — истории об обывателях, о людях, на которых больше всего похожи мы сами, которых нам нравится жалеть и ненавидеть, любить и презирать. Он писал о нас. И был одним из нас.

О’Генри

Последний лист

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некому художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот люди искусства набрали на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, гол-

ландских мансард и дешевой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Вольмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, стряхивая ртуть в термометре. — И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопоя теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, мужчины?

— Мужчины? — переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губная гармоника. — Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

— Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — Одиннадцать. — А потом: — Десять, девять, восемь и семь, — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая? — спросила Сью.

— Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

— Первый раз слышу такую глупость! — с великолепным презрением отпарировала Сью. — Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

— Вина тебе покупать больше не надо, — отвечала Джонси, пристально глядя в окно. — Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

— Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы шторы.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

— Мне бы хотелось посидеть с тобой, — сказала Сью. — А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

— Скажи мне, когда кончишь, — закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, — потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

— Постарайся уснуть, — сказала Сью. — Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнувшего можжевельновыми ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, — если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

— Подними ее, я хочу посмотреть, — шепотом скомандовала Джонси. Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща — последний! Все еще темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

— Да бог с тобой! — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке.

— Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с насту-

плением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь непрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору. Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала она. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она снова заговорила:

— Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор, улыбаясь, сообщил Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. — Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист. □

Дарья Булатникова, Варвара Клюева,
Ирина Притога, Наталья Рыжкова,
Сергей Вакуленко

ШВЕДСКИЙ ПАСЬЯНС

— ...Нет, книги не будет... — Я не выдержала и всхлипнула. — Лялька, правильно ты говорила, что договор подозрительный. Они продали право на экранизацию, а книгу не издадут! Я ду-ура...

— Не истери! — рявкнула в трубку подруга. — И немедленно приезжай, будем тебя лечить.

— Ладно, — выдавила я, отключила связь и огляделась.

Ближайший супермаркет призывно сверкал огнями в сотне метров. Рецепт Лялькиного лечения был мне известен отлично, так что руки сами повернули руль в нужном направлении. И гори оно синим огнем, это издательское жулье, которому я доверчиво отдала свой первый роман — даром, со всеми потрохами и навсегда. Теперь он, возможно, и станет фильмом, но без упоминания моей фамилии в титрах. Вот такая я идиотка.

Ну, ничего, за одного битого писателя двух небитых дают. Хотя назвать меня писателем можно с большой натяжкой...

Спустя полчаса я уже почти придумала сюжет, в котором издатель Лапещкий погибал страшной и мучительной смертью, и настолько ободрилась, что вполне вернулась в реальность. Мой «фордик» ехал по застроенному огромными домами району, где подруга недавно сняла квартиру. Тут я была у нее только однажды и дорогу помнила чисто визуально. Вот две башни, между ними проезд и длинная хибара, больше всего напоминающая Великую китайскую стену. Седьмой подъезд.

Припарковавшись, я прихватила с пассажирского сиденья пакет, в котором в компании двух лимонов и шоколадки булькали емкости с текилой для меня и бренди для Ляльки, и, поскальзываясь на заледеневших лужах, добрела до домофона. Триста двадцать пятая квартира отозвалась сразу — бархатным мужским голосом.

— Кто?

— М-марго, — пискнула я. Интересно, что за мужик торчит у Ляльки? Новый ухажер?

— Вы насчет книги?

— Да, именно.

И какого черта подруга направо и налево рассказывает о моем фиаско с издательством? Кто ее просил? Замок на двери щелкнул. Лялькина квартира была на десятом этаже.

Выйдя из лифта, я подняла руку, собираясь позвонить, но заметила, что дверь не заперта. Распахнув ее, я сразу удивилась тому, как Лялькина прихожая успела преобразиться — вместо желтых виниловых обоев и комода с зеркалом из «Икеи» какие-то деревянные панели и лосиные рога с висящим на них огромным биноклем. Больше я ничего рассмотреть не успела, потому что тут же погас свет. В наступившей темноте позади раздался шорох, и чья-то широкая ладонь зажала мне рот.

— Зря вы сами пришли, Маргарита, — прошептал кто-то мне в ухо, мазнув по виску растительностью. Я стояла, обмерев и хлопая глазами. Шептавший явно был мужчиной — крупным, бородатым и пропахшим табаком. — Но раз уж не выдержали, так тому и быть. Сейчас я выйду, а вы досчитаете до десяти и только тогда включите свет. Поняли? — Я торопливо закивала головой. — Книга, вернее, то, что от нее осталось, лежит на столе в гостиной. Забирайте. На этом наши отношения считаю исчерпанными. Согласны?

Я снова принялась кивать. Никаких отношений с этим типом я продолжать не собиралась. Мне хотелось только одного — чтобы он испарился, а я бы нашла Ляльку и закатила ей скандал по поводу шоковой терапии. Я собиралась всего лишь напиться, а не умереть от разрыва сердца!

Ладонь с моего рта исчезла, позади открылась и закрылась дверь, а я старательно шептала:

— Раз, два... девять, десять.

Досчитав, еще некоторое время шарила по стене в поисках выключателя, а когда вспыхнул свет, зажмурилась, потом вновь открыла глаза, позвала: «Ляль!» — и обернулась. Никого. Твердя, как заведенная, имя подруги, я осторожно двинулась вперед, хотя надо было разворачиваться и бежать отсюда как можно быстрее. Потому что это была не Лялькина квартира. Я опять во что-то влипла, но не понимала, как и во что. Жуткий

тип словно запрограммировал меня — вместо того чтобы «уносить ноги», я вошла в гостиную, включила свет, подошла к накрытому вязаной скатертью столу и взяла в руки лежавший на нем большой фолиант в потертом кожаном переплете. Для этого мне пришлось поставить пакет с бутылками, лимонами и шоколадкой на один из четырех венских стульев.

Буквы, вытисненные на переплете, мне ровным счетом ничего не говорили. Не кириллица, скорее латиница. Но не английский язык. Может, французский? Я уже хотела открыть книгу, но неприятное чувство, будто кто-то взглядом сверлит спину, заставило меня обернуться. Комната была заставлена старой, явно еще довоенной, если не дореволюционной, мебелью, а дверь в спальню закрывали выцветшие плюшевые шторы болотисто-зеленого цвета. Вот в щель между этими шторами меня кто-то и разглядывал. Упорно и явно недоброжелательно.

— Извините, — прокашляла я срывающимся голосом. — Я тут случайно оказалась. Я сейчас уйду. Простите.

Ответом мне была тишина. Нехорошая, неприятная и требующая разъяснения тишина. Прижав зачем-то книгу одной рукой к груди, я на деревянных ногах подошла к плюшевым шторам и заглянула за них. Там горел тусклый ночник под потертым шелковым абажуром...

Он лежал на высокой двуспальной кровати, укрытый до пояса клетчатым пледом. Худой старик с заострившимися чертами лица и выпирающим кадыком, одетый в голубую фуфайку с начесом. Широко открытые глаза смотрели прямо на меня, а в груди старика торчала черная рукоятка ножа. И было хорошо видно, как кровь медленно пропитывает и голубую фуфайку, и простыню. Медленно пятясь к двери, я смотрела на это увеличивающееся в размерах красное пятно...

Не помню, как я выскочила из квартиры, спустилась вниз, выбежала во двор и открыла машину. Следующий кадр — я сижу за рулем и колочу по нему книгой в кожаном переплете. А потом зазвонил мобильник.

Я швырнула книгу на пассажирское сиденье, где уже лежал пакет с дарами супермаркета — оказывается, я их все-таки забрала из страшной квартиры, — и схватила трубку, уверенная, что звонит Лялька. Она же ждет меня... Но голос, который я услышала, заставил меня оцепенеть, словно щеки опять коснулась жесткая борода, а темнота дохнула запахом табака.

— Вы взяли то, что вам не принадлежит, — укоризненно прошелестел голос. — Хотя это я виноват, принял вас за другую.

— Я не могу туда вернуться, — пискнула я и осторожно скосила глаза на книгу. — Мне страшно.

— И не надо. Все равно нужных страниц в ней нет. Их вырвали до меня.

— Ага, ага, — понимающе закивала я, хотя ничегошеньки не понимала. — И что мне теперь делать? А знаете что? Я могу оставить вашу книгу на стоянке. Просто положить на асфальт. В пакете, чтобы не испачкалась...

— Не надо, — оборвал меня голос. — Пусть пока останется у вас.

— А... тот старик? — В моем горле что-то отчетливо булькнуло.

— Какой старик? — искренне изумился мой собеседник.

— Ну, тот, на кровати... мертвый.

— Понятия не имею, о чем вы, — раздраженно буркнула трубка, и связь оборвалась.

Я осторожно тронула машину с места и медленно покатила вдоль проезда, потом развернулась и помчалась домой. Больше всего на свете мне хотелось оказаться в безопасных родных стенах. По дороге я несколько раз останавливалась и пыталась позвонить по номеру, оставшемуся в памяти мобильного, но каждый раз слышала, что абонент недоступен.

На знакомой стоянке у дома я внимательно огляделась. Вроде бы, все спокойно. Затолкала книгу в пакет с бутылками, заперла машину и крадучись, словно Чингачгук на тропе войны, метнулась к подъезду.

Только угнездившись на диване в коконе из пледа и сделав приличный глоток текилы прямо из горлышка, я пришла в себя. Вернее, мне показалось, что пришла. Я отхлебнула еще и принялась уверять себя, что мертвец на кровати мне просто померещился. Но память с ненужной услужливостью снова и снова прокручивала увиденное. Нет, померещиться такое просто не может — седая щетина на впалой щеке, красная влага на застиранной голубой фланели... Я видела это! Но тогда почему бородатый по телефону заявил, что понятия ни о чем, кроме книги, не имеет? Может быть, он не знал о мертвце? Да неужели? Наверняка знал. И раз никого, кроме нас двоих, там не было, а я точно никого не убивала, выходит, убийца — бородатый. И он специально позвонил мне, чтобы я сконцентрировалась на чертовой книге! Кстати, что это за книга? Может, отгадка в ней? Надо хотя бы рассмотреть ее получше.

Я выбралась из пледа и извлекла из пакета свой трофей. Тяжелая какая... Кожа переплета была очень старой, кое-где потрескавшейся, медные уголки и застежка в виде замысловатого плетеного креста, корешок тоже укреплен медными, позеленевшими от времени накладками. Название, вдавленное в кожу, кое-где потерто, но вполне читаемо. Если бы только я могла его прочитать. Это не латиница и даже не старофранцузский, как показалось на первый взгляд, это какие-то совсем неизвестные мне буквы. А внутри?

Я щелкнула застежкой, и книга с готовностью раскрылась там, где несколько страниц были кем-то варварски выдраны под корень. Нумерации

не было, если не считать какие-то крючки вверху страниц. Вглядевшись в пожелтевшую, но сохранившую прочность бумагу, я потеряла дар речи. Книга была написана от руки! Каллиграфическим почерком — буква к буквке с идеальной точностью, но — от руки. Убористо, без буквиц и рисунков — только черный, слегка порыжевший от времени текст. Каким же терпением и скрупулезностью надо обладать, чтобы исписать столько страниц! Может быть, это старинный научный трактат или исторические хроники? Любопытство искало хоть какой-то выход.

Я выудила из комода фотоаппарат и наспех щелкнула переплет. Затем включила «ноут» и задала поиск по картинке. Получила несколько изображений, даже близко не похожих на исходное — пара томов Диккенса на английском, учебный атлас по анатомии и рисунок сепией, изображавший схватку медведя и бородатого мужика. Ну и ладно! Почесав в затылке, я выложила снимок на свою страницу в Фейсбуке с вопросом — кто знает, что это за книга? Надежды, конечно, мало, но вдруг. Коллективный разум великая вещь...

С этой мыслью я мирно уснула и проспала до утра без всяких сновидений. А проснувшись утром, обнаружила, что мой призыв не остался без ответа. В личных сообщениях маячило чье-то послание. Посмотрим...

«Здравствуйте, Маргарита!

Я могу помочь Вам с переводом названия книги. Если Вы в свою очередь любезно сообщите мне, где вы ее сфотографировали. Меня очень интересует этот вопрос.

С уважением

Свен Хольберг, Стокгольм».

Едва я успела прочитать сообщение — но не до конца осмыслить момент, как мне объяснить неизвестному шведу, откуда у меня интересующая его книга, — как справа внизу призывно замигало окошко чата. Свен Хольберг жаждал продолжить общение.

«Доброе утро, Маргарита!»

«Доброе!» — отозвалась я и машинально взглянула на часы, чтобы удостовериться, что сейчас действительно утро. Да, можно считать, что одиннадцать часов — еще оно. Какое счастье, что у меня отпуск и на работу ехать не надо...

«Для начала я хотел бы представиться. Я журналист, работаю на шведском телевидении».

«Откуда вы так хорошо знаете русский язык?»

«Я три года проработал в Москве пресс-секретарем нашего торгового представительства, — написал герр — или как там его по-шведски — Хольберг. — Я очень давно ищу эту книгу. Откуда она у вас?»

«Она не у меня. Я ее увидела случайно и заинтересовалась. Я любопытна».

«Похвально. Тогда удовлетворю ваше любопытство. Книга называется «Происхождение и родословная семейства Хольберг фон Бергер, написанная Биргит Бьерклунд Хольберг». Биргит Бьерклунд — это моя очень давняя прабабка. Именно поэтому я и искал книгу. История семьи».

«Очень интересно», — вежливо ответила я, а сама пыталась сообразить, врет ли мне швед. А если врет, то зачем? Какая-то история шведской семьи явно не повод устраивать вокруг нее криминальные пляски и уж точно — убивать кого-то. Хотя... Может, сама по себе книга дорогая? Как раритет?

«Книга очень старая, — словно читая мои мысли, продолжал Хольберг. — В ней использована письменность, которая в Швеции уже практически забыта. Я хотел перевести ее и издать. Но я так понимаю, что вам неудобно говорить, где вы видели книгу? Тогда, если вы не возражаете, мы продолжим этот разговор лично».

«В смысле?» — вяло удивилась я.

«Я сегодня же, в крайнем случае, завтра постараюсь вылететь в Москву. Может быть, Вы дадите мне номер своего телефона?»

Обычно я телефоны направо и налево не раздаю, но тут почему-то четко ощущала — не отвяжется. Да и швед все-таки, не наши придурки... В общем, номер я ему отстучала. Мне хотелось одного, вернее трех — большую чашку крепкого кофе с омлетом, таблетку аспирина и пораскинуть остатками мозгов. Эти три желания напрочь затмили предосторожность и осмотрительность. Швед же, заполучив желаемое, рассыпался в благодарностях и немедленно испарился из сети — наверное, помчался в аэропорт...

После плотного завтрака ко мне вернулось привычное хладнокровие. Господи, что на тебя вчера нашло, Маргоша? Зачем текила, зачем Интернет? У тебя на письменном столе лежит важнейшая улика в деле об убийстве, а ты раструбила о ней на весь мир! Теперь еще какой-то наглый швед докапывается, будто мало тебе мертвых стариков и грубых бородачей.

— Дура ты, Марго, форменная дура, — пробормотала я себе под нос.

Обстановка требовала немедленного анализа: нужно срочно понять, как выбраться из этой криминальной трясины, в которую меня засосало по самую шею. А для этого нужна трезвая голова. Для начала отправлюсь на разведку и заодно проветрюсь.

Быстренько наведя марафет, я выскочила на улицу и зашагала к своему «фордику». Злосчастную книгу на всякий случай взяла с собой — нельзя оставлять такую «улику» у себя дома, пусть полежит в «бардачке», чтобы глаза не мозолила.

Приехав снова в район новостроек и миновав проезд между двумя башнями, я остановила машину перед вчерашней «хибарой» и покачала головой: это ж какая я вчера была зашоренная, что спутала этот барак с домом Ляльки? До ее двора еще километр как минимум. А потом взглянула на автомобильную дорожку перед домом. Как странно... ночью шел снег, а следов шин нет. Значит, «скорая» сюда не приезжала. И полиция тоже. Теперь понятно, почему я еще не сижу в комнате для допросов и не даю показания настольной лампе, направленной в лицо.

Труп пока не нашли. Об убийстве знаем только я да бородач. И еще безымянный киллер, всадивший нож в грудь беззащитного старика...

Марго, ты должна сама позвонить ментам. В самом-то деле, нельзя позволить, чтобы тот мертвый старичок так и лежал в пустой квартире — это не по-человечески.

Но как быть с отпечатками? Вчера я там порядком наследила... А вкупе с прихваченной книгой стану главной подозреваемой. Нужно подняться наверх и все за собой подчистить.

Минут пять я боролась с этой дерзкой идеей, выдвигая мыслимые и немыслимые доводы, лишь бы не возвращаться в зловещую квартиру. Но все отговорки разбивались об одну простую мысль: в тюрьму я не хочу. Поэтому нужно собрать волю в кулак и...

Попасть в подъезд оказалось проще простого — я дождалась, пока кто-то вышел, придержала дверь и проскользнула внутрь. Капюшон натянула пониже на глаза, чтобы, не дай бог, никто не опознал.

Дверь с номером «325» так и оставалась не запертой: конструкция замка не позволяла ее захлопнуть, нужен был ключ. Мне это только на руку.

Я тихонько проникла на место преступления и оглядела фронт работ.

— Ты сумасшедшая, Марго. Ты точно сумасшедшая, — прошептала самой себе и, засучив рукава, принялась уничтожать улики.

Управилась минут за десять: стараясь не смотреть в сторону плюшевых штор, намочила носовой платок водой из графина, прошлась им по спинке стула, выключателям, протерла дверные косяки, замыла следы своих сапожек на паркете. Вроде все, больше я ни к чему не притрагивалась. Платок я унесла с собой. Дверь снова прикрыла.

В полицию позвонила с таксофона в ближайшем супермаркете, предварительно убедившись, что кабинки расположены в «мертвой зоне» камер видеонаблюдения. Подстраховалась... Теперь можно и расслабиться.

Я присела за столик в местной кафешке и заказала чашечку сладкого кофе. Кофеин и сахар меня всегда встряхивают, заставляя мыслить логично. А логика сейчас ох как не помешает: ситуация у меня интересная, и нужно раскидать этот сумбур по полкам.

Начнем с начала. Итак, некая женщина нанимает взломщика-бородача, чтобы тот вырвал несколько страниц из древней книжки.

С чего я взяла, что это была женщина? А с того, что таинственный взломщик назвал по домофону имя — Маргарита. И вообще, явно ждал именно женщину. Как он сказал? «...Принял вас за другую...»

В общем, по наводке этой загадочной дамочки Бородач вламывается в квартиру хозяина фолианта, а хозяин — вот сюрприз! — оказывается дома. Допустим, захваченный врасплох взломщик его убивает. А затем выясняет, что страницы из книги уже кто-то выдрал...

Озадаченный Бородач сообщает своей клиентке о ситуации. И тут на горизонте рисуется простофиля Маргоша, которая, пребывая в расстроенных чувствах, перепутала два дома...

Я отхлебнула горячего кофе и кивнула своим мыслям.

Ну да, все верно — взломщик явно принял меня за свою клиентку, но потом понял, что ошибся. Наверное, у парня закрались сомнения, когда он вышел из подъезда и увидел мой скромный «фордик». Пробил номер автомобиля по базе данных, собрал обо мне сведения и сообразил, что я не могу быть его нанимательницей — не тот калибр, как сказать.

Эта версия объясняет, откуда у него номер моего мобильного.

Короче, мой таинственный Бородач — мелкая сошка, обычный наемник, по несчастливому стечению обстоятельств ставший убийцей. И он вышел из игры, как только запахло жареным. Слился... Но как бы выяснить личность его таинственной клиентки?

А что, если убил не он, и есть еще третья сила, самая темная, на чьей совести кровь беспомощного старика?..

Кстати, о старике: можно зайти в «инет», проверить адрес квартиры и узнать, кто в ней прописан. Если уже и бородатые взломщики вовсю пользуются прогрессивными методами сбора информации... ты-то чем хуже, Маргоша?

Я достала смартфон и полезла в сеть. Базу данных по жителям города долго искать не пришлось, на пиратских сайтах этого добра навалом. Вбив в окошко поиска нужный адрес, я получила искомое имя:

Ларс Перссон, тысяча девятьсот сорок второго года рождения.

Господи, еще один швед! Будто мало мне того журналиста, Хольберга...

Ладно, теперь у меня есть имя. Лезем в Гугл.

Поисковая система не думала ни секунды и тут же выдала мне тысячи страниц по запросу «Ларс Перссон». Имя и фамилия, к сожалению, довольно распространенные, поэтому пришлось вводить уточняющие параметры. Но даже при всех этих ухищрениях накопала я не много — имя Перссона часто упоминалось в статьях о культуре, но как-то мельком. По-

сещал такую-то выставку. Передал музею такой-то экспонат. Дал комментарий по такому-то поводу... Зато немногочисленные фотографии подтверждали: Ларс Перссон и есть зарезанный ножом старик.

«Почему бы не проверить легенду второго шведа, раз я все равно в сети?»

Я допила кофе и сформировала новый поиск.

Быстро выяснилось, что Свен Хольберг мне не врал — человек с таким именем действительно работал на шведском телевидении.

Примечательная личность, этот Свен! Бывший десантник, офицер, полиглот, а вдобавок — аристократ в энном колене. Но вместо того чтобы смаковать коньяк на светских раутах, этот титулованный скандинав подвизался на ниве международной журналистики и добился завидных успехов.

С экрана на меня смотрел натуральный викинг: светловолосый, с голубыми глазами и простоватой, но цепляющей улыбкой.

Что там скрывать: Свен Хольберг оказался настоящим красавчиком. И он прилетает, чтобы поговорить со мной о книге. А правду мне говорить никак нельзя... к журналистам у меня доверия нет. К тому же, среди них вполне могут оказаться самые настоящие шпионы.

Я занервничала.

Хотя, с другой стороны, швед может пролить немного света на обстоятельства этой необычной истории. Может, узнаю, что такого важного было на вырванных страницах. Это должно быть нечто экстраординарное, ведь в глазах убийцы эти страницы перевесили цену человеческой жизни...

Я допила кофе и поехала домой. Пока вырубивала со стоянки, мимо промчалась «скорая», держа путь в квартал новостроек. Значит, менты уже обнаружили труп, и пора мне отсюда линять.

Едем домой, обедать и отсыпаться.

Увы, этим простым планам не суждено было сбыться — у дверей собственной квартиры меня ждал неприятный сюрприз.

— Маргарита Полыхаева? — услышала я из-за спины, когда ковырялась ключом в замке.

На лестничной площадке вырос хмурый молодой парень, длинный и крепкий.

— Кто вы? — Я вжалась в дверь, призывая на помощь все свое хладнокровие, чтобы не завизжать.

— Лейтенант Рейсов, убойный отдел. — Опер сунул мне под нос развернутую корочку. — Мне нужно с вами поговорить.

Я закусила губу.

«Они знают, что ты была в той квартире! Признайся во всем, Марго! Сама знаешь: чистосердечное признание смягчает наказание».

— Скажите, Маргарита, вам знаком человек по имени Виктор Орешников?

— Нет... — растерялась я. — А что?

— Взгляните на фото.

Лейтенант достал из внутреннего кармана куртки фотографию и протянул мне. Едва взгляд мой упал на снимок, я почувствовала себя так, словно внутри тела остановился кровоток. Бородач!

Фотография задрожала в моих пальцах. Таинственный взломщик, зажимавший мне рот в квартире Ларса Перссона, был мертв. Его неживые глаза смотрели куда-то в сторону, рот приоткрыт, словно бы удивленно. Блик от вспышки выбелил щеку мертвеца и высветил слипшийся от крови фрагмент бороды.

Мой ступор не остался незамеченным. Лейтенант Рейсов, чеканя слог, проговорил:

— Господин Орешников найден вчера вечером с перерезанным горлом. В руке он сжимал мобильник, и ваш номер значился последним в списке исходящих звонков. Как вы это объясните, Маргарита?

Сердце, ухнувшее было куда-то в недра потрясенного организма, с той же стремительностью подскочило к горлу и затрепыхалось там перепуганным птенцом. Я облизнула пересохшие губы и выдавила через силу:

— Это долгая история, лейтенант...

— Ничего, я потерплю, — заверил меня мучитель подозрительно серьезным тоном.

— Понимаете, я написала роман. Детектив. И одна моя знакомая... Она копирайтер, пишет всякие рекламные тексты... Ее зовут Римма... Так вот, она предложила показать мой роман одному из своих работодателей... Главному редактору одного издательства... Его фамилия Лапещкий... То есть фамилия редактора — Лапещкий, а издательство называется «Звездное»...

Съездившись под его цепким взглядом, я лепетала всю эту чушь, скрывая за бездумной болтовней напряженные умственные усилия по созданию правдоподобного объяснения звонку.

— А потом я заблудилась. Обнаружила, что еду по совершенно незнакомому району. Кругом — ряды многоэтажек, и ни одного узнаваемого ориентира. Я остановила машину, надеясь, что кто-нибудь из прохожих подскажет мне, куда я заехала, но, как назло, улица была совершенно пуста. Тогда я вышла из машины и пошла к ближайшему дому — посмотреть, нет ли на углу таблички с адресом. Там росли деревья и, проходя мимо одного, я уголком глаза заметила фигуру, отлепившуюся от ствола. Но не успела отреагировать. В ту же секунду какой-то бородатый мужик

одной рукой обхватил меня и прижал к себе, а другой зажал мне рот ладонью. От страха я почти потеряла сознание. Он сказал: «Тихо!», а потом спросил что-то про книгу...

— Что именно? — подобрался полицейский. — Постарайтесь припомнить его слова поточнее.

— Не могу, лейтенант! Говорю же, я была очень напугана и ничего не соображала. Что-то вроде: «Это вы хотели книгу?» Но точных его слов не помню.

— Так, и что было дальше?

— Дальше я кивнула. Не спрашивайте меня почему. Может быть, от ужаса, а может, потому что думала про свою несостоявшуюся книгу и не успела переключиться. В общем, кивнула. Тогда он сказал: «Книги нет. Меня кто-то опередил. Думаю, на этом наши отношения заканчиваются. Согласны?» Я снова кивнула. Тогда он велел мне стоять на месте, пока не досчитаю до десяти. А потом отпустил меня и исчез. Не знаю куда. Я боялась оглянуться, боялась пошевелиться.

— И долго вы так стояли?

— Понятия не имею, лейтенант, — произнесла я со всей возможной искренностью в голосе. — Боюсь, остаток этого вечера сохранился у меня в памяти лишь обрывками. Первое, что я помню после этого странного нападения: я сижу в своей машине, вцепившись в руль, и тупо смотрю на заливающийся трелями мобильник. Пока соображала, где я, пока пыталась разжать руки, звонок умолк. А через минуту повторился. На этот раз я сумела ответить на вызов. Звонивший назвал меня по имени, сказал, что принял меня за другую, извинился и был таков. Мне показалось, что я узнаю голос бородача. Это все. Больше я никогда не слышала и не видела его — до тех пор, пока вы не показали мне фото.

Выражение лица моего «инквизитора» неуловимо изменилось. И эта перемена мне не понравилась. Пока я раздумывала, в чем дело, лейтенант спросил:

— Там было светло?

— Где? — опешила я.

— У дома, где на вас набросился этот человек, — терпеливо объяснил Рейсов. — Горели фонари? Может быть, падал свет из окон?

— Нет, ничего подобного. Было темно.

— Когда бородач схватил вас и зажал рот рукой, вы стояли к нему лицом?

— Нет, — ответила я, все еще не понимая, к чему он клонит.

— Тогда как же вы сумели разглядеть его настолько хорошо, что сумели опознать фото?

Я захлопала глазами. А действительно — как? С бородатым я общалась дважды. Один раз — в темной квартире, когда он стоял у меня за спиной и зажимал рот. Второй раз — по телефону. Его лица я ни разу не видела. Откуда же у меня возникла эта железная уверенность, что труп на снимке — мой бородач?

— Знаете, по-моему, после того случая у меня что-то не в порядке с головой, — проблеяла я дрожащим голосом. — Мне еще тогда... когда он позвонил, показалось, что я чувствую его запах... Запах табака и перегара. По телефону, понимаете?! Может быть, я сумасшедшая?

Моя растерянность несколько смягчила подозрительность лейтенанта.

— Ну-ну, — сказал он тоном доброго доктора Айболита. — Сразу уж и сумасшедшая! Я слышал, бывают случаи, когда у людей в минуту опасности обостряются необычные способности. Голова, как известно, предмет темный... Расскажите, что было дальше. После того как поговорили по телефону, вы поехали домой или к подруге?

— Домой. Честно говоря, у меня совсем вылетело из головы, что Лялька меня ждет...

— И она вам не перезвонила?

— Не помню. Должно быть, перезвонила... Или я все-таки позвонила ей сама? Так или иначе, мы должны были связаться. Но в памяти у меня ничего такого не сохранилось.

Рейсов подался вперед и вкрадчиво предложил:

— А почему бы вам не позвонить ей сейчас и не уточнить?

Я пожала плечами, взяла мобильник и набрала Лялкин номер.

— Ну что, Маргоша, оклемалась немного? — тут же раздалось жизне-радостное контралято моей лучшей подруги.

— Э-э...

— Слушай, я на вызове, и мы уже подъезжаем. Говори быстро, чего хотела, или я перезвоню через полчаса.

— Лялька, ты только не пугайся, у меня к тебе странный вопрос. Мы созванивались вчера вечером — после того, как договорились, что я к тебе приеду?

— Ну, ты даешь! — весело восхитилась она. — Говорила я тебе, что самолечение до добра не доводит? А передозировка так вообще приводит к летальному исходу. Все, Марго, мы приехали, извини...

— Лялька! — завопила я. — Ответь мне, это очень важно!

— Важнее, чем гипертонический криз какого-то старого хрыча? — хмыкнула она, хлопая дверью то ли машины, то ли подъезда. — Звонила ты мне, звонила! Сказала, что заблудилась и едешь домой, потому что нет сил добираться куда-либо еще. Все, арривидерчи! Я позвоню.

Нажав на кнопку, я оборвала короткие гудки и посмотрела на Рейсова:

— Ну? Выяснили, что хотели?

— Не вполне, — усмехнулся лейтенант. — Вернее было бы сказать, что я не выяснил почти ничего из того, что мне хотелось бы выяснить. Правильно ли я понял, что вы не можете назвать ни места, где на вас вчера налетел таинственный незнакомец, ни свидетелей вашей встречи, ни времени, когда добрались домой, ни способа, каким он выяснил ваше имя и номер вашего телефона?

— Почему же? — встрепелась я. — Осведомленности бородатого я как раз могу дать объяснение. Как вы понимаете, меня она тоже поразила, поэтому я долго размышляла...

— И? — Взгляд лейтенанта выразил хищную заинтересованность. — До чего же додумались?

— Я решила, что он видел мою машину. Может быть, стоял где-нибудь неподалеку и наблюдал... хотел убедиться, что я уехала. А я была в шоке и все не уезжала... Короче, он выяснил по номеру машины мое имя и номер мобильного. Сейчас по Интернету можно любые сведения отыскать, а у него наверняка смартфон... Понял, что я не та, за кого он меня принял, и позвонил.

— Зачем? Успокоить нервы невинно потревоженной барышне? — Рейсов скептически поднял бровь. — Поверите ли, но Виктора Орешникова никто еще не уличал в излишней совестливости и мягкосердечии...

— Может быть, я ему мешала тем, что стояла там как приклеенная. Может, у него там была назначена еще одна встреча, и я могла оказаться ненужным свидетелем. Откуда мне знать, что было у него на уме? — Неожиданно для себя, я страшно разозлилась: — Я не обязана знать ответы на ваши дурацкие вопросы! Даже если вы подозреваете, что я перерезала этому Орешникову горло. У нас, в конце концов, действует презумпция невиновности! Докажите сначала хотя бы, что я его знала! Или вы думаете, у меня есть привычка резать незнакомых людей? Милое такое хобби! Ах, ну да, я же сумасшедшая!!!

Я все возвышала голос — до тех пор, пока Рейсов не схватил меня за плечи и не встряхнул самым бесцеремонным образом:

— Тихо, тихо, успокойтесь! Я сейчас уйду. Если вспомните что-нибудь про вчерашний вечер или про вашего бородача, не сочтите за труд мне позвонить. Вот моя визитка.

И он действительно ушел. А я бессильно опустилась на диван и вцепилась в свою буйную рыжую шевелюру. Мои проблемы множились, как тараканы. Эту атаку я, кажется, отбила, но ведь это только начало! Одной мне со всем этим — полицией, мертвыми и живыми шведами, их книга-

ми, мертвыми квартирными ворами и собственным враньем — не разобратся.

А почему, собственно, одной? А Лялька? Я могу поехать к ней. Она, конечно, после дежурства и будет ругаться как извозчик, но выгнать меня не выгонит и обязательно что-нибудь придумает.

Тут мои размышления были прерваны предметом этих самых размышлений. Верная своему обещанию, Лялька мне перезвонила.

— Ну, что у тебя еще стряслось? — спросила она, сразу беря быка за рога. — До вечера терпит, или совсем приперло?

— Терпит, — сказала я и буквально физически ощутила, как с моей многострадальной шеи сняли груз пуда в два.

— Тогда жду тебя к девяти. Только на этот раз уж постарайся не сбиться с пути истинного!

— Аа-ба-а-ал-деть! — выдохнула подруга, когда я закончила рассказ о свалившихся на мою рыжую голову злоключениях. — Ну, Марго! Ну, даешь! Год только начался, а ты уже по колени в трупах! Заметь, в мужских трупах!

Я понуро кивнула, не разделяя лялькиного восторга. Такая уж у меня планида: только размечаешься об одном конкретном трупе одного конкретного издателя, как, пожалуйста, получите целых два! Да еще абсолютно незнакомых! Хотя... назвать бородатого совершенно незнакомым я все-таки не могла — свидеться-то пришлось. Но сочувствия его смерть не вызвала. Ни капли. В отличие от несчастного старика-шведа. Я вспомнила, как он лежал на своей постели — худой, изможденный, с расплывшимся по груди кровавым пятном...

— Тпппру! — остановила поток моих воспоминаний Лялька. — Придержи коней! Прямо так и расплзлось на твоих глазах?

Я кивнула. Рукоять ножа и стремительно увеличивавшаяся вокруг алая клякса крепко засели у меня в памяти.

— Фигня! — уверенно постановила подруга, доставая из коробки кусок успевшей основательно подостыть пиццы, нашего скромного ужина. — У тебя по сюжету шведа «замочили» еще до твоего прихода. А может, и до прихода бородатого. Нелогично как-то получается. Вот ты увидела труп в квартире и что сделала? Сбежала! А твой бородач что делает? По квартире шарит да гостей встречает. Ну, откуда ему было знать, кто в домофон звонит? Может, милиция — тьфу ты! — полиция нагринула. Так нет же, вместо того чтобы «ноги делать», он книжки листает! Он же за книжкой пришел, — подвела она итог. — Схватил бы, да бежать подальше от

«мокрухи». А где-нибудь в метро на лавочке уже спокойно странички бы посчитал. А так получается, что он старичка проткнул, перед девушкой пофасонил и только потом слинял.

Вот тут-то до меня окончательно дошло.

— Ты мне не веришь?!

— Что значит, «не верю»? — удивилась Лялька. — Сюжет заковыристый, не хуже твоего первого, только кровь у трупов обычно не льется. Лучше напиши, что пятно уже расплзлось и застыло.

— Ляль, это не моя новая книга, честное слово!

— Конечно, конечно, — кивнула Лялька, продолжая поглощать пиццу. — Все это — чистая правда, и ничего кроме правды.

— Именно! Мне даже следователь поверил!

— Это тот молоденький, которому ты наврала с три короба? — ехидно уточнила она.

— Не могла же я ему все как есть рассказать!

— Еще бы! Эх ты, детективщица!

Кажется, так обидно мне не было еще никогда в жизни. Если уж Лялька мне не поверила, что говорить об остальных? Перед глазами отчетливо замаячили окна с решетками... Лишь через несколько минут я поняла, что смотрю сквозь слезы на рисунок лялькиного ковра и рыдаю не хуже профессиональной плакальщицы. Почему я? Почему именно я, а? Жила себе тихо-мирно: работала в банке, писала книгу, а потом — бац! — и жизнь полетела кувырком. Издатель — ворюга, случайные знакомые мрут как мухи, а подруга — Фома неверующий... Но я ей докажу! Я ей обязательно докажу! Может, книгу из машины принести? Нет, книга сама по себе ничего не доказывает... Лейтенанту позвонить? Нет, решит, что я еще более круглая идиотка, чем ему раньше показалось...

А может?.. Озарение пришло внезапно. Слезы моментально высохли.

— Лялька! Звони Киржачу!

— Володьке? — удивилась подруга. — Зачем?

— Он же у нас спец по трупам!

— Судмедэксперт.

— Один фиг! Главное, что он работает в этом округе, и к ним всех «жмуриков» свозят. Узнай, поступал ли к ним сегодня старик с ножом в сердце, и все!

— Если после этого ты успокоишься....

Она нехотя потянулась к телефону, а я смотрела на нее и радовалась, что у моей подруги имеется замечательная привычка заводить романы исключительно с врачами и, что еще более ценно, после их окончания оставаться с ними в теплых дружеских отношениях. Наши многочислен-

ные родственники уже давно лечились сугубо у бывших лялькиных бойфрендов. Один Киржач оставался до сих пор не у дел, но неожиданно и он пригодился. Кто бы мог подумать?

Между тем Лялька закончила жизнерадостно щебетать в трубку, и я нетерпеливо спросила:

— Ну что? Убедилась?

— Маргош, ты только успокойся, ладно? — Лялька взяла меня за руки. — В общем, ни одного мужчины с колото-резаными ранами сегодня к ним не поступало.

— Аа-ба-а-ал-деть! — выдохнула я.

Мне кажется, или кто-то начинает сходить с ума?

Полчаса спустя я с трудом примостила свой «форд» на свободном пятчке перед отвратительно знакомой многоэтажкой. Окна мигали ровным желтоватым светом. Где-то недалеко залиvisto лаяли собаки.

— Лялька, не дури! — Я настороженно всматривалась в темный безлюдный двор. — Что ты там надеешься найти?

— Для начала — опечатанную квартиру, — пропыхтела она, выбираясь с пассажирского сиденья.

— А если застукают?

— Скажем, что мы трупofilы... Не! Некроманы... Не важно, придумаем что-нибудь. Ну как, идешь?

Не дожидаясь ответа, она нетерпеливо захлопнула дверь и начала пробираться к тускло освещенному подъезду. А зря! Не успела хрупкая невесомая Лялька в белой пушистой шубке добраться по крыльцу, как позади нее раздался оглушительный лай, переходящий в радостное ворчание, и через минуту девушка-фея барахталась в сугробе, отбиваясь от громадного черного пса.

— Пошел вон! Пошел вон, козел!

Псину, конечно, звали совершенно иначе, поэтому на лялькины вопли она не обращала ни малейшего внимания, восторженно валяя ее в снегу и радостно повизгивая. Выскочив из машины, я схватила собаченцию за задние лапы, пытаюсь оттащить ее от поверженной подруги. Признаю, не особо результативно. Пес отбрыкивался, яростно метеля меня хвостом по груди. Хорошо, что вскоре на помощь нам пришла какая-то тетка, выскочившая из-за кустов.

— Тайсон, фу! Тайсон, нельзя!

Но на ее команды псина тоже внимания не обращала, сосредоточенно вылизывая лялькино лицо и волосы. Совместными усилиями любвеобильного пса удалось оттащить от рассерженной жертвы.

— Да я!.. Да я вас!.. — верещала Лялька, выбираясь из сугроба. — Да я милицию вызову! Я на вас заявление напишу!

— Не надо! — суетилась вокруг нее хозяйка злосчастливого кобеля. — Не надо заявление! Не надо милицию! Они и так весь день у нас тут сегодня толкались... Обещаю, только на поводке! Честное слово!

Оп-па! Помощь пришла, откуда не ждали! Я воспряла духом.

— А почему милиция толкалась?

— Небось, отделение рядом, — проворчала Лялька, стряхивая грязь с некогда белоснежной шубенки.

— Убийство у нас, — пояснила женщина, оттаскивая подальше упирающегося кобеля. — Вон темные окна на десятом видите? Там и нашли. Кровищи было...

— Все-таки прикончили твоего старика, — признала подруга.

— Почему старика? — удивилась новая знакомая. — Витьку убили, Орешникова. Он молодой совсем был, крепкий. Горло располосовали от уха до уха.

— Орешников? — Фамилия была мне уже знакома. — Получается, его тоже в квартире у Перссона зарезали. А старик-швед куда делся?

— Не знаю, — пожала плечами собачница, — в нашем доме иностранцев отродясь не было. А я всю жизнь здесь прожила. Квартира на десятом была Витькина. А чья теперь будет — кто ж знает? Повезет какому-нибудь родственничку.

Быстро попрощавшись, она потащила свою псину в сторону подъезда, а мы вернулись с теплые объятия «форда», где я застыла в раздумьях. Зачем было бородачу убивать шведа в своей собственной квартире, а потом сбегать из нее? Почему Перссон лежал в постели Орешникова? И куда делся его труп? Кто убил самого «домушника»? И при чем здесь книга? А главное, при чем здесь я, Маргарита Полыхаева?

— Да с чего ты вообще решила, что старик был шведом и здесь жил? — беспардонно влезла в мои рассуждения Лялька. От недавнего нападения пострадала ее гордость, но никак не мозги.

— Я же рассказывала: в Интернете прочла. В пиратской базе недвижимости было написано, что хозяин квартиры Ларс Перссон. Возраст подходил, и на фотках один в один. Или думаешь, он был русским? С таким-то именем и фамилией?

— Ну, ты, Маргоша, даешь, — протянула Лялька, оттирая собачьи слюны с лица влажной салфеткой, — на заборе тоже много чего интересного написано, так ты всему веришь? Балда Ивановна! А все туда же, в детектива играть. Вот позвоню отчиму, получишь от него на орехи!

— Не получу, — отмахнулась я. — Они с мамой до конца месяца в Тай умотали, пятки греть.

— Ясно, — вздохнула Лялька, — придется мне за тобой, убогой, присматривать. Поехали за вещами. Поживешь у меня до конца отпуска. И чтобы никуда носа не высовывала! Детективщица...

— Но...

— Никаких «но», — решительно отрезала подруга. — Ты мне живая больше нравишься! А убийствами бородатых шведов пусть полиция занимается. Их этому учат.

Конечно, Лялька была права. Я и сама понимала, что история, в которую я вляпалась по самую ватерлинию, становится все гаже и гаже. Самое время залечь на дно. Или куда-то еще. Главное, подальше от любопытных глаз и вооруженных ножами рук. Размышляя об этом, я не заметила, как мы пролетели полгорода на крейсерской скорости и вкатились на заснеженную стоянку у моего дома.

— Слышь, Рит, а твои точно в Тае? — сонным голосом уточнила Лялька.

— Точно, — рассеянно отозвалась я, заглушая мотор.

— Тогда ты электричество выключить забыла, кулема, — засмеялась она, выбираясь навстречу морозному воздуху.

Я вскинула голову вверх. Точно, все три окна моей квартиры на шестом этаже светились мягким золотистым светом.

— Не забыла, — сдавленно прохрипела я.

— Так. — С Ляльки моментально слетела сонливость. — У тебя есть что-нибудь тяжелое?

— Зачем? А-а-а, поняла. — Я сглотнула липкую слюну. — Да, в багажнике можно посмотреть инструменты. Слушай, может, просто вызвать полицию? И сидеть в машине...

— Мы же не знаем, что там. А вдруг нет никого? То-то менты будут рады! Они ни за что тебе не поверят, что свет был выключен.

Внезапно я разозлилась. Да что же это за жизнь! Из дома не выйти, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятность! Надоело. Перегнувшись через сиденье, я схватила небольшой огнетушитель и повернулась к подруге:

— Пошли! Никому не позволю вламываться в мой дом!

Лялька, саркастично подняв брови, оглядела пластмассовый баллон.

— Порыв одобряю, оружие — нет. Ладно, пошли.

Мы поднялись на лифте и осторожно вышли на площадку. Тихо. Дверь моей квартиры прикрыта. Но, подойдя ближе, я увидела, что нижний замок взломан. В глазах потемнело от негодования. Резко открыв дверь, я вытянула руку с огнетушителем вперед и завопила что есть мочи:

— Эй, кто там есть! А ну, выходи с поднятыми руками! У меня оружие!

Какое-то время — мне показалось, что бесконечность, — не раздавалось ни звука. А потом на меня вдруг что-то обрушилось. Вылетев на площадку и выронив злосчастный огнетушитель, я только и успела разглядеть чью-то фигуру, довольно высокую. Лица злодей показывать не хотел, а потому набросил на голову капюшон куртки. Когда я упала, перед моим лицом мелькнули кроссовки.

На пути грабителя стояла Лялька. Один взмах рукой — и моя подруга сползла по стенке на верхнюю ступеньку лестницы. В голове мелькнуло: не везет сегодня моей подруге, то и дело падает.

Я лихорадочно поползла к лифту на четвереньках, борясь с головокружением, но наш обидчик оказался проворнее — кнопка горела красным, а кабина, погромыхивая, катилась на пятый этаж. Понятно, нам его не догнать. Бормоча какие-то не слишком добрые слова, Лялька поднялась на ноги.

— Ты как? — простонала я.

— Офигенно! — процедила она. — Если когда-нибудь заскучаю, просто приглашу тебя в гости. Но, поверь, это случится не слишком скоро.

— Ох! — Я выпрямилась, похрустывая некоторыми частями тела. — Зайдем, вряд ли там засела целая шайка.

Рассмотрев дверь, я поняла, что отчасти виновата сама — уходя, заперла только один замок. Но хорошо, что два других остались целы.

В квартире большого беспорядка не было, но что-то все-таки искали. Особых ценностей у меня отродясь не водилось, а несколько украшений, дорогих как память, лежали на месте.

— Интересно, что он искал? — Лялька огляделась вокруг и пожалала плечами. — Может, деньги? Смотри, книги перетряхивал, и в кухне все перевернул, там ведь обычно сбережения прячут...

Несмотря на тяжелый день и полученную травму, меня озарило:

— Нет, не деньги. Он книгу искал, ну, которую я в квартире то ли Орешникова, то ли Перссона взяла. Просто грабитель не подумал, что она у меня в машине... Слушай, давай чайку выпьем, а?

— Заваривай, мисс Марпл, — усмехнулась подруга. — Как медик предпочла бы другое средство, но англичане упорно рекомендуют...

Быстренько ликвидировав следы пребывания чужака и заперев дверь на верхний замок, мы устроились на кухне.

— Что-то все темнее и темнее, — подвела я итоги. — Что на выходе? Два трупа, один из которых исчез в неизвестном направлении, просто растворился. Квартира одна, а убитых двое, причем, так и непонятно, кому эта квартира принадлежит. И кто такой Виктор Орешников? То ли бо-

родач, с которым я столкнулась и который мне звонил, то ли бородачей тоже двое... А еще книга...

Поток вопросов прервал звонок моего мобильного. Я вздрогнула, Лялька поперхнулась чаем. Мы обе уставились на телефон, как будто ожидая, что из него вот-вот появится нечто inferнальное и утащит нас в потусторонний мир.

— Что делать? — прошелестела я сухими губами. — Номер незнакомый.

— Наверное, лучше ответить, — сквозь кашель выдавила Лялька.

— Алло, — тоненько и противно пискнула я в трубку.

— Маргарита? Добрый вечер, — произнес вежливый голос. — Это Свен Хольберг, по поводу книги моей прабабушки...

— А-а-а, тот самый шпион...

— Почему шпион?

— Что? Ой, простите, это я так... Сама с собой разговариваю...

— О, извините, если помешал, — расстроился мой собеседник.— Наверное, вы заняты. Я могу перезвонить завтра... Или послезавтра. Но, понимаете ли, мне очень важно узнать об этой книге. Конечно, моя настойчивость несколько выходит за рамки...

— Хорошо, — не дала я ему договорить. — Но я так устала, что из дома сегодня и носа не высуну.

— Но... это означает, что я могу к вам подъехать?

Я оглянулась на Ляльку, она махнула рукой, а другой покрутила возле виска. Конечно, она-то действительно устала, а я подставляю ее, вынуждая общаться с какой-то «темной лошадкой».

— Подъезжайте. — Я скучным голосом продиктовала адрес. — Но учтите, что я дома не одна! И еще... У меня есть друзья в полиции, и они будут предупреждены о вашем визите! — И, прежде чем гость из Швеции успел выразить удивление, отключила мобильник.

— И что теперь? — вздохнула подруга. — Будем баррикаду возводить? Ты зачем приглашаешь в дом неизвестно кого?

— Прости меня, конечно, но раз уж сегодня такой день, послушаем, что нам поведает этот мутный швед.

— Почему «мутный»? — спросила Лялька, наливая еще одну чашку чая. — В чем ты его подозреваешь?

— Н-не знаю, — поежилась я, — странно как-то. Только у меня в руках оказалась эта книга, как тут же швед проявился, а обстоятельства при этом, сама знаешь, какие были... И сказал, что через компьютер на меня вышел. В общем, как-то это все...

— А вдруг это просто случайность? Совпадение? И швед чист, как горные вершины?

Взглянув на часы, я прикинула, что таинственный посетитель появится примерно через час. Вряд ли он так уж хорошо ориентируется в нашей столице, а живет, конечно, где-то в самом ее центре. Такси, то да се... Поэтому сигнал домофона минут через пятнадцать удивил меня. «Да, это Свен Хольберг», — вежливо проговорил швед.

Лялька тут же заметалась по квартире.

— Ты чего? — прошипела я, прикрывая глаза, в которых замелькали пятна от ее беготни.

— Оружие ищу, хоть какое-нибудь! — завопила подруга. — Ага, пойдет! — Она достала из кухонного ящика старый нож, привезенный когда-то из Болгарии, большой, изогнутый, с красивой ручкой.

Дверь я приоткрыла и посмотрела на вышедшего из лифта посетителя. Ко мне приближался... тот самый красавец-викинг со снимков в сети. Ростом под два метра, с копной русых волос, с пронзительно голубыми глазами.

— Маргарита? — мягко спросил швед, почтительно наклонив голову. — Приношу свои глубочайшие извинения за столь поздний визит, за беспокойство, которое причиняю.

Он прошел в квартиру и огляделся с любопытством, но не вульгарным, а даже каким-то элегантным. В дверях кухни стояла Лялька и буквально ела его глазами. Гость поклонился, я представила ему подругу. Этаким Версалем мы кланялись и пялились друг на друга, пока Свен Хольберг не посчитал политесы исчерпанными и не прошел в большую комнату. Мы с Лялькой переглянулись и последовали за ним. Руку подруга держала за спиной, сжимая ножик.

— У вас мило, — сделал комплимент викинг. — Но я не хотел бы задерживать вас в столь поздний час. Поговорим о книге.

Я машинально протянула руку, предлагая гостю присесть, и сама опустилась на стул. Лялька же рухнула на диван, положив на колени нож. Свен покосился на него, но ничего не сказал, а повернулся ко мне, изобразив на лице интерес:

— Итак, Маргарита, где же вы видели книгу?

Я смутно помнила наше первое общение в чате и ляпнула первое, что пришло в голову:

— В библиотеке.

— В какой?

Практичные же эти европейцы! Никаких посторонних разговоров, дело есть дело, а время — деньги.

— Там, — неопределенно махнула я рукой, — в переулке, возле улицы академика Забелина, ну, в Китай-городе. — Библиотека там точно была, правда, я напрочь забыла, чьего имени и какой направленности.

— Да? — Неподдельное удивление на симпатичном лице шведа, казалось, исключало всякую возможность актерской игры. — Как странно! Я там бывал неоднократно, но никогда книга прародительницы мне не попадалась. Я ознакомился с каталогом...

Тьфу ты! Кто бы знал, что зарубежный гость, бывая в Москве, рассказывает не по музеям и театрам, а по спрятанным в глубинах старого центра хранилищам книжной мудрости? От растерянности я опустила глаза, лихорадочно соображая, что сказать. И тут увидела ноги шведа. По европейской привычке он не разулся, а мне было не до таких тонкостей. Свен Хольберг был в кроссовках. Точно такие же были и на грабителе. Джинсы — тоже. Само по себе это еще ни о чем не говорит. Сколько мужчин носят кроссовки и джинсы? Но меня как по голове шарахнуло: и рост подходит, а самое главное — как он так быстро добрался до моего дома? А вдруг это он рылся в моей квартире, мы с Лялькой ему помешали, злодей выждал немного, позвонил... Решил продолжить охоту на меня! Внутри у меня все похолодело, а швед спокойно ждал продолжения великосветской беседы.

— Скажите, герр... господин Хольберг...

— Называйте меня просто Свен, — сверкнул белозубой улыбкой журналист.

— Хорошо, скажите, Свен, а как вы добрались сюда? На такси?

Как-то странно он на меня посмотрел. Впрочем, Лялька — тоже.

— Это важно? Да, на такси. Вообще-то я взял машину напрокат, но она на стоянке возле отеля...

— Почему?

— Маргарита, в чем дело? Есть какая-то причина для того, чтобы вы задавали мне вопросы? — Свен еще раз улыбнулся, да и голос звучал совсем не угрожающе, а даже сочувственно.

— Да. Пожалуйста, ответьте, почему ваша машина осталась на стоянке?

— Извольте. Меня от отеля забрал приятель на своей машине, мы немного выпили, так что...

— То есть, у вас на сегодняшний вечер имеется алиби? — Я прищурилась, надеясь, что выгляжу угрожающе. Но легкий смешок с дивана подсказал — скорее, выгляжу, как полная идиотка.

— А мне нужно алиби? — Кажется, я наконец-то пробила брешь в скандинавской невозмутимости. Швед потер лоб и оглянулся на Ляльку. Та, разумеется, немедленно встала на мою сторону и, сурово нахмурив брови, вопросительно уставилась на гостя, нежно потирая ладонью ручку ножа.

Повисло молчание. Тягостным я бы его не назвала, враждебности со стороны Свена не наблюдалось. Он как будто размышлял, как общаться с двумя странными дамами, но не выглядел зловещим или замышляющим что-то нехорошее.

— Уважаемая Маргарита, может быть, вы мне расскажите, что происходит? Это как-то связано с книгой моей прапрабабушки?

Вопрос Свена повис в воздухе, словно поднятый силой телепатии увесистый булыжник, готовый от одного взмаха ресниц с грохотом рухнуть вниз.

— Возможно, — отчеканила я. — Но, чтобы окончательно в этом удостовериться, я должна знать, что это за книга, и почему вы ради нее примчались в Москву. Только все. И честно. Малейшая ложь или увиливание, и книгу вы никогда не получите.

— Дело в том, — замялся Свен, — что рассказ коротким не получится. И я не уверен, что погружение в дебри истории почти семисотлетней давности будет вам интересно.

— Ничего, переживем, — поощрила гостя Лялька. — Марго, у тебя бренди еще остался?

— Есть немножко, — ответила я, извлекая из шкафа початую бутылку и стаканы.

— Пойдет. Если не хватит, можно еще сгонять.

Лялька разлила спиртное и подняла стакан:

— Ну что, за знакомство? Свен, можете начинать повествование.

— Хорошо, — покладисто согласился швед, одним глотком влил в себя бренди, выдохнул и спросил: — Знаете ли вы, что такое Кальмарская уния?

— Ресторан? — предположила Лялька.

— Понятно, — подавил он тяжкий вздох. — Придется с самого начала...

Прошло полчаса. Или больше. Мы с подружкой, усевшись рядышком на диване, осоловело слушали потоком льющийся из уст заморского гостя рассказ о союзе Дании, Норвегии и Швеции, возникшем в конце четырнадцатого века в противовес Ганзейскому союзу. Имена скандинавских монархов, все эти многочисленные Олафы, Магнусы, Альбрехты и Вальдемары смешивались в моем мозгу причудливым калейдоскопом. Я уже была на грани отключения сознания, когда его зацепило одно имя.

— Маргарита?

— Маргарита Датская, а также королева Норвегии и Швеции. Фактически основала Кальмарскую унию и правила ею вплоть до своей смерти в 1412 году, — пояснил Свен.

— Круто! Твоя тезка, Ритка. — Лялька повернулась к шведу: — Но, Свен, пока насчет книги ты не сообщил вообще ничего.

— Я уже говорил Маргарите, что, по семейному преданию, ее написала Биргит Бьерклунд, моя прапрапра... — не знаю уж, сколько раз — бабушка. Было это в пятнадцатом веке. Затем книгу дословно переписала ее внучка, тоже Биргит. Так что экземпляров было всего два. И один из них почти наверняка погиб во время пожара. А вторую книгу увез сын Биргит-младшей, Кристиан Хольстен фон Бергер. И сгинул вместе с нею.

— То есть, ты хочешь найти всего лишь семейные воспоминания? — Я недоверчиво покачала головой. Как-то это объяснение не слишком хорошо укладывалось в кровавые события вокруг дневника старинной шведской бабушки.

— Не только, — вздохнул гость. — Я не зря начал с Кальмарской унии. Дело в том, что матерью первой Биргит была Анна, дочь Клауса Стертебекера.

— А это что еще за перец? Тоже король? — поинтересовалась Лялька.

— Нет, он был пиратом. Очень известным. Эдаким Робин Гудом северных морей. Грабил богатые суда, отдавал добычу бедным.

— Молодец какой, — одобрила я. — Но все-таки, если это и так известно, зачем книга? Колись, раз уж начал.

— Дело в том, что во время одной из своих вылазок Клаус Стертебекер захватил корабль, на котором плыла королева Маргарита. Узнав, кто перед ним, пират галантно отпустил пленницу и всю ее свиту. Единственной добычей Стертебекера стала коронационная цепь Шведского королевства — то ли он сам ее забрал в качестве памятного сувенира, то ли Маргарита отдала ему в ответ на галантность. В общем, цепь оказалась у него...

— Золотая? — восторженно воскликнула Лялька.

— Естественно, — пожал плечами швед. — Увесистая такая штука. Но дело не в этом. Ценится она не по стоимости золота и камней. Это историческая реликвия моей страны. И в этом смысле она бесценна.

— Значит, цепь этот Клаус забрал, где-то зарыл и рассказал дочке, а та своей дочке, а та написала об этом в своей книге? — я наконец-то начинала что-то понимать.

— Все не так просто, — вздохнул Свен. — Дело в том, что Клауса Стертебекера повесили на этой цепи.

— Кто?! — хором спросили мы с подругой.

— По сохранившимся сведениям — власти Германии, захватившие его врасплох в Гамбурге. Говорят, Клаус Стертебекер долго мучился, прежде чем умер.

— Еще бы, — авторитетно подтвердила подруга. — Повесить на золотой цепи с камнями. Это вам не веревка с мылом.

— Но это еще не все. После казни тело своего жоака выкрали члены его команды, увезли куда-то и спрятали.

— Вместе с цепью?

— Не только. Вроде бы они полностью засыпали его золотыми монетами. И только потом похоронили. Но вот где? Побережье Швеции, Дании, Германии? Я надеялся найти сведения об этом в книге.

— Если они там есть, — вздохнула я, — то золото давно бы нашли другие.

— Они там должны быть. Но зашифрованные. Я в этом уверен!

Мы с Лялькой переглянулись.

— И что бы ты сделал со всем этим добром, если бы удалось его отыскать? — вкрадчиво поинтересовалась подруга.

— Конечно же, передал бы цепь в королевский дворец! В Стокгольме!

— А золотые монеты?

Ответить на этот вопрос Свену помешал звонок в дверь. Лялька побежала открывать и через полминуты вернулась. Но не одна, а в сопровождении двух человек. На одного из них я уставилась со священным ужасом. Потому что передо мной собственной персоной предстал бледный, но вполне живой Ларс Перссон. Правда, выражение его лица было таким кислым, словно дед явился к нам с собственных похорон. И явился явно не по собственной воле, потому что сопровождавшая его роскошная брюнетка в джинсах и сером пуховом свитере размахивала здоровенным пистолетом, направляя его поочередно на Ляльку, Свена, меня и снова — на господина Перссона.

— Где она?! — рявкнула брюнетка.

— Какого черта, мадам? — подскочил Свен. И словно из пулемета затрещал на неизвестном нам языке. Судя по всему, на шведском.

Мы с Лялькой только хлопали глазами, а вот Перссон прислушивался с явным интересом. Похоже, Свен уговаривал даму вести себя более цивилизованно, но та ни за что не соглашалась. Лялька тем временем бочком проскользнула вперед и с видом невинной овцы уселась рядом со мной на диване.

— Опять в глазок не посмотрела? — прошипела я сквозь зубы. В ответ получила лишь полный раскаяния вздох.

— Заткнись, Свен! — неожиданно по-русски взвизгнула вооруженная фурия. — Хватит! Я пришла сюда за книгой и без нее не уйду! Для начала прострелю коленку... вот этой. — С этими словами злобная тетка направила дуло пистолета на меня.

— А зря, Маргарита, — меланхолично прокомментировал Перссон. — Книга у нее. Прострелите — придется ее на руках тащить. Потому что книги тут нет.

— Это с чего вы так уверены? — немедленно завелась Лялька. — А-а! Так это вы тут шарили в отсутствие хозяйки? И прикид подходящий — джинсы, кроссовки... Так кто вы такой?

— Это тот самый. С ножом в сердце, — объяснила я.

Подруга изумленно глотнула воздух:

— Ларс как-его-там? Владелец квартиры Орешникова?

— Он самый. Кстати, любезный, поделитесь трюком с собственным трупом. Как вам это удалось?

— Пластиковый нож с ампулой красного геля, — буркнул «труп». — Сто пятьдесят рублей в магазине приколов и розыгрышей.

— Но зачем было изображать труп?

— Зачем, зачем... Когда вы вошли в комнату, я понял, что Витька опять все перепутал. Уж рыжую-то от брюнетки мог бы отличить! И я решил напугать вас, чтобы заставить поскорей убраться и не трогать книгу. Но вы в нее вцепились клещом! — В голосе Перссона слышалась неподдельная горечь. — И зачем-то унесли. Нехорошо брать не принадлежащие вам вещи!

— Где книга? — угрожающе надвинулась на меня Маргарита «номер два». — Отвечай!

— Да запросто, — хмыкнула я и злорадно добавила: — Только Орешников ваш сказал, что нужных страниц в ней нет! И он понятия не имел, кто их вырвал.

— Значит, это ты?! — обернулась незванная тезка к Перссону.

— Я вообще не успел в книгу заглянуть. Спал я, когда Витька вернулся. Проснулся от звонка домофона. Думал, это вы, сударыня.

— Вы — идиоты! Я же велела передать мне книгу через службу доставки!

В ответ Перссон лишь пожал плечами, явно не желая нести ответственность за действия Орешникова.

Я внимательно наблюдала за Маргаритой и Свенном. Вот сейчас очень удобный момент для того, чтобы прыгнуть, выбить пистолет из хрупкой женкой руки и... Но швед явно не годился в голливудские супермены. Он и не помышлял ни о чем таком, с детским любопытством наблюдая за происходящим.

— Кстати, что за фигня с квартирой? — не выдержала Лялька. — Чья она на самом деле?

— Была моя, — отмахнулся Перссон. — Но я собрался переезжать к дочери в Канаду и продал ее Виктору со всем имуществом. А до отъезда временно жил в ней.

— Сколько лет? — не унималась Лялька.

— Пять. В моем возрасте спешка при переезде ни к чему.

— Заткнитесь! — снова заорала Маргарита. Похоже, не у одной меня создалось впечатление, что, несмотря на оружие, она то и дело теряет контроль над ситуацией. — Где эта чертова книга?!

Я неожиданно почувствовала, что страшно устала, и, тяжело вздохнув, проговорила:

— В багажнике. Идемте, отдам вам ее. Но при одном условии — вы все немедленно и навсегда исчезнете из моей квартиры. И больше никогда в ней не появитесь.

Прежде чем покинуть мое многострадальное жилище, нервная брюнетка загнала Свена с Лялькой в ванную и закрыла их снаружи на задвижку. Видимо, опасалась, что втроем мы, несмотря на оружие, попытаемся ее скрутить и не позволим увезти вождеденную книгу — тем более что шведу явно не понравилось мое решение отдать его семейную реликвию в нечистые руки. Но под дулом пистолета заявить свой протест в деятельной форме викинг не отважился, более того — удержал Ляльку, которая рвалась пойти со мной, чтобы не оставлять меня наедине с сумасшедшей вооруженной бабой и фальшивым покойником.

Втроем — я, моя тетка и Перссон — мы спустились в притихший ночной двор и углубились в темный закуток, где я оставила свой «фордик». Процесс передачи раритета из рук в руки прошел без эксцессов. Брюнетка, против ожидания, не стала бить меня рукояткой пистолета по голове, ограничившись всего-навсего изъятием ключей от машины — чтобы я не бросилась немедленно за ними в погоню. Поскольку запасной комплект ключей лежал у меня дома, а о погоне в моем состоянии было бы смешно даже думать, я безропотно отдала ключи и поплелась к подъезду, не удосужившись даже взглянуть, к какой машине направилась криминальная парочка.

Я едва переставляла ноги и вообще ничего не замечала, поэтому лишь чудом не угодила под вынырнувшую невесть откуда «дэушку-матиз» характерного черно-белого окраса и пятнистого рисунка — на таких курьеры ресторана «Якитория» круглосуточно развозят клиентам суши, салаты и пиццу. Я стояла и бессмысленно таращилась на парнишку-азиата, который, не обращая на меня внимания, выскочил из салона с большой плоской коробкой и пакетом в руках, взбежал по ступенькам крыльца и... был отправлен в нокаут распахнувшейся железной дверью, захавшей ему по лбу.

Из подъезда, цинично перепрыгнув через бесчувственного курьера, выскочили гигант-викинг и миниатюрная Лялька.

— Где они?! — рявкнула моя неукротимая подруга. — Ты чего стоишь, как кулема? Бегом к машине!

— Они забрали ключи, — вяло отрапортовала я.

— А запасные? В квартире?

Лялька развернулась, намереваясь перепрыгнуть через несчастного азиата еще раз, но тут командование неожиданно взял на себя швед. Схватив подругу под локоть, он потащил ее к «дэушке», которую курьер доверчиво оставил незапертой, и прикрикнул на меня:

— Быстро сюда, Марго! Нельзя терять времени!

И столько напора было в его окрике, что я без разговоров подчинилась и прыгнула в салон вслед за Лялькой.

— Вы видели, куда и на чем они уехали? — спросил Свен, срывая машину с места.

— Не видела, — промямлила я, с трудом отлепляя себя от спинки сиденья, в которую меня вдавило на старте.

Мы со свистом пронеслись мимо моего дома и выехали на бульвар. Швед пробормотал себе под нос фразу, в которой я уловила только одно слово, похожее по звучанию на «процент», и выкрутил руль вправо. Мы помчались по пустынной ночной дороге к далекому красному огоньку светофора. Тут ко мне начало возвращаться чувство реальности.

— Что происходит? Зачем мы за ними гонимся?! Мы же угнали чужую машину!!!

Свен Хольберг на мое возмущение никак не отреагировал, зато Лялька подалась ко мне и жарко зашептала прямо в ухо:

— Не шуми, Маргоша! У нас, наконец, появился шанс разобраться с твоей историей. Этот тип, очевидно, что-то знает. Сначала удерживал меня, пока я ломилась в дверь твоей чертовой ванной, говорил, что наше появление может тебе повредить, а потом спросил, кто этот старик. Когда я сказала про дедулю с ножом в груди и назвала его фамилию, в этого берсерка словно бес вселился: в секунду вышиб дверь плечом, схватил меня за руку и потащил вниз. Даже одеться не дал!

— Свен, что это значит? — всполошилась я. — Откуда ты знаешь Маргариту? Кто такой Ларс Перссон?

На этот раз викинг счел возможным снизить до ответа.

— Эта дама приходила ко мне в офис в Стокгольме. Правда, тогда она представилась Ольгой. Сказала, что пишет об истории моего рода. А Перссон — дворецкий. Служил брату моего деда в Ревеле — пока город не заняли ваши войска... Вот они!

Мы на всех парах неслись к светофору, который как раз поменял свет с красного на зеленый. Свен включил дальние фары и высветил три машины, степенно начавшие движение. Одна из них (я увидела только темно-зеленый зад и не различила марку), попав в кокон света, вдруг вильнула как заяц и, подрезав с визгом затормозившую «шестерку», метнулась на поперечную улицу. Швед с хладнокровием бывалого гонщика прибавил скорости и на полном ходу повторил маневр зеленого «зайца», свернув буквально в сантиметрах от бампера злополучной «шестерки», водитель которой только-только пришел в себя и тронул машину с места. Свен прибавил скорости и кинулся в погоню за подозрительным авто. Однако то ли водитель там не уступал викингу в мастерстве, то ли мотор у «зайца» был помощнее — расстояние между нами постепенно увеличивалось.

Втянув голову в плечи и стараясь не смотреть на мелькающие обочины, я благодарила Бога за пустую дорогу и молила, чтобы это везение внезапно не закончилось. Всевышний, видимо, решил нам подыграть — желтый свет светофора сменился на красный, и на улицу, по которой мы неслись, неторопливо свернула колонна снегоборочных машин. Водитель «зайца», не успев среагировать, на полном ходу въехал в оранжевого монстра с мигающими на крыше кабины огоньками. Грохот удара, скрежет... а наша «дэушка» уже мчалась по узенькой дорожке между домами.

— Почему мы свернули? — возмутилась Лялька. — Им же нужна помощь!

Швед от неожиданности затормозил и спросил недоверчиво:

— Вы хотите, чтобы мы поехали туда?

— Нет! — завопила я. — Лялька, окстись! Мы на краденой машине, туда сейчас понаедет полиция. Ты хочешь, чтобы нас всех повязали? Не беспокойся, окажут помощь твоим жуликам! В это время суток «скорая» за пять минут до них домчится. И что-то я не заметила, чтобы твои профессиональные рефлексы включились, когда ты перепрыгивала через курьера, которого вы нокаутировали.

— Какого курьера? — неподдельно удивилась моя подруга.

— Шофера этой малютки, которую мы угнали.

— Мы его нокаутировали? Когда?

Я посмотрела на нее с нескрываемым подозрением.

— Ты хочешь сказать, что не заметила парня, которого вы приложили дверью?! Он лежал на крыльце у тебя под ногами, ты через него перескочила и не заметила? Боже, с кем я связалась! Свен, ты чего стоишь? Пожалуйста, увези нас подальше отсюда!

— А я бы предложила пройти пешком, — задумчиво сказала Лялька, которой моя горячая речь вернула благоразумие. — Если шофер этого

полосатика успел прийти в себя и позвонить в полицию, мы уедем не дальше ближайшей патрульной машины.

Викинг, молчаливо приняв ее аргумент, достал из кармана платок, прошелся им по рулю, потом открыл дверцу и протер обе ручки — внутреннюю и внешнюю. Мы с Лялькой последовали его примеру и покинули машину.

— Куда теперь? — мрачно спросила я. — Ко мне нельзя. Там этот курьер. Он видел меня, когда привез пиццу, и наверняка сообразит, либо машину угнала я, либо это сделали у меня на глазах. Какой черт понес его среди ночи с этой пиццей? Кто это у нас в подъезде лопают по ночам?

В ответ на мою гневную тираду Лялька хихикнула.

— Это ты?! — набросилась я на нее.

— Я поняла, что проголодалась, и позвонила в «Якиторию». Ну, не сердись, Маргоша! И вообще, пошли скорее, мне холодно, — поежилась Лялька. — Добежим до ближайшего шоссе, поймем машину и поедем ко мне. Свен, ты не одолжишь девушкам скромную сумму? А то у нас все деньги остались в квартире Марго, такси взять не на что.

— Я сам заплачу за такси, если вы возьмете меня с собой, — галантно произнес викинг. — Я понимаю, что выгляжу навязчивым, но мне не нравится история, в которую вы угодили. Вы позволите мне побыть в эту ночь вашим э... стражем?

Мы с Лялькой переглянулись, она пожала плечами.

— Ну, если ты не боишься, что мы посягнем на твою честь... Вперед!

На дальнейшие разговоры нас уже не хватило. Сначала мы бежали, пытаясь согреться. Потом опасались возбудить любопытство водителя такси. А добравшись до Ляльки, настолько выдохлись, что едва нашли в себе силы добрести до спальных мест. Мы с Лялькой — до ее широченной кровати, швед — до короткого кухонного диванчика с пледом.

Разбудил и меня, и Ляльку запах обжариваемого кофе.

— Боже, какой аромат! — сладострастно простонала подруга, взглянула на часы и испустила еще один стон, уже не такой сладострастный. — Восемь часов! Ирод! Пяти часов поспать не дал!

Она завернулась в халат и помчалась на кухню устраивать гостю головомойку, а я тихой сапой просочилась в свободную (пока еще!) ванную. К тому моменту, когда я оттуда вылезла, гнев подруги полностью переключился на меня:

— Сколько тебя можно ждать? Ты нарочно, да? Знала, что я еще не умывалась, и заперлась в ванной на всю оставшуюся жизнь!

— Дамы, не ссорьтесь, — вмешался швед, разливая кофе. — Нам сегодня предстоит серьезная боевая операция, не нужно тратить нервы по пустякам.

— Какая еще операция? — подозрительно спросила Лялька.

— Мы должны выяснить, в какую больницу увезли наших налетчиков, — сказал Свен.

— А дальше?

— А дальше я с ними поговорю. У меня есть одно подозрение, которое нужно проверить. Если оно подтвердится, думаю, я смогу избавить вас от дальнейших неприятностей.

— Хочешь сказать, что берешь «серьезную боевую операцию» на себя? — уточнила Лялька. — Но это наша с Маргошей история! Ты тут вообще сбоку припека!

— Я не собираюсь оттеснять вас в сторону, хотя, наверное, и стоило бы. Ваша история кажется мне очень странной и опасной, но, думаю, вместе мы сумеем в ней разобраться. Обещаю рассказать вам о своих подозрениях, но сначала помогите мне найти эту даму — то ли Ольгу, то ли Маргариту. И старика. Я должен с ними побеседовать, прежде чем мы решим, куда двигаться дальше. А для этого нужно их найти и, по возможности, быстро. Не представляю себе — как, ведь мы не знаем точно их имен...

— Тоже мне, бином Ньютона! — фыркнула Лялька и удалилась в комнату — звонить.

Я не стала объяснять Свену, что она работает в «скорой» и знакома (хотя бы заочно) со всеми диспетчерами службы. Поэтому имела большое удовольствие полюбоваться на отвисшую челюсть викинга, когда подруга, вернувшись ровно через пять минут, сообщила, что граждан, пострадавших вчера в ДТП на Седьмой Парковой, отвезли в пятьдесят седьмую горбольницу. Имена пострадавших неизвестны, поскольку документов при них не обнаружили, а сами они были без сознания. У старика множественные переломы обеих ног. У женщины повреждения еще более серьезные. Врач «скорой» предположил, что одно из переломанных ребер проткнуло ей плевру и задело легкое.

Поскольку Лялькин «си-макс» в очередной раз ждал своей очереди в авторемонтной мастерской, до больницы мы добирались на такси. В холле первым делом обнаружили рамку с турникетом и стоящего за ними охранника. Я несколько приуныла: предъявлять документы и рассказывать, к кому мы пришли, в нашем положении было не самым мудрым. Может быть, Лялька что-нибудь придумает?

Подруга между тем решительно направилась к окошечку, за которым давали справки и выписывали пропуска.

— Скажите, это к вам привезли вчера ночью двоих, пострадавших в аварии на Седьмой Парковой? — спросила она каким-то странным, слегка подвывающим голосом.

— К нам, — подтвердила очкастая тетка за стеклянной перегородкой. — Мужчина во второй хирургии, в шестьсот восьмой палате, а женщина пока еще в реанимации. А вы — родственница?

— Что с ней? Что с моей кузиной?! — заголосила вдруг Лялька, показывая мне глазами на рамку и охранника. Я ее не поняла, но на всякий случай незаметно отступила за колонну рядом с турникетом, увлекая за собой шведа.

— Проникающее ранение грудной клетки... — Тетка за перегородкой осеклась, увидев, что Лялька зашаталась, схватилась за сердце и начала медленно оседать на пол. — Эй, кто-нибудь! Помогите женщине!

Поскольку приемные часы в больнице еще не начались, холл был пуст (мы со Свеном спрятались за колонной), и на призыв, кроме охранника, откликнуться было некому. Сей доблестный муж, не раздумывая, оставил пост и в последний момент успел подхватить мою подругу на руки. Мы со Свеном не стали наблюдать за дальнейшим развитием этого захватывающего спектакля, а поднырнули под «вертушку» и проскользнули в дверь, ведущую на лестницу.

— Куда мы идем? — пропыхтела я, стараясь не отставать от длинноногого шведа.

— На шестой этаж, — просветил меня Свен. — Если план, который висит у них в холле на стене, не обманывает, вторая хирургия расположена именно там.

— Но нас не пропустят! Приемные часы здесь с одиннадцати до часа.

— Что-нибудь придумаем, — легкомысленно отмахнулся от меня викинг.

Нам повезло: уборщица мыла лестничную площадку шестого этажа, и дверь во вторую хирургию оставила открытой.

— По спецпропуску? — спросила она, угрюмо разглядывая нашу грязную обувь. — А бахилы где? Вытрите ноги хоть об тряпку, варвары! Ходят и ходят, следят и следят!

Мы послушно потоптались по ее тряпке и ретировались в коридор второй хирургии. На вешалке при входе висело несколько белых халатов с бейджиками, и Свен, придерживая меня за руку, кивнул на них:

— Давай наденем. В них мы не будем привлекать внимание.

Увидев его руки, нелепо торчащие из белых рукавов, которые заканчивались чуть пониже локтей, я сильно усомнилась в способности шведа слиться с фоном, но обламывать его не стала и послушно натянула халат.

Мы подошли к нужной палате, я уже потянулась к дверной ручке, но Свен меня остановил:

— Подождите меня здесь, Марго.

— Ага! Ясно! Если сюда будет кто-то идти, я сразу дам тебе знак! Постучу три раза в случае опасности.

— Марго, вы начитались детективов! — рассмеялся швед. — Нам просто незачем толкаться там вдвоем. Ну, ладно, если что — стучите.

Не успела я уточнить, что не только перечитала много детективов, но даже один написала, как швед уже исчез в палате Маргариты. А я, тут же приоткрыв дверь палаты, приложила ухо к щелчке. Слов разобрать не удалось, но меня неприятно поразил тон шведа — агрессивный, напористый... Тон человека, говорящего с позиции силы.

В этот момент мне на плечо легла чья-то рука.

Готовый вырваться крик застрял у меня поперек горла, когда я увидела флегматичную физиономию лейтенанта Рейсова. Черт, он-то здесь откуда?! Встреча — хуже не придумаешь! От неожиданности я даже забыла постучать по двери и предупредить Свена.

— Так-так-так, — пробормотал Рейсов. — Маргарита Полыхаева. Писательница, банкирша и просто красавица. Я могу поинтересоваться, что вы здесь делаете?

— Э-э... я... друзей пришла проведать.

— Правда? А больничный халат вам, наверное, на вахте выдали? Да еще и с чужим бейджиком на лацкане... Вот ротозеи!

Ничего не выражающие глаза Рейсова буквально выжигали последние капли моего самообладания. Теперь я точно знаю, что чувствуют кошки, когда их прихватывают за шкурку во время воровства котлет.

Я принялась что-то мямлить, но Рейсов меня прервал:

— Учтите, Маргарита, еще одной душещипательной истории про козлов-издателей, плохое знание местности и цепочку чудовищных совпадений я не выдержу. Выкладывайте все начистоту.

— Я отказываюсь отвечать и не обязана перед вами отчитываться. Если я арестована, то везите меня в участок и допрашивайте, — решительно махнула я рукой.

На губах Рейсова впервые за время нашего знакомства мелькнуло нечто похожее на улыбку:

— Ну что вы, Маргарита! С какой стати мне вас арестовывать? Вы всего лишь были последним человеком, видевшим в живых Виктора Орешникова где-то в дебрях московских новостроек. Правда, свидетели утверждают, что незадолго до убийства перед подъездом жертвы был припаркован синий «форд-фокус», а вы владеете машиной точно

такой же марки и точно такого же цвета, но это же просто совпадение, да?

Слушая рассуждения лейтенанта, я в полной мере осознала смысл выражения «провалиться сквозь землю». Кажется, я покраснела. А молодой опер все не замолкал:

— И, естественно, в больницу вы пришли навестить друзей. Попали в аварию, какая жалость! Правда, на полу разбитого «БМВ» найдено незарегистрированное оружие, но это сущие мелочи. Ах да, забыл спросить! Ларс Перссон тоже ваш друг? Это бывший хозяин квартиры, в которой нашли зарезанного Орешникова. Чистая случайность, я правильно понимаю? И ценнейшая книжка, при виде которой мой эксперт, городской библиофил, грохнулся в обморок — пустячок. Каждый такое чтиво у себя в машине возит, вдруг в «пробке» почитать захочется?

Кстати, о чтении. На днях, по долгу службы, изучал блог одной интересной молодой особы, она как раз этой книжкой интересовалась. Только имени ее не припомню. Кажется что-то на «М»... Маша? Марина? Нет, точно не Марина... А, вспомнил! Маргарита ее звали.

— Я его не убивала! Честно. Клянусь!

— Господи, ну, конечно, вы не убивали Орешникова! — нахмурился Рейсов. — Я понимаю, что полицейских считают некомпетентными придурками и взяточниками, но когда двухметровому рецидивисту профессионально перерезают горло от уха до уха, мне как-то сложно заподозрить в этом банковского клерка, пигалицу, которая в жизни ничего тяжелее пилочки для ногтей в руках не держала. Не вы убили Орешникова. Но если скажете, что никак не связаны с этим делом, я рассмеюсь вам в лицо.

Судя по мрачной физиономии Рейсова, он в принципе был не способен на смех. Думаю, этот опер вряд ли когда-нибудь улыбнулся даже собственной матери.

В этот момент из палаты вышел Свен, быстро оценил ситуацию и, ничуть не выказав своего удивления, прошел мимо.

— Ну же, Маргарита. Облегчите совесть! — продолжал напирать на меня Рейсов.

— Буду разговаривать только в присутствии своего адвоката, — выдавила я из себя это затертое голливудское клише и, кажется, покраснела еще больше.

— Ну, как хотите, — пожал он плечами. — Приятно было поболтать.

— Я... могу идти?

— Естественно. Мне нечего вам предъявить. Никаких прямых улик против вас нет. Цвет машины? Запись в блоге? Кража больничного халата?

Так это недоказуемо. Однако на вашем месте я бы сам попросился в тюремную камеру.

— В смы... в смысле? — От напряжения я стала заикаться.

— Я уже был здесь ночью, сразу после аварии, и переговорил с Ларсом Перссоном. Старый швед испуган до смерти и согласился все рассказать. Правда, в обмен попросил приставить охранника к его палате. И как только у меня будет разрешение от прокурора на круглосуточную охрану, швед расколется... О книжке, об убийстве Орешникова, обо всем. С вашей «подругой» я поговорить не смог — врачи как раз извлекали осколки ребер из ее легкого. Но я твердо намерен побеседовать с ней, как только она очнется, и почти уверен, что дамочка тоже попросит защиты в обмен на показания. Шушера, почуяв запах «жареного», готова сотрудничать.

А вы, обычная банковская работница, которая по самые уши увязла в этой истории, почему-то боитесь именно моих невинных вопросов, а во все не хладнокровных убийц, которые в любой момент могут постучаться в вашу дверь, как постучались в дверь квартиры Орешникова. — Рейсов подмигнул мне, но даже эта лукавая ужимка в его исполнении выглядела зловещим предзнаменованием. — Всего хорошего, Маргарита. Берегите себя. Если захотите исповедаться — моя карточка у вас есть.

Сыщик зашел в палату и прикрыл за собой двери.

Едва я повернула за угол, Свен схватил меня за руку:

— Кто это был, Марго?

— Рейсов... Оперуполномоченный Рейсов.

— Полиция, да? Что им известно?

— Много. Почти все. Они нашли книгу и связали аварию с убийством Орешникова. Перссон согласился дать показания... Лейтенант намерен допросить Маргариту, как только она очнется...

— Как полиция вообще могла связать эти два дела? — Свен на несколько секунд задумался. — Хотя, в принципе, понятно. В машине наверняка нашли пистолет Ольги-Маргариты, и ДПС передала дело в полицию. Учитывая странные обстоятельства аварии... Этот ваш Рейсов, небось, услышал в участке фамилию Перссона и припомнил, что это бывший хозяин квартиры Орешникова. Какой сообразительный полицейский! Далеко пойдет. А то за время предыдущих визитов в Россию у меня остались несколько смешанные чувства относительно ваших ментов...

Я слушала разглагольствования шведа вполуха, чувствуя, что сейчас разрыдаюсь. Кажется, жутковатому Рейсову удалось достучаться до моего

здорового смысла. Я слишком увлеклась, заигралась. А ведь это не игра. Меня действительно могут убить!

— Свен, что нам делать?! — завопила я, прерывая говорливого шведа.

Увы, викинг не придумал ничего лучшего, кроме как спрятать нас в своем гостиничном номере.

— В вашей квартире и в жилище Ляльки слишком опасно. А вот я пока не засвечен в здешних разборках.

Так мы оказались в гостинице. Свен тут же извинился, сказал, что ему нужно сходить в посольство, и умотал из номера на всех парах. Правда, перед уходом строго-настрого приказал никуда не выходить, не подходить к телефону и двери никому не открывать.

— Маргоша, я тут подумала... — Лялька, нарядившись в махровый халат с вышитым лейблом гостиницы, устроилась в кресле. — Кажется, мы и правда вляпались в настоящую детективную историю.

— Всегда поражалась твоей наблюдательности, подружка!

— Да не ерничай ты! Я имею в виду, что во всех детективах убийцей оказывается кто-то из знакомых. Понимаешь?

— Ты к чему клонишь? — насторожилась я.

— Быстро мы сбросили со счетов этого Свена, тебе не кажется? Что это за журналист такой? Угоняет машину, водит как сумасшедший, спровоцировал аварию. За такие выходы его могут наверняка выдворить из страны навсегда. С какой стати ему ставить под удар свою карьеру? Какой-то он мутный...

— Не знаю. Я окончательно запуталась в этой истории. Нам нужно понять, кто вырвал страницы из фолианта. Орешников сказал, что их вырвали еще до него. Перссон тоже утверждает, что это не он. Маргарита и ее пистолет появились позже. Где же страницы? И как вообще книга оказалась в квартире Орешникова? Я думала, что его наняли украсть книгу, он залез в чужую квартиру, но нашел там труп хозяина и фолиант с уже вырванными страницами. А потом все так перекрутилось... Квартира, оказывается, его собственная. «Убитый» Перссон жив и даже знаком с Виктором.

— Маргоша, тебе бы отдохнуть...

— Нет, нет, я чувствую, что именно в этом ключ ко всей истории. Поставим вопрос ребром: зачем кому бы то ни было вообще рвать страницы? Почему не взять всю книгу? Она тоже денег немалых стоит, а золотая цепь даже неизвестно, существует или нет. И никто не знает, есть ли на тех страницах вообще какие-то подсказки, как найти эту побрякушку.

— Проще всего предположить, что кто-то нагло врет. Либо лукавит Перссон, либо лапшу вешал покойный Орешников. И что за чехарда с квартирой? Перссон продал ее Орешникову, но почему-то жил там сам... Ты такое когда-нибудь видела? И та тетка с собакой сказала, что в их доме отродясь иностранцев не было. Понимаешь, Марго? Иностранцев не было! И я ей верю. Никому не верю, а ей верю. Я тебе вот еще что скажу, Маргоша. Насчет «труса» Перссона — ну, что за бред? Магазин приколов, краска, игрушечный нож... Можно подумать, старик весь из себя шутник. И что за дурацкое объяснение он выдал — хотел тебя напугать, чтобы ты ушла из квартиры. На кой черт ему это? По его словам, он там жил. Достаточно было прикрикнуть на тебя, ты бы и так слиняла.

Внезапно у меня в голове забрезжила разгадка.

— Слушай, Ляль, а с чего мы взяли, что кто-то вообще вырывал эти клятые страницы? То есть да, они выдраны, но ведь книга гуляет по чужим рукам уже очень давно. Страницы мог выдрать кто угодно и когда угодно! Мне кажется, настоящий преступник специально накрутил всю интригу. Нанял Орешникова, чтобы тот вырвал страницы, хотя их и так давно в книге нет.

— Однако! Но допустим. Продолжай.

— Получается, наш «урка» работал сразу на двух людей. Маргарита наняла его, чтобы украсть книгу, и Орешников с заданием справился. А вот неизвестный, назовем его «мистер икс», приказал ему выдрать страницы. Скорее всего, «икс» выяснил, что страниц в книге нет, но хотел, чтобы Маргарита подумала, что они там были...

— Маргош, это все чистые фантазии!

— Что предлагаешь, Ляль? Сидеть тут и не рыпаться? — обессилено рухнула я на диван.

Подружка пожала плечами. Тоже мне, советчица! Я достала из кармана карточку Рейсова и повертела ее в руках. Может, и правда стоит рассказать ему все без утайки? И пусть это не в духе детективных романов, но... жить-то хочется.

— Что ты задумала? — спросила Лялька.

Должно быть, меня подвели нервы, изрядно потрепанные встрясками последних дней, но тон подруги показался мне провокационным. Не понять, что у меня на уме, когда я рассматриваю номера телефонов лейтенанта, она не могла, так какого лешего спрашивает? Это такой способ намекнуть на мое скудоумие? А сама она, можно подумать, блистает интеллектом! Только и знает, что критиковать мои версии да пожимать плечами, когда я прошу ее высказать свои догадки.

Все это я и выложила дорогой подруге на пределе своих голосовых возможностей. Мой взрыв подействовал на непредсказуемую Ляльку

неожиданным образом. Вместо того чтобы включиться в скандал или хотя бы немного меня успокоить, она глубоко задумалась, а потом вдруг скинула с себя гостиничный халат и деловито распорядилась:

— Собирайся быстрее, Марго. Мы немедленно отсюда уматываем!

Пять минут спустя мы уже сбегали по ступенькам отеля, а еще через полчаса сидели за столиком пустой кофейни в подвальчике особняка, затерявшегося в лабиринте центральных переулков.

— Может быть, теперь ты объяснишь, какая муха тебя укусила?

— Объясню, — спокойно ответила Лялька, провожая взглядом официантку. — Только давай договоримся сразу: воли эмоциям до поры до времени не давать. Представь себе, что ты сидишь в своем банке и анализируешь цифры. Если заметишь в моей речи несуразности, просто укажи мне на нестыковку или ошибку, о'кей?

Я неуверенно кивнула.

— До сих пор нам с тобой просто не оставляли возможности как следует подумать, Марго, — начала она, отхлебнув кофе. — Если бы не все эти головокружительные трюки и сюжетные повороты, мы бы давно сообразили, что стали жертвой грандиозной мистификации. Сразу скажу: я не знаю, кому и зачем понадобилось морочить тебе голову. Об этом подумаем после. Сейчас мне понятно только, что не кто-то один, а абсолютно все персонажи этой дикой истории врут, как табун сивых мерин.

— Как это — все? — вскинулась я. — И полицейский? И дама с черным терьером? А кто только что меня уверял?..

Ляльке мой возмущенный тон не понравился.

— Мы ведь договорились — никаких эмоций, — поморщилась она. — Хоть бы выслушала для начала. Я помню, что говорила. Никому не верю, а тетке с собакой верю. Зачем постороннему человеку пудрить нам мозги, так?

— Ну, да... — подтвердила я.

— А теперь подумай: тетка сказала, что живет в этом доме всю жизнь, и иностранцев там отродясь не было, правильно? Твоя пиратская база данных выдала, что квартира принадлежит Ларсу Перссону. Человек, который выдает себя за Ларса Перссона, заявил, что продал квартиру. Человек, который выдает себя за полицейского лейтенанта, этот факт подтвердил...

— Что значит — выдает себя? — опешила я. — Ты что, подозреваешь?..

— Марго! — рявкнула Лялька. — Ты можешь, наконец, включить мозги? Я проглотила обиду и сдержанно кивнула.

— Тогда объясни мне, каким образом от внимания собачницы ускользнуло то обстоятельство, что первые тридцать с лишним лет ее жизни квартира принадлежала шведу? Ускользнуло, вопреки тому, что швед

преспокойно продолжал там жить до прошлого вторника, а «совсем молодой еще Витька Орешников», о страшной кончине которого скорбела тетка, так в своем новом гнезде и не поселился? Если тетка сказала правду, выходит, все остальные лгали, так? Но у меня получается, что тетка тоже лгала. Вспомни наш выдающийся разговор у подъезда. Стоило мне возмутиться поведением ее кобеля и упомянуть о полиции, тетка, как по заказу, сообщила нам об убийстве. Не удивилась, не переполошилась, не засыпала нас вопросами, когда мы заговорили о твоём старике, которого «все-таки прикончили», о втором убийстве, о том, что квартира на десятом принадлежит шведу. По-твоему, она вела себя естественно для постороннего человека, не посвященного в наши проблемы?

— Н-не знаю...

— Ладно, допустим, не знаешь. В конце концов, разные люди ведут себя по-разному. Тогда придумай хоть один разумный ответ на вопрос: кто и зачем ввел поддельные данные о Перссоне в пиратскую базу?

— Сам Перссон?

— Зачем?

— Ну, может быть, хотел обжулить какого-нибудь растяпу, продать чужую квартиру по поддельным документам...

— Маргоша, ты сама говорила мне, что в Интернете имя Перссона упоминается только в статьях, так или иначе связанных с культурой. Он посещал выставки, дарил музеям экспонаты, давал исторические справки. Вписывается это в портрет жулика? Нет, это больше похоже на историка, коллекционера или знатока антиквариата. Обстановка в квартире, как ты ее описала, все эти деревянные панели, венские стулья и прочий изыск, прекрасно подходит для любителя старины и совершенно не годится для матерого рецидивиста, каким, по словам бравого лейтенанта Рейсова, был убитый Орешников. Кстати, наша правдивая собачница ни словом не обмолвилась о том, что хороший мужик Витька Орешников имел обыкновение отдыхать за казенный счет в местах не столь отдаленных. Что, согласишься, весьма странно для сплетницы, рассказывающей посторонним девицам о насильственной смерти соседа.

— Да, — признала я пришибленно, — странно. Похоже, ты права. Тетка врала. Но почему? Зачем случайной тетке, которая впервые нас видит... — Я вдруг осеклась. Мозги наконец-то смилостивились надо мной и заработали. — Она не случайная тетка. Она нарочно нас там поджидала, чтобы впарить всю эту ересь про Орешникова. Так?

— Ну, слава богу! — одобрительно кивнула Лялька. — А то я уже начала беспокоиться, что последние события нанесли серьезный урон твоим умственным способностям. Давай, рассуждай дальше.

— Никто не знал, когда мы туда поедem и поедem ли вообще, — продолжала я, окрыленная поощрительным кивком подруги. — Стало быть, тетка — одна или по очереди с сообщником — дежурила у подъезда, высматривая нас на всякий случай. Выходит, им было чертовски важно... что? Не пустить нас в квартиру? Не дать поговорить с настоящими соседями Перссона? Не допустить, чтобы мы узнали о том, что там произошло на самом деле?

— Не гадай. Сказано же: «По плодам судите»! Чего добилась собачница своими рассказами?

— Мы поверили, что квартира принадлежит Орешникову, и окончательно убедились в том, что его убили.

— Угу. А заодно усомнились в смерти старика-шведа, которого ты своими глазами видела с ножом в груди, и морально подготовились к появлению живого и невредимого Ларса Перссона.

— Но он ведь и правда живой, Лялька! Или... Кого же тогда привела ко мне эта жуткая Маргарита под дулом пистолета?

— Какого-то перезрелого лицедея, косившего под Перссона. Под Перссона-жулика, заметь, не под Перссона — благородного любителя старины, хозяина антикварной квартирки. Вся эта сцена, как я теперь понимаю, бездарно срежиссированный балаган. Помнишь, как по-идиотски смотрелась эта красotka с пистолетом?

— То есть они вломились ко мне не ради книги, а для того, чтобы окончательно переключить наше внимание с настоящего хозяина квартиры на вымышленную ими историю? А какова тогда роль Свена? Он что, действует с ними заодно?

— Ну, если так, то он зашел в этих своих действиях довольно далеко. Гнать сообщников так, что они на полном ходу въехали в этот снегоуборочный агрегат, чтобы убедить нас в правдивости их рассказней, — сильный ход. Нет, скорее всего, они конкуренты. Но я бы на твоём месте не стала рассчитывать, что он на нашей стороне. Во всяком случае, лапши на уши он нам навешал изрядно. Ты помнишь год рождения Перссона, указанный в базе данных?

— Кажется, сорок второй... Ох!

— Вот-вот! Как он мог в сороковом году, когда наши войска вошли в Ревель, служить у кого-то дворецким?

— Никак, — признала я безрадостно. — А про книгу он тоже наврал?

— Шут его знает. Может, и не наврал. Но доверять ему все равно нельзя. Слишком криминальные у него замашки для аристократа и журналиста. И появился он, как ты верно подметила, чересчур стремительно. Стоило тебе написать про книгу, и тут же от него приходит сообщение!

— Хорошо, убедила. Викингу доверять нельзя. А Рейсову? Он тоже — участник этой мистификации?

— А ты как думаешь? Кто первым запустил «утку» с убиенным Орешниковым? Кто потом подтвердил факт продажи квартиры Перссона этому вымышленному рецидивисту?

— погоди! — взмолилась я, хватаясь за голову. — Так ты полагаешь, что никакого Орешникова в природе не существует? И никто его не убивал?!

— Не убивал, — твердо сказала подруга. — вспомни, что говорил Володька. Никаких мертвецов с колото-резаными ранами к ним в тот день и накануне не поступало. Положим, труп Перссона эта шайка припрятала. А куда девался труп Орешникова с порезом от уха до уха, о котором тебе так красочно живописал лейтенант Рейсов?

— Но зачем они придумали Орешникова?

— А я-то думала, ты догадалась! — вздохнула Лялька. — Единственное объяснение, которое можно измыслить всему этому балагану, — чье-то горячее нежелание, чтобы об убийстве Перссона — настоящего Перссона — стало известно полиции. А может быть, кому-то еще, кто узнает об этом через полицию. Других причин проявлять такое пристальное внимание к твоей скромной особе я не нахожу. Книга? Я тебя умоляю! Они знали все твои координаты едва ли не с первых минут. Обыскать твою квартиру и машину можно было, и не натравливая свору подставных лиц, вываливающих на тебя кучу разнообразной лжи. Да и обыск, вообще говоря, ни к чему. вполне достаточно было прислать какого-нибудь скромного интеллигента, который предъявил бы на книгу права. Учтывая, каким путем попал к тебе раритет, вряд ли ты стала бы упорствовать и требовать, чтобы тебе доказали законность этих прав.

— Не стала бы, — согласилась я. — Если бы вежливо попросили и не задавали неудобных вопросов, отдала бы книгу как миленькая. Но, Лялька, я все равно не понимаю, зачем им балаган и несуществующий Орешников, если они хотели всего лишь не пустить меня в полицию? Я ведь и так туда не стремилась!

— Они не могли знать, что ты предпримешь, когда пройдет первый шок. Да ты и сама этого не знаешь. Ты даже в первый день, когда тряслась как заячий хвост, позвонила в полицию, чтобы сообщить о трупе. И что этой шайке было делать? Убивать тебя и друзей заодно? Чтобы привлечь внимание все той же полиции? Вот они и устроили тебе полицию на дому. Запугали и запутали так, что ты перестала понимать, на каком свете находишься.

— Не могу поверить, — покачала я головой. — Слишком уж масштабный спектакль для такой мелкой цели. Неужели нельзя было придумать

другой способ отвадить меня от полиции? Да и что такого я могла бы им рассказать? Видела труп старика? И где же он, милая барышня? Побывала в объятиях убийцы, но понятия не имею, как он выглядит? Бесценная информация! И почему же он был настолько любезен, что вас отпустил? Кстати, а правда, почему? Я ведь права: старика убил бородач?

— Ну, если ты действительно видела расплывающееся пятно крови, то больше некому. Если убил. Я бы предположила, что к твоему приходу старик был ранен, но жив. Насчет того, почему бородач тебя отпустил... Думаю, он действительно принял тебя за особу, которой должен был передать книгу. Не за ту актрису погорелого театра, которая размахивала перед нами пистолетом, а за свою настоящую нанимательницу. А ее он, скорее всего, не боится. Наверное, имеет основания считать, что она будет помалкивать. А что до опасности твоего контакта с полицией, кто знает? Могу предположить, что для этой шайки-лейки жизненно важно, чтобы даже слухок о смерти Перссона не коснулся чьих-то ушей.

— Все это очень хорошо, — грустно сказала я, — но все равно это только предположения. Наверняка мы ничего не знаем. И узнать теперь не у кого.

— А Володька на что? Зря он, что ли, криминальные трупы вскрывает? У него половина следаков из следственного комитета в дружках числится. Я не я буду, если через полчаса не выясню через него, работает ли в полиции нашего округа лейтенант Рейсов.

Лялька достала мобильник и начала набирать номер. Поговорив с Киржачом, она выложила ему свою просьбу и попросила сразу перезвонить, как что-нибудь станет известно. Известно стало буквально через десять минут. Трубка заверещала, Лялька схватила ее и молча выслушала, что ей говорили на том конце провода. Отключившись, она торжествующе посмотрела на меня:

— Нам в кои-то веки повезло. У Володьки как раз сидел знакомый опер, дожидался результатов вскрытия. Так вот: в убойном отделе округа никакой лейтенант Рейсов не числится!

— Я одного не понимаю — чему ты так радуешься? — простонала я. — Что нам теперь делать-то?

— Как что? Пробежаться по театральным агентствам, естественно. Разве тебе не хочется познакомиться поближе с биографией блестящих дарований, сыгравших лейтенанта Рейсова, тетку-собачницу, дворецкого Перссона и несравненную Маргариту? А заодно выяснить что-нибудь о личности их последнего антрепренера?

— Ты представляешь, сколько в Москве театральных агентств? — возмутилась я. — А есть еще и гильдия киноактеров... А может, они вообще из другого города? Эти...как ... гастролеры.

— Вряд ли. Сама подумай: их быстренько нашли, организовали. Скорее всего, эти качаловы давно на подхвате, или кто-то один из них на подхвате, а друзей привлек одним мановением пальца.

— И куда мы пойдём? По запросу распечатаем список театральных агентств, и вперед? — буркнула я.

— Да, будем искать, но без отрыва от производства. Не забудь еще и о настоящем Ларсе. Его все-таки убили, кто и зачем — непонятно, где тело — неизвестно. Но они или он боятся, потому что знают, что ты тоже знаешь. А еще и Свен теперь знает...

— Или твой дорогой Свен и есть организатор всей этой канители, — нахмурилась я. — Кто рылся у меня дома? И кто общался с паршивой овцой Маргаритой на родном языке? Согласись, странный этот господин Хольберг.

— Да, — кисло выжала из себя Лялька, — странный. Не думаю, что Свен — главный преступник, но какую-то свою игру он ведет, факт. Знает что-то, а нам ни гу-гу, так что будем держаться от него подальше. Все, пошли по агентствам. Легенда такая: мы, две развеселые дамочки, хотим разыграть друга — крутого бизнесмена. Ищем актеров для постановки. За ценой не постоим. Пусть показывают фотки, глядишь, опознаем кого-нибудь из нашей таинственной труппы.

Распечатка адресов театральных агентств не обрадовала — до Судного дня искать нам негодяев, предавших святое искусство Мельпомены! Глубоко выдохнув, пустились мы по столице, придавая лицам глуповатое выражение и вдохновенно рассказывая байку о друге — «хозяине заводов, газет, пароходов». В седьмом агентстве меня уже мутило от обилия актерских ликов. Лялька, применив все свое обаяние, уговорила коллегу сменить ее на дежурстве, а потом предложила разделиться, чтобы сократить время поиска.

Ночь прошла тихо, впрочем, я так вымоталась, что спала мертвым сном, и даже колонна преступных элементов, шествующих через мою квартиру, не смогла бы меня разбудить. Лже-лейтенант Рейсов на горизонте тоже не маячил.

Утром я продолжила шерстить агентства, выбрав для начала не самые престижные. Мы еще вчера подумали с Лялькой, что загадочный наниматель не стал бы светиться в известных фирмах, предлагающих звезд сцены и экрана.

Контора располагалась в бывшем здании клуба какого-то завода, а сейчас его использовали как площадку для небольших концертов и скромных постановок. Помпезное здание с колоннами, построенное в далекие годы по модели известного на всю страну проекта. Эти колонны мне и помогли.

Подойдя к входу, решила я привести себя в порядок, чтобы мой вид не вызывал сомнений в благонадежности, и отошла в сторону, роясь в сумочке. И вдруг увидела Свена.

Швед вышел из здания, постоял на ступеньках, задумчиво потирая подбородок. Аккуратный, подтянутый, излучавший силу и здоровье, он, тем не менее, выглядел несколько растерянным, как будто что-то у него пошло не так, как хотелось бы.

Скрывшись за колонной, я лихорадочно думала — что делать? Пойти в агентство и попытаться узнать, что там вынюхивал Свен, или преследовать... кого? Врага? Конкурента? Сообщника? Доверия скандинав у меня не вызывал ни малейшего, его цели и задачи так и остались тайной за семью печатями, а поведение вызывало множество вопросов.

Мои мучительные сомнения прервало то, что он как будто принял какое-то решение и быстро зашагал прочь от концертного зала. Я кинула Ляльке эсэмэску: «Встретила Свена, следую за ним скрытно», и — сломя голову бросилась в новую авантюру, старательно лелея в душе робкую мечту о том, что когда-нибудь все это закончится.

К моему несказанному удивлению, швед направился к станции метро. Очевидно, он неплохо ориентировался в столице и знал нашу транспортную ситуацию. В метро слезка осложнилась тем, что я не могла сесть в один с ним вагон, пришлось запрыгивать в соседний, а потом прижиматься лицом к стеклу, ожидая, когда господин Хольберг соизволит выйти.

Чудом удалось мне не упустить Свена и проследовать за ним до конечной цели поездки. Удивлению моему не было предела: скандинав посетил... еще одно театральное агентство. Во всяком случае, табличка на входе сообщила мне эту ценнейшую информацию.

Пока он пребывал в недрах уважаемого заведения, я набрала Ляльку.

— Ты что? Ты где? — завопила подруга. — Я тебе не звонила, хотя после твоего послания у меня сердце не на месте!

— Слушай, знаешь, что делает наш варяг? — прошипела я, прячась за углом здания и стараясь не выпускать из поля зрения двери офиса.

— Неужели проливает слезы умиления перед шедеврами Третьяковки? — язвительно спросила подруга. — Не валяй дурочку, говори!

— Он обходит театральные агентства Москвы! — выпалила я.

— И он туда же! Значит, мы, независимо друг от друга, пришли к одинаковым выводам.

— Еще бы, все великие умы мыслят одинаково. Но это не означает, что Свен — невинный агнец! Может быть множество всяких причин, мотивов...

— Подожди, — вдруг просипела Лялька, — не лопочи. Что ты сказала? «Невинный агнец»? А что — ведь вполне может быть! Во всей истории кто-

то должен оказаться невинным агнцем, так ведь? И кто же он? Тут у нас собрались разные персонажи: злодеи, темные лошадки, мутные личности, одна бесстрашная героиня — это я, и одна дуручка — это ты. И кто-то должен быть принесен в жертву — играть роль невинного агнца.

Пропустив мимо ушей обидную «дуручку», я задумалась. В словах Ляльки был какой-то смысл.

— Наверное, жертва — настоящий Перссон, так? Насчет агнца... Ну, если смотреть на все, так сказать, метафорически...

— А без метафор? Да, Перссон — жертва, хотя мы не знаем, случайно его убили, намеренно или в припадке гнева. Но должен быть кто-то еще — тот самый «невинный агнец», который попал во всю эту круговерть вроде бы и не случайно, может быть, даже в курсе каких-то событий, но истинный их смысл скрыт от него, потому что тот, кого можно назвать организатором, намеренно его использует и обманывает.

И тут в дверях показался Свен. Он с кем-то разговаривал по мобильному.

— Прости, мне пора, — прошипела я Ляльке и отключилась.

Неужели мне опять придется колесить по Москве, преследуя неуемного скандинава? Хорошо, что обувь удобную подобрала... Вздохнув, я поплелась вслед за своей дичью. А дичь вроде и не спешила: Свен прошел пару кварталов до ближайшего проспекта и остановился возле дороги. Я укрылась за газетным киоском, делая вид, что рассматриваю журналы.

Минут через десять к нему подъехал автомобиль — красный «пежо». Кто сидит на водительском месте, я не видела, окна были тонированные. На всякий случай щелкнула пару раз на телефон, сфотографировала и номер машинки. Кто его знает, вдруг наш зарубежный гость общается с каким-нибудь соотечественником из посольства? Хотя номера обычные, да и ситуация нестандартная, сомнительно, что на встречу с ним примчался посольский работник.

Так, хорошо. Почему Свен позвонил кому-то, выйдя из офиса театрального агентства? Ответ может быть только один — он что-то там узнал. И позвонил кому-то... И этот «кто-то» немедленно приехал на встречу.

Пора подумать, попробовать сложить вместе кусочки мозаики и внимательно рассмотреть получившуюся картинку. Обычно версии легко выдавала Лялька, просто целый ворох версий. Так она и вытащила из клубка событий ниточку с театральной постановкой. Но как к этой светлой мысли пришел Свен? Иррациональным путем? И тут меня осенило — он знал. Знал о том, что мы встретились с актерами. Во всяком случае, что лже-Перссон и мой антипод-Маргарита были представителями цеха Мельпомены. Так, так, горячо! Откуда швед узнал об этом? В голове у меня за-

вертелись события предыдущих дней. Конечно — разговор в больнице! Свен общался со стариком, я сама слышала. И старик, наверное, признался, что они с Маргаритой были наняты кем-то, возможно, он и сам не знал — кем. И даже не знал, через какое агентство — их данные могли храниться в нескольких.

В волнении металась я за киоском, не зная, что предпринять. Швед разговаривал с таинственным водителем «пежо», общался спокойно, как люди обычно разговаривают с хорошими знакомыми, когда никуда не торопятся.

И все-таки странный он, этот господи Хольберг.

В конце концов, куда денется иностранный подданный?

А в агентстве след еще горячий. Бочком и отворачивая лицо, выбралась я из-за киоска и вернулась к офису. Перед входом внутренне собралась, готовясь в очередной раз поведать легенду о дружеском розыгрыше. Смело рванула дверь на себя и вдруг услышала сзади насмешливый баритон, распеваящий:

— Мар-га-рита, Мар-га-рита, ангел мой! Ангел мой!

«Приплыли», — безнадежно просигналило собственное сознание.

Кое-как растянув губы в улыбке, я оглянулась, старательно изогнула брови в фальшивом удивлении:

— О-о-о, Свен, какая неожиданная встреча!

— Действительно. — Ироничный тон никак не соответствовал настороженному взгляду. — Особенно, если учитывать, что ваше присутствие озарило мое существование уже некоторое время назад.

— Не понимаю, — пожала я плечами, — вот помогаю друзьям организовать театральное представление...

— Бросьте, Маргарита, — покачал головой швед, — карты на стол! Откуда вы узнали об актерах? Только не говорите, что сели вчера со своей уважаемой подругой пить чай, подумали и пришли к определенным выводам, не поверю! Признавайтесь, вы возвращались в больницу к нашему пострадавшему актеру, либо исхитрились и подслушали мой с ним разговор!

— Думайте, что вам угодно. Может, и поговорила с ним... потом еще разок.

— Это понятно, — довольный, что его догадка подтвердилась, кивнул головой Свен. — Ну, хорошо. Дальше-то что? Вы убедились, что попали волею случая в чужую игру. Мне нужна книга, но вы ничем не можете мне помочь, поскольку она теперь не у вас. И вообще, все дальнейшее вас уже не касается.

— Еще как касается! — Во мне взыграла обида. — Все бы ничего, но человека-то убили! Я говорю о настоящем Перссоне.

— Ах, да! Персон, — задумчиво пробормотал Свен, — Его смерть — большая потеря для меня. Возможно, он владел такой информацией, которая представляет для моей семьи огромный интерес.

— Какой? Что он знал? Речь о кладе, да? Перссон спрятал страницы, где были указания о местонахождении золотой цепи!

Швед печально посмотрел на меня и вздохнул:

— Вот что, Маргарита, послушайте моего совета. Тот, кто убил Перссона, подчеркиваю — если его все-таки убили, — может представлять угрозу и для вас. Оставьте это дело, забудьте обо всем, а я возьму вам моральные и материальные потери.

— Но клад...

— Нет никакого клада! — нахмурился Свен. — Да и будь он — сколько сил надо затратить на организацию поисков? Это может оказаться, как бы сказать по-русски... Нерентабельно, да? Давайте договоримся по хорошему...

— Я подумаю над вашим заманчивым предложением. — Пришлось сделать вид, что слова викинга произвели на меня впечатление. — Созвонимся, возможно, нам и удастся прийти к общему знаменателю.

Вернувшись домой, я сразу прошла на кухню и, устроив на кухонном столе этакий мини-рабочий кабинет, написала на листках из блокнота все собранные нами за сумасшедшие дни сведения и разложила их, пытаюсь выстроить в единую систему. Что ж, чем-то похоже на составление бухгалтерского отчета — надо свести дебет с кредитом, чтобы все сошлось, и получился правильный ответ.

Увы, правильный ответ даже в тумане поначалу не просматривался. Все, что у меня собралось, не укладывалось в один пазл, казалось, что кусочки из разных наборов.

Значит, так. Есть у нас следующее: убит пожилой человек, который тихо жил, никого не трогал, никому не мешал. Кому он мог так насолить? Все, что я знаю, о Перссоне, так или иначе связано с книгой. Значит, книга.

А в ней не хватает страниц. Кто их мог вырвать? Мне звонил бородач и прямо сказал, что сам собирался изъять отрывок, но его кто-то опередил. Скорее всего, меня хотели сбить со следа, запутать окончательно. Если некая женщина должна была забрать книгу, то почему не всю целиком? Значит, кто-то нарушил план преступников. Кто? Ответ напрашивается — настоящий Перссон, а причина такого варварского отношения к раритету у человека, разбирающегося в старинных изданиях, должна быть достаточно серьезной.

Итак, в начало всей цепи событий поставила я Перссона, скрепив его листок с листком, обозначающим покалеченную книгу.

За этой книгой охотятся разные люди: Свен Хольберг, которого можно с натяжкой назвать ее хозяином, во всяком случае, он имеет веские основания считать фолиант семейной ценностью. Мог ли Свен убить Перссона? Физически — без сомнения, но зачем, если вопрос правообладания можно решить миром? Следовательно, ретивому журналисту кто-то вставил палки в колеса. Реликвию он не получил, а Перссона, который мог ему что-либо поведать, не застал в живых.

Во вторую очередь я поставила себя — человека, случайно получившего книгу вместо кого-то другого. Вопрос, на который мы с Лялькой так и не удосужились ответить: вместо кого?

Получить книгу должна была женщина по имени Маргарита. Эта загадочная особа до сих пор скрывалась в тени, но ее присутствие незримо ощущалось. Или присутствие ее мы просто не заметили?

Оторвав еще один листик из блокнота, я нарисовала схематичную женскую фигурку, поставив внутри ее большой вопрос, и обвела его несколько раз. Кто же ты такая, тезка моя?

А теперь — клад. Потрясающе красивая история была рассказана нам господином Хольбергом — Стивенсон отдыхает. Пиастры, тьфу, кроны, золотая цепь, пираты, романтика. Такой куш многие захотят получить. И Свен вдруг сообщает мне, что никакого клада не существует. Почему я должна ему верить? Швед то и дело вешал нам лапшу на уши, правду скрывал, а теперь и вовсе хочет вывести из игры, его предложение о компенсации за версту отдает обычным подкупом.

Он знал о вырванных страницах, сам же полагал, что вернуть их, скорее всего, не удастся, но книгу продолжает искать. Значит, дело для него, действительно, не в кладе. И тут я подумала: сколько разных людей морочили мне за эти дни голову, обманывали и пытались сбить с толку, угрожали? Может, стоит затаиться и, как советовал Свен, залечь на дно?

Нет уж, господа хорошие! Натешились вы вволю надо мной, нарушили покой, проникли в квартиру. А не пора ли и мне вам крови попортить, и не ради сокровищ на дне морском, а для того, чтобы выяснить правду о смерти несчастного Перссона?!

Я быстро нашла в мобильнике сохраненный номер шведского журналиста.

— Свен? Приветик! Не соскучились еще по мне? Я тут подумала о возмещении ущерба... А как насчет вырванных страничек? Хотите их получить?

— Простите, Маргарита, но я умею складывать два и два. Книгу вы получили уже без страниц, я уточнил у старика в больнице — он еще раз подтвердил.

— Ах, какие мы умные! — Пришлось добавить еще толику яда в голос. — А он не сказал вам, что я возвращалась в квартиру и провела там какое-то время...

Швед молчал, и мне показалось, что он немного растерялся. Надо ковать железо, пока горячо:

— И даже два и два складывать не надо, чтобы понять: страницы не покидали квартиру Перссона. Да, времени у меня было немного, но я всю жизнь прожила в России, и знаю, где наши люди любят устраивать тайники...

— Почему вы думаете, что мне интересны именно эти страницы? — холодно спросил Свен. — Для меня важна книга в целом.

— Но вашим друзьям, простите, конкурентам, почему-то нужна эта часть, и они захотят их получить. А вам разве не хочется понять, кто стоит за всей историей?

— Нет, — спокойный голос звучал совершенно искренно, — ни капли.

Я поняла — он знает. Видимо, в процессе своих поисков скандинав понял, кто этот человек, но по какой-то причине не стремится вывести преступника на чистую воду. Пришлось быстро менять тему:

— Ближе к делу: в одиннадцать тридцать я буду стоять возле своего подъезда. Жду вас в течение десяти минут. Если не появитесь с двадцатью тысячами долларов, возвращаюсь домой. На повторное предложение можете не рассчитывать — на свете много журналистов, наверное, кто-нибудь и захочет покопаться в этой мутной истории...

— Подождите! — возмутился швед. — Думаете, мне так легко за несколько часов найти двадцать тысяч долларов?

— А мне плевать! — рявкнула я и отключилась.

Пару раз Свен пытался перезвонить, а потом мобильник затих. Так, будем надеяться, один есть. Пора вытащить на свет моего второго нежного друга — его визитка так и валялась в сумке.

Длинные гудки раздавались так долго, что я уже отчаялась на ответ, возможно, от телефона решили избавиться. Но, в конце концов, немного придушенный голос отозвался:

— Слушаю вас.

— Господин Рейсов? Говорит Маргарита Полыхаева, думаю, вы меня еще не забыли. Значит, так. Страницы из книги, которые вырвал Ларс Перссон, у меня. Простите, что в ходе нашего увлекательного общения забыла вам об этом рассказать. Ах, еще и том, что я возвращалась

в квартиру Перссона, где и нашла эту часть. Хотите получить их — готовьте денежки.

Сухо и коротко я назначила время, место и сумму, на которую готова была обменять раритет, и отключилась, сделав вид, что не замечаю попыток фальшивого лейтенанта завязать беседу.

До часа «Х» я просидела на кухне, рассматривая и перекладывая листочки с заметками, как пасьянс. Ладно, может, никто на встречу и не придет, может, компания развеселой молодежи будет крутиться возле дома, или собачники выйдут на прогулку со своими питомцами, хотя погода не манила на свежий воздух.

В одиннадцать тридцать я набросила куртку, прихватила нож, который Лялька нашла перед первым приходом к нам Свена, спустилась вниз и встала сбоку от подъездной двери. Пять минут показались мне долгими часами. Вокруг было пустынно и темно. Противный ветер налетал порывами и затихал ненадолго.

Отворачиваясь от ветра, я подумала, что вся красивая операция с треском провалилась, пора идти пить чай и ложиться спать, но вдруг у соседнего подъезда мелькнула фигура: кто-то двигался по дорожке вдоль дома.

Из темноты вынырнула стройная высокая женщина в полушубке и меховых сапожках. Она легко подскочила к двери моего подъезда и прищурилась на кнопки домофона, наверное, разыскивала нужные цифры. Я решила вместе с ней войти в подъезд и шагнула из темноты к ступенькам.

Женщина вздрогнула и повернула голову, но, увидев меня, облегченно вздохнула.

— Ох, вы меня напугали! — весело бросила она, опираясь рукой на железную дверь подъезда. — Вы знаете код, а то я плохо вижу цифры?

И тут я замерла, как будто в лицо плеснули ледяной водой. Голос, голос этой женщины я уже слышала. Сильный, красивый голос, который так ей подходил. Но когда я его слышала в прошлый раз?

Дама повернулась ко мне, отступив на шаг, пропуская меня к домофону, но я осталась на месте.

— Что с вами? — улыбнулась моя собеседница. — Мне в квартиру на десятом. Давайте быстрее, а то холодно! — Она подпрыгнула, обхватив себя руками.

Все. Я вспомнила. Она сказала почти то же, что и тогда — «квартира на десятом». Надо же, как можно поменять внешность! А вот голос — не получается.

— Привет, тетка! — кивнула я ей. — Куда кобеля своего дела?

— А это смотря, кого ты имеешь в виду, — медленно ответила таинственная Маргарита. — Не ждала меня?

— Как сказать! Обычно ты любишь, чтобы за тебя другие делали грязную работу. Деньги закончились или наниматься к тебе больше никто не хочет?

— Да, прокололась я, — прошипела она, — но кто же знал, что такая дура, как ты, узнает меня?

— Собачку тоже в театральном агентстве нашла? — На всякий случай я отступила на шаг назад и пожалела, что Ляльке не позвонила. Вдвоем мы бы с этой мымрой справились.

— Ладно, поболтали, вспомнили прошлое, теперь о деле. Где страницы, которые этот старый козел вырвал? — Маргарита двинулась ко мне.

— Не подходи! — пришлось выставить перед собой нож.

Преступница пожалала плечами и демонстративно спрятала руки в карманы полушубка:

— Не хочешь по-хорошему, будет тебе по-плохому. — Угрозы в голосе не слышалось, но мне почему-то стало страшно.

— Сударыня, нельзя шутить с огнем, я ведь вас предупреждал, — раздалось за моей спиной.

Вздрагнув от неожиданности, я взмахнула ножом в воздухе и обернулась.

— Ай-я-я-яй! — Рейсов поцокал языком и усмехнулся: — Полицию вызывали, госпожа Польшаева?

Конечно, глупо было думать, что Маргарита пойдет на встречу одна, разумеется, сообщник был с ней. Придется продолжать блеф, надеюсь... на что-нибудь надеюсь.

— Значит, вам нужны страницы? — Я постаралась изобразить раздумье. — Вы должны понимать, что с собой я их не ношу, они спрятаны в надежном месте.

— Фигня, — мотнул головой Рейсов, — дома спрятаны. Давай, поднимемся к тебе, и ты, как хорошая девочка, отдашь то, что тебе не принадлежит.

— Вам эти страницы тоже не принадлежат. Эта книга господина Хольберга. Может, позвоним и спросим его мнение?— слова давались мне с трудом.

Маргарита и Рейсов дружно рассмеялись:

— Да мы знаем, чья это книга, милая. С господином Хольбергом мы как-нибудь договоримся.

«Так. Не иначе, как одна шайка, — мелькнула мысль, — он их и прислал, берсерк хренов!»

— Ну что, пошли? — ласково спросил лжелейтенант.

— Да нет у меня этих страниц, ни дома, ни в другом месте, — в отчаянии цеплялась я за любую возможность.

Маргарита нахмурилась и махнула рукой сообщнику:

— Подожди, дома у нее я ничего не нашла, наверное, действительно где-то спрятала.

— Ах, так это ты рылась у меня в квартире! — Моему возмущению не было предела. — Ничего ты не получишь, поняла!

Дама подала сообщнику какой-то знак, и Рейсов быстро схватил меня за руку, сжав запястье. Вскрикнув, я выронила нож.

— Плохо тебе придется, идиотка! — Маргарита вплотную подошла ко мне, и я, согнувшись от боли, постаралась пнуть ее ногой, но ничего не вышло — меня дернули назад, резко заведя руку за спину.

— Ты отдашь нам страницы, иначе с тобой случится то же, что с придурком Перссоном. Тоже пытался нам мозги пудрить, и где теперь старичок Ларс? — Рейсов еще сильнее сжал мою руку.

Понятно, дела мои — хуже некуда, пора вспоминать молитвы. Но тут что-то случилось — ситуация внезапно изменилась. Какая-то тень выскочила из темноты. Я почувствовала, как сзади рухнул на землю Рейсов, потянув меня за собой. Рука болела, но ее больше не сжимали железными щипцами. Пока я освобождалась и поднималась, рядом Маргарита отбивалась от нападающего, причем, довольно резво. Но силы были неравны, и мой спаситель одержал победу, скрутив ее и тоже уложив на землю. Вообще, вся сцена напоминала хронику операции спецназа, которые время от времени нам демонстрируют по телевизору.

Покачиваясь, я подошла к герою последних нескольких минут. Маргарита лежала лицом на земле, что вызвало у меня приступ злорадства, а «герой» повернул голову в мою сторону, и у меня невольно вырвалось:

— Свен? Не может быть!

— Добрый вечер, Марго, — спокойно ответил швед, как будто мы встретились в кафе или на ярком многолюдном проспекте. — Поздно гуляете, на ваших улицах неспокойно.

— Ничего не понимаю, — бормотала я, — разве вы не из одной компании?

— Частично — из одной... К моему величайшему сожалению, правда, любовь моя? — Свен потрепал по плечу поверженную амазонку.

Ответом ему был такой поток брани, что у меня глаза на лоб вылезли.

— Ну-у, — печально протянул «викинг», — теперь-то я на тебе точно не женюсь!

— На ком не женишься? — тупо спросила я.

— На ней, на Маргарите, конечно. Позволь тебе представить — Маргарита Андреева, моя подруга... До недавнего прошлого.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить свалившиеся на меня сведения, а швед достал мобильник и вызвал полицию.

— Ничего мне не будет! — вдруг выкрикнула Маргарита. — Что нам предъявят? Нападение на эту... Подумаешь! Наши слова против ваших, других свидетелей нет.

— Не рассчитывай на легкую статью, — не глядя на бывшую возлюбленную, ответил зарубежный гость. — Думаю, речь пойдет об убийстве Ларса Перссона.

— А тело где? Какое убийство? — придушенно засмеялась дама. — Первый раз слышу о каком-то там Перссоне!

— Да, — кивнул головой Свен, — действительно, неувязка с телом. Но там посмотрим, кто из вас раньше... как это по-русски правильно сказать? Расколется, да?

Когда, мигая огнями и завывая сиреной, подъехала полицейская машина, Рейсов еще был без сознания, а Маргарита не нашла ничего лучше, как артистично изобразить глубокий обморок.

— Никогда тебе не прощу! — в сотый раз повторила Лялька, пожирая меня горящими глазами. — Как ты могла так поступить!

— Но пойми же ты, дурила, — в сотый же раз пыталась я убедить подругу в своей правоте, — другого выхода не было!

— Девочки, девочки, не надо ссориться, — примиряющее пророкотал Свен, разливая по чашкам чай, — хорошо, что хорошо... как там дальше?

— Ладно, — махнула рукой моя подруга. — Я еще с тобой поговорю! Но теперь хотелось бы, наконец, прояснить все странности. Итак, что же произошло с Маргаритой?

Швед слегка помрачнел, но все же открыл нам тайну своих отношений с пылкой возлюбленной.

Он познакомился с ней в Москве во время одной из своих командировок. Маргарита, актриса одного из театров, очаровала скандинава своим ярким темпераментом и, что скрывать, привлекательной внешностью. Свен Хольберг увез даму сердца в Швецию, нашел возможность продления ее визы, и некоторое время пара жила счастливо. Маргарита вела себя прилично, истинного своего характера не открывала. Правда, настаивала на браке, а викинг все тянул по причинам, которые он нам разъяснить не пожелал.

— Последнее время я много сил тратил на то, чтобы разыскать книгу моей прабабушки, и наши отношения с Маргаритой несколько испортились. Я рассказал ей о кладе, чтобы заинтересовать и... — швед помялся. — Да, немного пустить ей пыль в глаза.

— Так есть клад или нет? Объясни нам, наконец, а то у меня сердце не на месте! — буркнула я, вспомнив, как Свен морочил нам головы.

— Да нет никакого клада, — улыбнулся скандинав. — Есть, конечно, семейное предание, но многие аристократические роды могут похвастаться похожими историями. Маргарита не понимала, зачем мне эта книга, вот ей и рассказал, наполовину серьезно, наполовину в шутку.

— А она поверила, — кивнула Лялька, — и решила искать шифр клада самостоятельно.

— Да, — согласился Свен. — А я долго этого не понимал. Ларс Перссон, сын старого дворецкого, который после войны остался на вашей территории, как-то написал мне, мы начали общаться по электронной почте, и я просил его помочь мне в поисках. И вот он пишет, что, кажется, вышел на след и скоро сможет сообщить мне приятные вести. И буквально через день мне попало сообщение в Интернете, которое написала наша уважаемая Марго.

— Как же так получилось? — спросила Лялька. — Выходит, Перссон нашел книгу, купил ее, но тебе об этом не написал.

— К сожалению, все, что связано с Перссоном, для нас останется в области предположений, — вздохнул журналист, и мне показалось, что тема ему не слишком приятна. — Наверное, так и есть. Просто он хотел сам изучить книгу, чтобы понять ее ценность для меня. Но я бы ему хорошо заплатил в любом случае.

— И ты полетел в Москву, а твоя... Ой, прости, эта змея тоже примчалась сюда.

— Скорее всего, она еще раньше вскрыла мою переписку с Перссоном, узнала его адрес и решила сама забрать книгу, в которой, по ее мнению, хранились указания, как найти клад.

— Дальше идет та часть, которая совсем загадочна, — поежилась я. — Как получилось, что Перссона убили? И где его тело?

— Ну, кое-что вашей полиции выяснить удалось, — усмехнулся Свен. — Рейсов оказался не настолько крепким орешком, как можно было подумать. Между прочим, это его не настоящая фамилия, и он известен в актерских кругах как человек, не брезгующий иметь дело с криминалом. Прохвост, готовый за плату заморочить голову кому угодно — от ребенка, которого требуется заманить в добровольное путешествие в какое-нибудь логово, где его будут держать до получения выкупа, до старушки, владею-

щей ценным антиквариатом и не желающей со своим добром расставаться. Марго нуждалась в сообщнике и помощнике, но заплатить ему не могла, поэтому рассказала Рейсову о кладе. Рассказала по телефону, лично они до поры до времени не встречались. Рейсов, загримировавшись, вступил в переговоры с Перссоном, возможно, обещал ему слишком большую сумму, и старик насторожился.

Тут швед помолчал, как будто опять ступил на зыбкую почву. Ох, опять что-то темнит наш «викинг»! Я поймала взгляд Ляльки и поняла, что подругу одолевают те же сомнения.

— Так или иначе, но Перссон зачем-то вырвал страницы из книги, после чего согласился или сделал вид, что согласился продать книгу. Рейсов, по указанию Маргариты приходит к старику, торгуется с ним, но таких денег у них нет, да и платить ему они, судя по всему, не собирались. Что-то там у них произошло, и Рейсов вонзает нож в грудь Перссона. Звонит Маргарите, та обещает что-нибудь придумать... А дальше...

— А дальше появляюсь я. — Настала моя очередь делиться предположениями. — Я звоню, Рейсов спрашивает — кто? Ответ — Марго. Рейсов, думая, что приехала его нанимательница, решает переложить проблему с трупом на ее плечи, впускает меня и быстро смывается. Но потом, видимо, его посещают сомнения по поводу моей личности, он выясняет, что я не та, кого он ждал, и связывается с Маргаритой. Они встречаются и вместе разрабатывают новый план.

— Куда же они все-таки дели тело настоящего Перссона? — спросила Лялька.

— Утопили в пруду в Сокольниках. Рейсов признался, согласившись на явку с повинной, — ответил Свен. — Там сделали прорубь для ваших любителей... как это?

— Моржей, — кивнула Лялька, — да, там и платформу для них построили. Очень удобно тело сбросить ночью в полынью.

— А потом, — подхватила я, — перед нами разыграли знаменитый спектакль. Эх, жаль, Станиславский не оценит! Маргарита, бывшая актриса, нашла своих коллег по цеху через агентство, зная их фамилии, и пошла свистопляска! Она даже сама выступила в роли дамы с собакой, чтобы не пускать нас в квартиру Перссона и запутать окончательно. И ты, Свен, тоже нас сбивал со следа! — Невозможно было удержаться от упрека. — Разговоры вел по-шведски с этой... Маргаритой «номер три».

— Я сам мало что понимал, — пожал плечами швед, — пока актер, изображавший Перссона, не признался мне в больнице, что его с напарницей наняли для розыгрыша. Кто-то знакомый, потому что знали их фамилии, но кто именно — он не знал.

— Но ты тогда сказал, что она приходила к тебе в редакцию, как журналистка...

— Так и было. Потом я догадался, что эту актрису, довольно бездарную, надо сказать, ко мне подослали. Вопрос: зачем? Но долго голову ломать не пришлось, только... ммм... Марго знала о моих поисках, наверное, надеялась, что коллеге я о чем-нибудь намекну, проговорюсь... Своими планами я особенно не делился, вот и хотела нежная подруга понять, хотя бы в общих чертах, что я собираюсь предпринять.

— Интересно, актриса понимала истинный смысл своей работы?

— Я ездил еще раз в больницу, побеседовал и с ней. Они с Марго вместе учились в театральном училище. Дама довольно прилично владеет несколькими языками, в том числе шведским. Когда бывшая подруга разыскала ее, то честно призналась, что хочет меня... как у вас говорят, кинуть. А все потому, что я ей изменяю с другой. — Свен даже покраснел от смущения. — Вот и попросила помочь вытрясти из меня все, что можно, пока я не расстался с ней окончательно. Не слишком удачливая актриса поверила, почувствовала, кроме того, польстилась на деньги, которые были ей нужны.

— То-то она на тебя с такой ненавистью смотрела! — взмахнула рукой Лялька. — Хотела припугнуть как следует. Но спектакль они с напарником разыграли довольно убогий.

— Ха! — вырвалось у меня. — А вот Лялька своим умом дошла до того, что перед нами разыгрывался спектакль. А ты и не верил!

— Снимаю шляпу, — склонился журналист в любезном поклоне. — В агентстве мне сказали, что актеров нанимала женщина. Тогда я и подумал о Марго, позвонил ей, поспрашивал... Неважно, в общем, понял, что это ее работа. А ты никак не желала уgomониться! Все правду искала.

— А где ты научился так маскироваться и драться? — спросила Лялька.

— Служил, — коротко ответил Свен. — Приходилось в разных переделках бывать.

Пили мы чай у меня дома, общались тепло, по-дружески. Но оставалась еще одна тайна, которая не давала мне покоя. Подмигнув подруге, я перешла в наступление.

— А скажи-ка, Свен, зачем тебе нужна книга прабабушки? И что все-таки было в тех страницах? Вряд ли Перссон вырвал бы их просто так.

Свен посмотрел на нас лучистыми светлыми глазами:

— Хочу издать книгу в Швеции. Это часть истории нашего рода, чтобы потомкам было...

— Ой, брось эти сказки! — поморщилась Лялька. — Давай, колись, что там такого!

— Мы же никому, — убеждала я упрямого шведа.

— Ладно уж, скажу, только помните, вы обещали никому не рассказывать!

Мы так закивали головами, что чуть шейные позвонки не повредили.

— В вырванных страницах прабабушка зашифровала страшную тайну нашей семьи, — несколько высокопарно начал Свен. Мы затаили дыхание — так интересно! — Дело в том, что моя прабабушка... Ох, — швед приложил руку ко лбу, — она... У нее был любовник!

— Ну-у-у?! — дружно выдохнули мы.

— И он... был настоящим отцом ее детей! — признался журналист. — Потому что ее муж к этому был не способен.

Мы с Лялькой переглянулись.

— И что?

— Как вам сказать... Понимаете ли, все дело в том, кем этот любовник был, — облизал пересохшие губы швед.

— Кем? — удивилась я. — Неужели сам шведский король...

— О-о-о! Если бы! — простонал наш друг. — Это было бы прекрасно! Но нет! Это был... Я не могу... Это был... ЛАКЕЙ!

Секунд тридцать мы с Лялькой молчали, а потом разразились таким хохотом, что посуда на полках угрожающе зазвенела.

— Вам смешно, — огорчился Свен, — а мне каково? Наш род — один из самых древних аристократических...

— Да ты сноб! — выдавила Лялька, ладонью вытирая выступившие от смеха слезы.

— Перссон пытался спасти честь рода, которому служили его предки, — неожиданно перестав смеяться, вздохнула я. — И поплатился за это жизнью.

— Жаль старичка, — грустно кивнула Лялька. — Не понимаю, что плохого иметь в предках лакея? Ведь он вполне мог быть замечательным человеком.

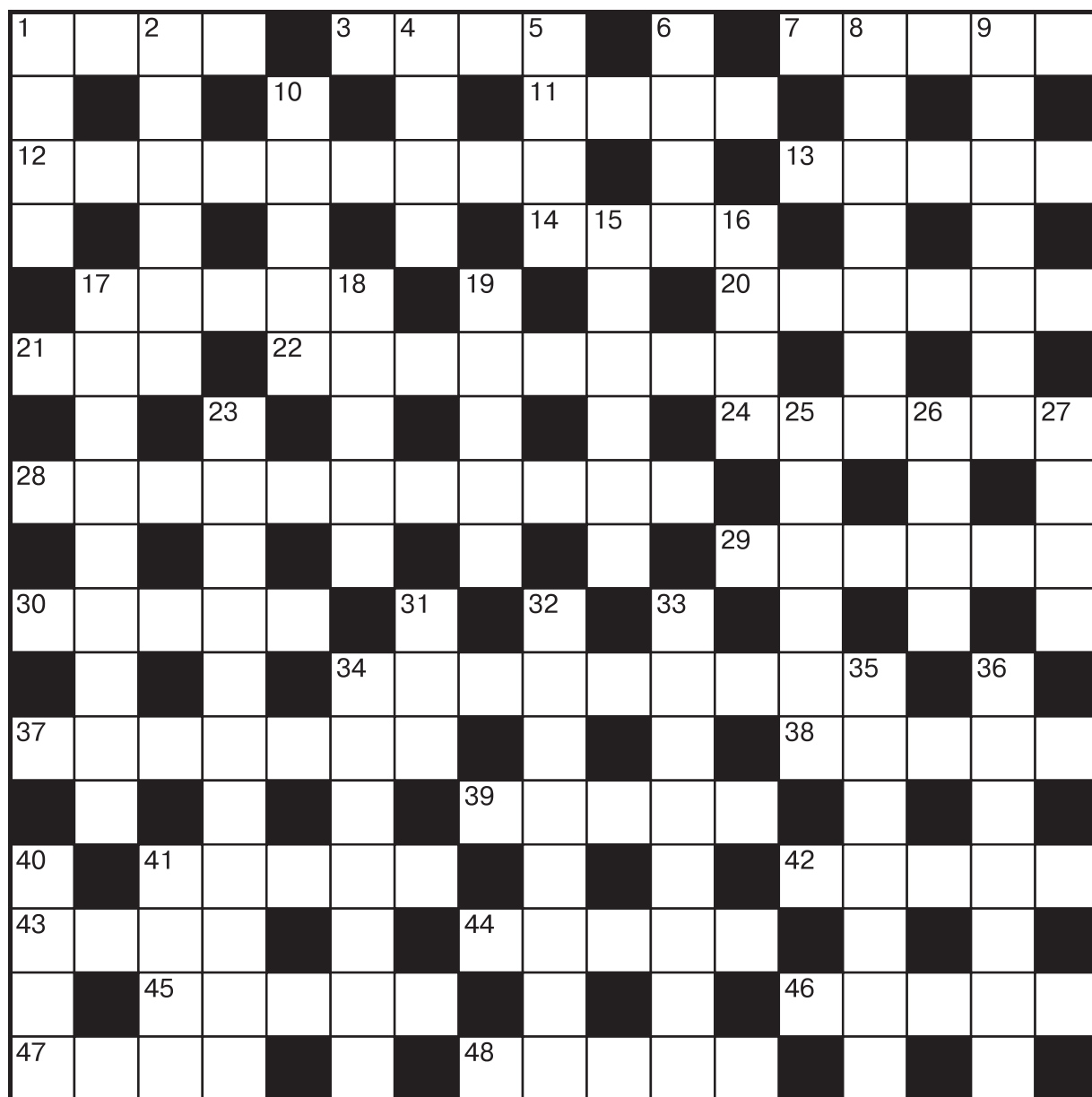
— Если бы я только знал, чем это закончится... — вздохнул белокурый викинг.

Прощаясь, Свен Хольберг сказал мне:

— Знаешь, Маргарита, с тобой ужасно обошлись, я имею в виду твою книгу. Когда я говорил о компенсации, то думал не о деньгах. Может, напишешь еще один роман, а в Швеции его можно напечатать. У меня есть связи в издательствах, и рекламу на телевидении я тебе гарантирую. Что ты об этом скажешь?

Господи, как хорошо-то! Это был один из самых лучших вечеров в моей жизни. Самое главное — никакой путаницы, все так ясно и понятно. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Легенда о викингах. **3.** Пена на десерт. **7.** Мера при продаже арбузов. **11.** «Хоть это ... и стыд напрасный». **12.** Супруга Посейдона. **13.** Ансамбль, с которого начался эстрадный путь Вахтанга Кикабидзе. **14.** Что позволяет хамелеону «догнать» добычу на расстоя-

нии, превышающем длину его тела? **17.** Свисток вместо «подсадной утки». **20.** Загуститель супа. **21.** Господин, угодивший в Польшу. **22.** Исконно русский предок супа. **24.** Какая карта не принадлежит ни к какой масти? **28.** Посредственность в абсолюте. **29.** Чьи звуки сливаются с криком

чаек? **30.** Что самое замечательное в баобабе? **34.** «Мефистофель» из собрания Алмазного фонда России. **37.** Что произошло с Борисом Пастернаком после ареста Ольги Ивинской? **38.** Молитва в мечети. **39.** С чем Владимир Даль сравнивает корабль в бурном море? **41.** Основное население страны, некогда принадлежавшей Российской империи. **42.** «Океан взревет». **43.** Сачок для целого косяка. **44.** «Племенное ...». **45.** Какой штат занимает второе место по территории после Аляски? **46.** «Ни один ... не верит в то, что когда-нибудь он умрет». **47.** Площадь для строевых учений. **48.** «Хорошо удобренная ...» для посевов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** С каким обитателем моря современники сравнивали Сократа? **2.** Немецкий романтик, на надгробном камне которого начертано «он был одинаково замечателен как юрист, как поэт, как музыкант, как живописец». **4.** Что покидали друг в друга супруги Мак-Каски из новеллы «В антракте» О'Генри? **5.** Волки группой. **6.** Чем свободы

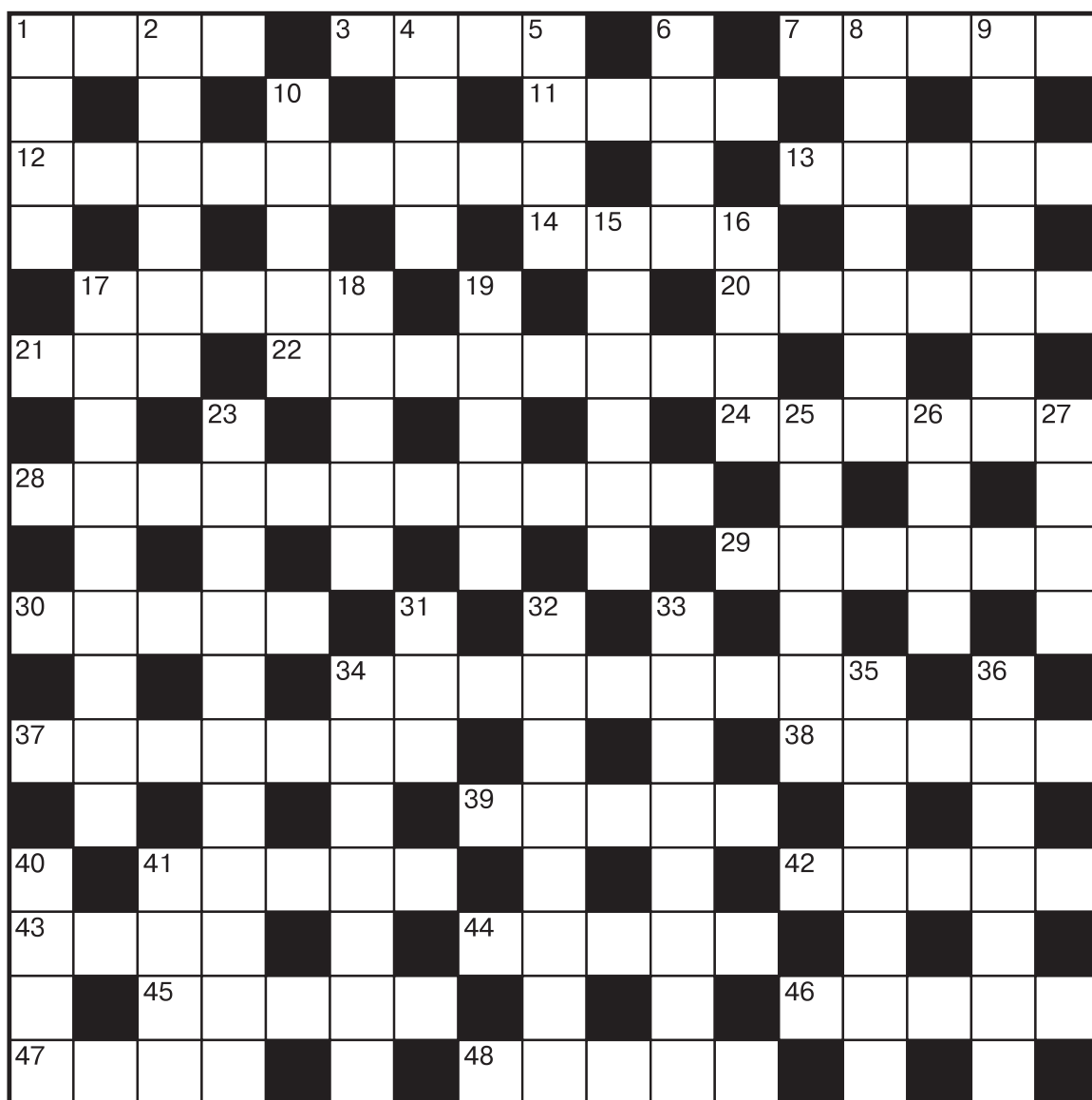
лишают? **8.** На каком московском стадионе футбольное поле впервые оборудовали электроподогревом? **9.** Какое изобретение заняло вторую строчку в японском рейтинге высших достижений XX века? **10.** Голливудская прима, считающая, что лучше «носить косметичку в зубах», чем платить за сумочку две тысячи евро. **15.** «Отшумела дневная ..., юный вечер пахнул тишиной». **16.** Законсервированное богатство. **17.** «Великий похититель женских сердец» эпохи «немого кино». **18.** За какую змею в 2006 года вышла замуж одна из жительниц индийского штата Орисса? **19.** Троя у Гомера. **23.** Иванов Иванову. **25.** Сленг для посвященных. **26.** «Колыбель хабанеры». **27.** «Набег» с проверкой. **31.** Тусовка в Интернете. **32.** «Да, в тебе весь мир! Ты ..., ты мой кумир!» **33.** Какой пес к серым хищникам беспощаден? **34.** Итог того, что компромат предали гласности. **35.** Смотрины для артистов. **36.** Теленок «дяди Федора» из Простоквашина. **40.** Завершающий ... строительства. **41.** Кисея на новобрачной.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Садко. **9.** Поезд. **10.** Жонглер. **11.** Бузыкин. **12.** Костнер. **13.** Чадра. **14.** Пойнтер. **15.** Купчиха. **18.** Монро. **19.** Раут. **21.** Пихта. **23.** Ирак. **25.** Здоровье. **26.** Досье. **27.** Спам. **29.** Успех. **32.** Частник. **34.** Ранец. **36.** Казнь. **37.** Суриков. **38.** Ссора. **39.** Курсы. **40.** Ризотто. **41.** Вицин. **42.** Шитье.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Говорун. **2.** Взяточник. **4.** Амур. **5.** Крысолов. **6.** Сон. **7.** Ягуар. **8.** Ведро. **10.** Жизнерадостность. **11.** Бесхитрость. **13.** Чек. **16.** Халва. **17.** Атлет. **20.** Чипсы. **21.** Палач. **22.** Ортер. **24.** «Бьюик». **28.** Манилов. **30.** Хайсмит. **31.** Георгин. **33.** Кабуки. **35.** Бунин.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Исторический бриллиант, проданный некогда Людовику XIV, но названный в честь лондонского банкира. **3.** Американец, придумавший автомобильные подушки безопасности. **7.** Иранский адвокат, первая мусульманка, кого наградили Нобелевской премией мира. **11.** Букет практически «из миллиона алых роз». **12.** «Из борьбы Хорошего с Плохим выгоду должно

извлечь ...» **13.** Хищник, «владеющий гипнозом». **14.** Живодер из «Фальшивого купона» Льва Толстого. **17.** Особо крепкий эспрессо. **20.** Какой русский металлург раскрыл секрет булата? **21.** Взывание к Аллаху с просьбой. **22.** Сестра Фридриха Ницше, узурпировавшая право единолично трактовать и издавать наследие великого философа. **24.** Ловчий сокол из Азии. **28.** Дис-

циплина сноубординга. **29.** «Медовая жвачка». **30.** Почерк в славянских рукописях. **34.** В каком городе русский композитор Александр Бородин изучал свойства минеральных вод? **37.** Ангел с ключом от кладезя бездны. **38.** Змеиный фрукт. **39.** Мушмула из Израиля. **41.** Кувршеф во времена Возрождения. **42.** Разность между лучшими ценами покупки и продажи. **43.** Инок на старорусский лад. **44.** «Венецианское кружево» ныне. **45.** Какой колокольчик мелодичным звоном летней жарой «навевает прохладу» в японском доме? **46.** Средневековая Волга. **47.** Староста в индийской деревне. **48.** Длинный меч самурая.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Рыжая такса Антона Чехова. **2.** Византийский парусник. **4.** Какого поэта везли на казнь в одной роковой телеге с французским классиком Андре Шенье? **5.** К какому столбу в Древнем Египте привязывали пшеничные колосья с ритуальными целями? **6.** Золотая малявка в аквариуме. **8.** «Креветочная паста» у филиппинцев.

9. Проход между рядами в античном театре. **10.** Грузинская печь для выпечки хлеба. **15.** Шаль, чтобы носить за спиной детей, у женщин Латинской Америки. **16.** Валюта с планеты Плюк. **17.** «Стиль поведения» Фердыщенко из романа «Идиот» Федора Достоевского. **18.** Кто принял командование над экспедицией после неожиданной гибели капитана Джеймса Кука? **19.** Вторая по значению категория в сумо. **23.** Грецкие орехи в киселе из виноградного сусла по-абхазски. **25.** Мифический жрец, остановивший чуму в Спарте. **26.** Камень, ставящийся перед домом при игре в керлинг. **27.** Английский путешественник, открывший северный магнитный полюс Земли. **31.** Буддийский праздник поминовения. **32.** Язык тела. **33.** Шоколадная паста с соленой карамелью. **34.** Флюиды «запретного плода». **35.** Таджикская лепешка. **36.** Самая северная из двенадцати самых ярких звезд. **40.** Что подтолкнуло героя рассказа «Человек из Глазго» Сомерсета Моэма к пропасти безумия? **41.** Контра против преферансиста, взявшего прикуп.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Аглая. **9.** Хамон. **10.** Фамулус. **11.** Жазеран. **12.** Уайтхед. **13.** Сильф. **14.** Кильдин. **15.** Блинкер. **18.** Фидий. **19.** Эфир. **21.** Чечня. **23.** Упес. **25.** Бокарнея. **26.** Адамс. **27.** Раев. **29.** Пошет. **32.** Перрерс. **34.** Жеймо. **36.** Чефер. **37.** Фаберже. **38.** Умбра. **39.** Амача. **40.** Кочедык. **41.** Инула. **42.** Враки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гатаклы. **2.** «Монтаньес». **4.** Град. **5.** Авелиниз. **6.** Бан. **7.** Муцин. **8.** Булье. **10.** Фальшивомонетчик. **11.** Железнодорожный. **13.** Сид. **16.** Афоня. **17.** Траян. **20.** Руэрг. **21.** Череп. **22.** Бареж. **24.** Смерч. **28.** Вегенер. **30.** Теомант. **31.** Амарула. **33.** Сеймур. **35.** Харон.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181040000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		3010181060000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

1 сентября открывается основная подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2016 года в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

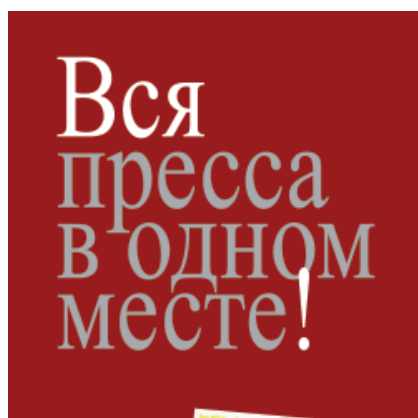
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовой индекс Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

